

Сказки
Ленских
Берегов

100

101

102

103

104

105

106

107

108

109

110

111

112

113

114

115

116

117

118

119

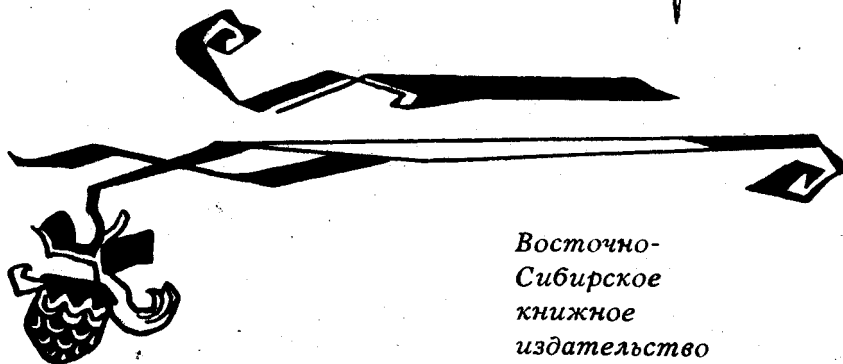

Елена Шастина

Сказки ЛЕНСКИХ БЕРЕГОВ

Восточно-
Сибирское
книжное
издательство
1 9 7 1

*Под редакцией
доктора филологических наук
Э. В. Померанцевой*

НОВЫЕ ВАРИАНТЫ СТАРЫХ СЮЖЕТОВ

У А. К. Толстого есть притча. Семеро братьев искали на земле Правду. И все ее нашли. Но так как подъехали они к Правде с семи разных сторон, то и увидели ее по-разному: кто — темным лесом, кто — широкой степью, кто — высокой горой, а кто — душой красной девицей. И каждый готов был за свою Правду драться с остальными шестью¹.

В 1902 г. писатель А. Амфитеатров впервые увидел Сибирь и удачно сравнил ее с Правдой из толстовской притчи. «Край этот, — с удивлением замечал он, — сам по себе столь невероятен и в хорошую, и в дурную сторону, что ни превзойти его выше достоинства, ни оклеветать не хватит фантазии даже у барона Мюнхгаузена»².

Впечатление, произведенное на ссыльного писателя Сибирью, вспомнилось мне, когда я путешествовала по сибирской реке Лене и записывала песни, сказки, старинные легенды и побывальщины.

Конечно, со времен Амфитеатрова минуло много лет. Да и бассейн Лены — не вся Сибирь, хотя на территории одной Иркутской области свободно могли бы разместиться Англия, Италия, Греция и Австрия, вместе взятые. Но дело не в масштабности.

Я слушала ленских старожилов и вспоминала сказку А. К. Толстого потому, что приленские земли вдруг показались мне тем фокусом, который вобрал в себя всю противоречивость сибирских народных судеб, а услышанное сложилось в яркие картины разного и сложного представления о жизни и Правде русского крестьянства Сибири.

¹ А. К. Толстой. Правда. Собр. соч. в 4 томах, т. 1. М., 1963, стр. 247.

² А. Амфитеатров. Сибирские этюды. 1904, стр. 168.

Более трехсот лет прошло с тех пор, как в суровые приленские земли пришли «охочие хлебопашцы» да «вольные гулящие люди». На берегах Лены и в устьях ее притоков ставили они первые остроги и селенья, производили опытные посевы, били зверя. И до сих пор русские старожильческие села на Лене хранят имена своих давних основателей: Ивашки Дмитриева Синюшкина (Синюшкино, 1663 г.), Гришки Савина Омолойко (Омолоевское, 1689 г.), Пашко Тарасова (Тарасово, 1699 г.), Ивашки Пуляева (Пуляево, 1652 г.) и многих других.

Но не только широким привольем свободных земель манила Лена «расейских» засельников. В первой половине прошлого столетия было открыто золото. Дельцы, абантюристы, любители легкой наживы широкой волной хлынули в низовье реки, растекались по вольным ленским притокам, обживая нетронутую и нехоженую ближнюю и дальнюю тайгу.

И, наконец, царское правительство «остроумно» догадалось этот полный несметными богатствами, но отрезанный от мира край сделать местом ссылки и каторги. «Страна метелей и снегов», страна «кандалного звона» — именно так воспринималась Сибирь многими вольными и невольными путешественниками тех далеких лет.

Из ссылки бежали, с золотых приисков тоже. А единственный ориентир и дорога — Лена. Летом по ней сплавлялись на плотах и лодках, зимой «гоняли ямшину». По ней же пробирались беглые: и политические, и уголовники, и просто тот, кому посчастливилось найти самородок, и теперь он тайно нес его для лучшей жизни.

Вот тогда-то и распространялась в некоторых приленских деревнях так называемая «охота на горбачей». («Горбач» — человек с мешком за плечами, прохожий.) Собственно она возникла не сама по себе. Это было одно из дьявольских порождений сибирских властей. Не в силах справиться со всей массой беглых, местное начальство назначало определенную сумму вознаграждения за каждого пойманного или убитого бродягу. Поэтому кое-кто из крестьян охоту на людей превратил в своеобразный вид отхожего промысла, сделав ее одним из средств существования.

Этот страшный обычай в свое время настолько поразил воображение некоторых ссыльных писателей, что затмил все доброе, что было в сибирском крестьянстве, и вызвал ряд несправедливых и крайне преувеличенных обобщений. Даже И. Г. Прыжов, несправедливо обобщая некоторые свои наблюдения, в «Записках о Сибири» писал, что к такой страшной охоте «сибиряк привыкает с детства. Крестьянский мальчик вместо того, чтоб по-своему наслаждаться жизнью, смотрит уже разбойником и, между прочим, просит отца убить бродягу из винтовки, чтоб посмотреть, как горбун булет на горбе вертеться»¹.

В конце прошлого века среди некоторых писателей-сибиряков, а также и ссыльных появилась особый термин — «сибирский характер», предполагавший дикость и грубость, появившиеся якобы от продолжительного сидения в лесах, страсть к наживе, а также нечувствительность к песне, сказке, музыке.

Подобные взгляды не раз высказывались известным историком и публицистом

¹ И. Г. Прыжов. Записки о Сибири. Очерки. Статьи. Письма. Academia. 1934, стр. 323.

А. П. Шаповым, писателем и исследователем Сибири Н. М. Ядринцевым, беллетристами-народниками И. П. Белоконым, Н. М. Астыревым и др. Они не отражали, разумеется, действительного положения вещей, хотя в характере сибирского крестьянина были, конечно, и своеобразные черты, вызванные специфическими условиями сибирского быта, а также историко-экономическими особенностями развития края.

Вполне понятно, что представления о добре и зле, правде и справедливости были разными и противоречивыми у приленского крестьянства дореволюционных лет. Борьба с суровой природой закаляла характеры людей, делала их отважными и выносливыми. Сибирское хлебосошество не раз отмечалось путешественниками и ссыльными. Но изоляция от внешнего мира, почти поголовная безграмотность, отсутствие элементарной медицинской помощи, «уроки» колониально-националистической политики царизма и не менее выразительные жесты местных властей неизбежно рождали невежество, будили суеверие и жестокость, которые проявлялись подчас необычно и дико.

А потом события революционных лет, гражданская война, пора коллективизации, особенно трудная для сибирского в массе своей зажиточного крестьянства.

Словом, разные эпохи, разные и сложные человеческие судьбы сошлись здесь и завязались единым узлом. И все это не могло не отразиться на фольклоре Приленья.

И теперь еще свежо в памяти людей многое из пережитого: нет-нет и выплеснется оно легендой или рассказом о коммунистах, закованных в раскаленные добела кандалы и уведенных в последнюю путь-дороженьку, что пролегла там, в верхненском логу, под Марьяном. То всплывает легендой о красавице Черепанихе—жестокой атаманше. Не на одних медведей ходила Анка Черепанова: гонит коня, винтовка в руке, и на скаку людей без промаха убивает. По ее приказу зверски расправились белобандиты с командиром чоновского отряда: вырвали у живого внутренности, труп бросили в озеро, а сердце на осине повесили.

И не из того ли далекого прошлого входят вдруг в некоторые волшебные сказки персонажи и мотивы, ничего общего не имеющие с традицией, а как бы завернувшие в рассказ с большого и тревожного приленского тракта.

Не только события революционных и предшествующих им лет отразились в народном творчестве Приленья. Еще сегодня здесь можно услышать и наблюдать явления, принадлежащие и совсем седой старине.

Подымалаша да мать погодка.

Э-ой-я!

Погребайте да вешам!

Э-ой-я!

Погребайте, да браччы, шештры!

Э-ой-я!

Только слышу, да только вижу.

Э-ой-я!

Мои браччы, только погребайте,
да только погребайте.

Э-ой-я!

Верховая та волна-волновая

Э-ой-я!

Школько я слышу, школько вижу.
Э-ой-я!
Никого-то мне в волнах не видно.
Э-ой-я!
Никого-то не слышать.
Э-ой-я!
Только вижу, только слышу.
Э-ой-я!
Гребите, браччы, погребайте.
Эй, э-ой-я!

Эту песню пела бабка Лазариха в с. Каймоново. Пела она ее бесконечно долго, по-ленски шепелявя, а потом остановилась, потому что устала.

— А дальше?

— А вот дальше она все так и пойдет, и пойдет, и пойдет. Эта ранешна песня. Раньше плавам и поем. Её ишо мои баушки пели, а мне девяношто лет.

Становится ясно, что песня бабки Лазарихи — даже не песня, а одна из тех древних песенных импровизаций, которыми наши предки сопровождали свой труд. Да и сама Лазариха с каким-то особенным взглядом на мир напоминает те давние времена, когда люди верили в родство человека и зверя, в способность животного понимать человеческий язык. «Слышу однова шум у ижбы,— рассказывает она своим шепелявым баском.— Открыла дверь — медведь! Я ему: «Ты почо шюды пришоу?» Уговорила — ушоу».

Чем отличается эта наивная вера старой женщины в возможность словесного воздействия на зверя от первобытной философии Дерсу Узала? Помните, как объясняет старый гольд писателю Арсеньеву поведение диких кабанов: «Его все одно люди, только рубашка другой. Обмани, понимай, сердись, понимай, кругом понимай! Все равно люди»¹.

До сих пор сохранились на Лене многие старинные песни и обряды. В ряде сел, особенно по реке Куленге, все еще «гаркают коляду». В первых числах января каждого нового года большими группами колядующие собираются под окошками односельчан. С собой сумки, бидоны, грелки.

— Хозяин, можно, нет коляду гаркать?

И получив утвердительный ответ, запевают, а потом в форме шутливой угрозы требуют вознаграждения:

А не дашь пирога,
мы корову за рога,
поросенка за хвост,
а теленка за нос...

«Гля фарту ее надо гаркать, коляду-то,— поучительно говорит А. Е. Буторина из с. Толмачево.— Вот в клубе-то не пропели, там фарту не было. Клуб сгорел!»

Прекрасно знают и поют на Лене «свадьбишны» песни, «тюремны», казачьи, рекрутские, солдатские, из принискательской жизни, сатирические, партизанские и больше

¹ В. К. Арсеньев. В дебрях Уссурийского края. Владивосток, 1961, стр. 28.

всего любовные. Поют по-разному, часто по-старинному, растягивая гласные, повторяя одни и те же слова, слоги или фразы, что создает определенную эстетическую структуру так называемой «досельной» или «досюльной» песни.

Ой, да мне бы во-о-оска, воску, воску я-а-ара,
Ой, да я бы кры-ы-ылышки себе слила-а...
Ой, я б спархну-у-ула, я бы улете-е-ела
Да в чужу, в чужу, да-а-альну, дальну сторону-о-о-оро-ну-у...

К пению, как правило, относятся серьезно. «Не ревут», как раньше было принято говорить в Сибири, а именно поют, старательно и мелодично выводя голоса. Помню, когда в с. Байдоно (Жигаловский район) какую-то песню начали петь на один голос, бойкая Варвара Михайловна прервала певших: «Но, паря, все басом — эдак чо? Так телята ревут с подсосом!»

Благодатным оказался этот край и для сохранения такого, уже исчезающего в наше время, фольклорного жанра, как сказка. Главным жанрообразующим признаком ее ученые считают вымысел. На легких крыльях фантазии сказка уносит слушателей «за тридевять земель», в чудесные миры «тридевятых государств», населенные мудрыми и прекрасными девами, благородными принцами, злыми колдунами и великанами, многоговыми змеями. Из апельсинов там выходят девушки, сестры Ивана-царевича вступают в брак с Соколом, Орлом и Вороном, лягушка превращается в царевну, за одну ночь воздвигаются прекрасные дворцы, от взмаха платочка растекается безбрежное море.

Конечно, в сказках представлены не только фантастические герои. В них живут и поп, и крестьянин, и барин, и другие самые обыкновенные люди. Но и тогда, когда герои или предметы сказочных историй обычны, проявляют себя они, как правило, необычно. И в этом «существенная сторона сказки, вернее, творческого метода сказки, существенная особенность ее фантастики, а именно то, что в ней не только изображаются фантастические лица и предметы, но что и реальные явления представлены сказкой в фантастическом аспекте»¹.

Чем объяснить довольно широкое бытование этого жанра в Приленье? Как ни парадоксально, но причина этого кроется, по-видимому, в основном бедствии края — отсутствии хорошего сообщения. В отличие от других районов страны, села, расположенные по верхней и средней Лене, долгое время из-за трудности сообщения были почти отрезаны от крупных промышленных центров. И до сих пор железнодорожной магистрали туда нет. Плохи связи между населенными пунктами и внутри районов. Например, несмотря на все наши ухищрения, летом 1969 г. фольклорная экспедиция в Килору (Жигаловский р-н) так и не смогла попасть. Местными жителями название этого села без смеха вообще не воспринимается.

— Килора. Ха! Вторая Москва!

— Почему вторая Москва?

— А потому, что добраться туда нам так же трудно, как и в Москву.

¹ Э. В. Померанцева. Русская народная сказка. М., 1963, стр. 6.

Вероятно, поэтому фольклорные процессы на Лене затормозились. И то, что для центральной России было вчерашним днем, происходит там сегодня.

Конечно, сказка встречается на Лене далеко не в каждом селе. Есть и совсем «несказочные» места. Притом эти «несказочные» деревни, как правило, оказываются чрезвычайно бедными и другими народно-поэтическими жанрами.

В Усть-Илге, например, состоялся такой диалог с целой толпой ребятишек, высыпающих на берег при нашем появлении:

— Ребята, кто здесь у вас сказки рассказывает?

— Не знам.

— Но вы-то когда-нибудь слышали сказки?

— Не.

Песен в Усть-Илге также не поют или почти не поют. Совсем не знают сказок в Тимошино, Лукиново, Байдоново и других деревнях по реке Илге.

Зато села, расположенные по р. Лене и особенно ее верхнему притоку — Куленге, оказались необычайно богаты сказкой, как, впрочем, и другими фольклорными жанрами.

Именно здесь еще в 1915 году известный ученый фольклорист и литературовед М. К. Азадовский обнаружил «мощные залежи сказочного богатства»¹. Здесь же встретил он и замечательную сказочницу Н. О. Винокурову. Из бедной крестьянской семьи, детские и юные годы прослужившая горничной, мать большого семейства, Наталья Осиповна хорошо понимала всякое горе. Поэтому ее сказки, удивительно сочетающие чудесный вымысел с мельчайшими деталями сибирского быта, очень психологичны, проникнуты неизменной симпатией к страдающим и обездоленным.

Верхнеленская сказочная традиция оказалась необыкновенно живучей. И сейчас, более полувека спустя, сказки знает и рассказывает почти вся большая винокуровская родня, расселившаяся в прикуленгинских селах. Лучшей посказительницей тех мест является, несомненно, дочь Н. О. Винокуровой Раиса Егоровна Шеметова, а ее родная сестра Зиновья, по рассказам односельчан, сказки рассказывает, «как мать», живет теперь в Якутском. Замечательным мастером сказки был и сын Винокуровой — Кузьма Егорович Винокуров. Он умер шесть лет назад, но молва об его сказительском умении жива и по сей день. К. Е. Винокуров много лет провел в армии. Сказки он рассказывал от первого лица. Поэтому его племянник Иннокентий Григорьевич Житов, тридцатидесятилетний колхозный бригадир, «дядю Кузьму», от которого перенял сказки, делает главным действующим лицом своих сказочных историй: «Как Кузьма шел с плена», «Дядя Кузьма и барская свинья» и т. д.

В с. Челпаново были записаны три сказки Алексея Ивановича Пермякова. Раньше Пермяков много сказок знал, а теперь забыл. Перенял он их от матери — ныне покойной Мавры Даниловны Пермяковой. Эта сказочница пользовалась в свое время популярностью не меньше, чем Н. О. Винокурова. Воспоминания о ней я слышала почти в каждом селе по Куленге: «У бабушки-то Мавры вечера вечерали. Народ к ней наберется — полна изба. И она имям всю ночь сказки мажет. Спросит только:

¹ М. К. Азадовский. Сказки Верхнеленского края. Иркутск, 1925, стр. XI.

— Вы чо, робята, спите?

— Не-ет, нет, бабушка.

И так до утра».

В с. Толмачево живет и рассказывает сказки Агафья Кузьминична Шеметова — «сестреница» по мужу Р. Е. Шеметовой. В прикуленгских селах говорят и о замечательном «посказителе» Большедворском (с. Большедворское), родном брате Н. О. Винокуровой, которого уже нет в живых.

А в райцентре «Верхнеленского края», Качуге, живет и рассказывает прекрасные сказки Алексей Алексеевич Дерягин. Родом он из села Анги и, несомненно, продолжает ту замечательную традицию, которую в свое время отмечал М. К. Азадовский.

В Усть-Кутском районе знают сказки Фелия Георгиевна Смирнова, Мария Тихоновна Кошкарёва, Феодосья Филипповна Авдеева, Апрасинья Васильевна Каймонова, Василий Семенович Кокауров.

В Жигаловском районе мы записывали сказки от Ольги Филипповны Четвериковой, Устиньи Тимофеевны Хмельницкой, Марии Марковны Болдаковой, Дмитрия Андриановича Коношанова, Татьяны Петровны Дуловой, Филиппа Егоровича Томшина.

Разумеется, сказки, записанные от всех этих сказочников, в эстетическом отношении неравнозначны. Среди них есть бледные и невыразительные, есть яркие и образные. По-разному относится каждый рассказчик и к повествуемому, одно отвергает, другое принимает, над чем-то иронизирует. Одним словом, в каждой сказке (талантливой, конечно, народного художника) отражена личность сказочника с его взглядами на жизнь, с его понятиями о добре и зле.

Но, несмотря на индивидуальную окраску, которую придает народный мастер своему рассказу, есть нечто общее, что в той или иной мере присуще вообще современной народной сказке, в том числе и ленской.

Это общее состоит в стремлении сказочника объяснить житейски необыкновенные, фантастические события чудесного мира волшебной сказки, приблизить мотивы поступков ее героев к современным понятиям.

Молодому государю, вернувшемуся из дальних стран и радующемуся встрече с женой и детьми, «нашоптоват» его мать — «старая ведьма»:

— Что ты, сынок, гордишься? Думаешь — это твои кровные дети? Я сама видела, как один принец подымался к ней на двенадцатый этаж блоком.

Он думает: что такое, в такой любви жили и почему она меня изменила? Какие я имел недостатки?

А старая ведьма подымат матрац.

— Вот, сынок, что она гля твоей стречи припасла.

Смотрит — стоят флакончики. Позвали профессора. Тот признал ядовитую отраву.

Пишет царь заявление в Верховный Совет, в суд. Суд пишет: «Дать ей смертную казнь вместе с детям за измену Иван-царевичу». Но со стороны защиты защищают: «Тут, может, была ложь, тут, может, была клевета. Не дать ей смертную казнь, дать ей особо наказание: посадить в глухую повозку с детьми и завезти в непроходимую тайгу...»

И дальше, после всех традиционных, по сказочному чудесных перипетий, правда торжествует лишь в результате вновь назначенного «пересуда», на который всем вручаются судебные повестки, и «смертный» приговор выносится уже старой ведьме за измену Иван-царевичу. «Привязали ее к хвосту дикой кобылицы и до основания по полю размыкали,— так кончает эту сказку Дерягин и, поразмыслив с минуту, вдруг добавляет: — Так и Берия за измену расстреляли, и все тут».

А нравственному облику царя из другой сказки Дерягин сообщает черты новой морали, и это придает персонажу комичность:

«На второй или третий день Иван и говорит: «Знаете, Даша, меня заинтересовало на лошаде прокатиться». Она побежала к отцу: «Знаете, папа, мой-то дурачок хочет на лошаде прокатиться. Не разрешайте ему». Царь отвечает: «Нельзя же человека так обрывать. Нужно переспитать его, убедить, рассказать ему». А когда влез Иван-дурачок золотому коню в одно ухо, в другое вылез и сделался таким красавцем, что «нигде не опубликован», увидела его Даша и думает: «Уж не мой ли это Ваня так переспитался!» ...прыгнула к ему, повесилась на шею: (но-о!) «Милай мой, кислай, заварной! Ты мой, и я твоя!»

Не из чудесного мира волшебной фантастики, а прямо с деревенской посиделки, кажется, вошла эта «принцесса» в дерягинскую сказку.

Современный сказочник по-новому подходит и к старым образам народной фантастики, тоже переосмысливая их в бытовом плане. Оставляя за ними традиционные названия, рассказчик в то же время как бы снимает с них чудесную оболочку. Так, в сказке Шеметовой «Ковер-самолет» встречается чрезвычайно интересная деталь: мальчик-богатырь идет по острову, «...смотрит — девочка спит. Он разбудил ее и спрашивает: «Ты чья та? Откуда?» — «Я — спящая царевна», — отвечает она».

Таким образом, исчезает очень важный для волшебной сказки момент колдовства, который по чисто словесной ассоциации из чудесного переходит в бытовой, житейский.

В этом смысле показательна известная сказка «Квакушка» в рассказе Шеметовой.

Дело в том, что там вообще нет лягушки как человека, принявшего по воле злых сил нечеловеческий облик, а есть «бабушка», старуха (правда тоже заколдованная), которую окружающие зовут «Квакушкой» за ее безобразную внешность, имеющую сходство с лягушкой.

Вот как сказочница описывает первую встречу с ней Ивана-царевича и ее портрет: живет она «в чаше, в избушке худенькой». «Заходит Ванюша в эту избу — сидит на печке старуха, така стара-перестара, страшно на нее смотреть. Морщина вот в етим месте (показывает на брови) покрывает глаза, губа нижняя у ей покрыла все рыло. И держит ету стрелу Ивана-царевича».

После долгих споров с «бабушкой» и уговоров так не шутить Иван-царевич все-таки приводит ее домой: «Вот, папаша: выборная моя невеста.— Ну, ничо, Ванюша, хоть губа толста, да целовать мягче тебе будет...» А снохи за уродливое сходство с лягушкой прозвали ее «Квакушкой».

Такой же трансформации подвергаются и другие образы народной фантастики. В записанных сказках част образ змея. Но это уже не всегда чудовище, дышащее

огнем. Часто это обычный внешне человек, «мушшына под потолок», хотя и обладающий волшебной силой.

В некоторых ленских сказках традиционный образ бабы-яги дается либо в непристойных тонах, либо заменяется старцем, который живет в тайге, «в лесной халупе». Образ такого лесного старца встречается в нескольких волшебных сказках Дерягина, и каждый раз сказочник подчеркивает в нем интересную деталь: «человек грамотный». Именно эта образованность дает ему силу предвидения. Он сразу видит, что Иван-царевич «человек не простой». («Анастасия-Золотая коса»). Такой же «грамотный старец» принял и оклеветанную жену и, разгадав в ее сыне царевича, стал учить его грамоте («Про двух царевичей и стару ведьму»).

Новый подход к изображаемому в сказке проявляется не только в бытовом переосмысливании образа в целом, но и в стремлении истолковать житейски каждую деталь сказочного повествования. В современной сказке ко всем поступкам героев как бы задаются вопросы: почему? для чего? зачем?

А впрочем, не лучше ли посмотреть, как это делается. Но вначале небольшое замечание: сказка, как известно,— творчество народное. Ее создает не одно лицо, не только сказочник, но и слушатель, аудитория, которая незаметно, но неизбежно включается в невидимый и сложный процесс сотворчества. Поэтому все то новое, что появится в сказке, рождается непосредственно в момент ее создания, так называемого сказывания-восприятия.

Итак, заглянем на минуту в «творческую лабораторию» современной народной сказки.

Рассказывает Раиса Егоровна Шеметова. Кстати, Раиса Егоровна одна из тех уже редких в наше время сказочниц, которые имеют довольно постоянную аудиторию. Тут и дети из своего села и из соседнего (Житово), которые в основном живут у нее и только в гости ходят домой. Тут и взрослые. Соседи приходят почти каждый день, чаще вечерами и с какой-нибудь работой: выделывают беличьи шкурки, шьют шапки, сучат постегонки, ткут. И дети, и взрослые — не просто слушатели сказок Раисы Егоровны, но непосредственные участники происходящих в них событий. Их именами называет Шеметова сказочных героев, к ним постоянно обращается по ходу повествования:

— Маши, Дуня, рукавом — у тебя широкий,— внезапно прерывая сказку о царевне-лягушке, говорит она сидящей на лавке соседке.— Может, и у тебя лебеди поплывут.

— Да я уже четвертый год машу, ничего не получается,— весело подхватывает Дуня.

— И не получится,— Раиса Егоровна снова переводит повествование в прежний серьезный план.— У нее-то, у Квакушки, шире был, да и махала-то она по-особому.

Шеметова подробно рассказывает о белом и пышном хлебе, о красивой и ладной рубашке, появившихся не по волшебству, а благодаря труду и умению Квакушки, невестки которой делают все некрасиво и плохо. И, быть может, опять они напоминают сказочнице некоторых ее знакомых. Недаром, сообщая о модных журналах да поваренной книге, к которым напрасно прибегают в своем неумении жены старших братьев,

Раиса Егоровна косит на Авдотью хитрый глаз. И та понимает иронию сказочницы:

— Это ведь она, девка, нас подкусывает,— шепчет Дуня сидящей с ней рядом тетке Мане.

Но Раиса Егоровна слышит. И теперь уже и впрямь делает их персонажами сказки:

— Вон они,— показывает она другим слушателям,— это снохи Дуня и Маня сидят и шопчутся: што, мол, эта Квакушка делать будет, то и мы будем. Стали закусывать. А Квакушка, чо не доест, то за рукав, чо не допьет,— за рукав. А снохи так же хотят. Да у них плохо получается: вишь, платья-то у них по моде — узки. И рукава — узки.

Дуня и Маня оглядывают себя, смеются.

Слушатели Раисы Егоровны внимательно следят за каждым поворотом сюжета, одно принимая, отвергая другое, что-то пытаюсь дополнить или прокомментировать.

— Конь-то уж лапой бьет в окно,— возмущается Шеметова пьянством отца, бывшем о наставлениях своего сына — заколдованного коня Митьки.

— А он бы взял да снова Митькой сделаался,— резонно замечает десятилетний слушатель.

«Построила Машенька от дворца и до саду стерлиновый мост...» — рассказывает Раиса Егоровна другую волшебную сказку.

«А белая рыба под ним ходит?» — не дают умереть художественной детали внимательные слушатели, не раз слышавшие эту историю.

— Есть и белая рыба, а как же? — спохватывается сказочница. — Мазута-то в реке не было.

Так волшебная сказка подвергается «давлению современности», выражающемуся не только в попытке переосмыслить житейски чудесные события, но мотивировать их логически. Такая «установка на логичность» сказочного повествования может показаться абсурдной с точки зрения здравого смысла. Но она выражает противоречивость мироощущения сказочников, по крайней мере, тех, с которыми довелось встретиться на Лене, где еще сосуществуют, казалось бы, взаимоисключающие моменты: ощущение современного прогресса и вера в колдовство. Объяснение этому, по-видимому, следует искать в той инерции и противоречивости народного мышления, которые не раз отмечались классиками марксизма, а также исследователями фольклора.

Конечно, это обращение к логике в современной сказке не предполагает неприменной достоверности всех деталей сказочного повествования и, стало быть, не снимает общей установки на вымысел, но все чаще требует его «логического» обоснования.

Недаром слушатели Раисы Егоровны, вполне принимая традиционную возможность сказочного колдовства, в то же время хотят видеть «логичность» его проявления. В самом деле, если обученный волшебному умению Митька мог превратиться в коня, то почему бы в нужный момент ему снова не «сделаться» Митькой? Эту внутреннюю логическую посылку хорошо чувствует и сама сказочница. Она, как, впрочем, и ее аудитория, не подвергает сомнению существование «стерлинового моста через море в

семь верст» — это общепринятая художественная деталь волшебной сказки, — но наличие белой рыбы под ним не просто констатирует, а объясняет: потому, что мазута в реке не было. Именно поэтому же, употребив обычную для волшебной сказки формулу «долго ли, коротко ли», Шеметова тут же, усмехнувшись, добавляет: «Не коротко, конечно, он шел, а долго».

Так же строго мотивирует и А. А. Дерягин волшебные действия своих героев. Например, отправляясь на поиски жар-птицы, старшие зятя Ивана-царевича берут с собой медикаменты, — «может, получится како-нибудь кровотечение». И когда Иван-царевич отказывается продать им за деньги чудо-перо, объясняя при этом: «Поскольку я являюсь государев зять, не нуждаюсь деньгам!» — они спокойно отдают ему по пальцу от руки и от ноги, рассудительно думая при этом: «Ничуть мы не пострадаем, медикаменты с собой — кровотечение не допустим».

Следует заметить при этом, что слушатели внимательно и придирчиво следят за такими пояснениями и, когда они их чем-либо не устраивают, соответствующим образом реагируют. Особенно придирчива в этом отношении аудитория Шеметовой.

«Не бойся ничего, — шепчет через решетку тюрьмы Машенька своему хвастливому мужу — царю, приговоренному к смертной казни. — Ты к висельнице завтра как к куме на именины сходишь».

— А чем она знает? — раздается вопрос одного из слушателей.

— А она уж все обхлопотала, — ни на минуту не замешкавшись, отвечает Раиса Егоровна, — и документы все оформила и форменну расписку взяла.

— Правда же говорят: сказка — дура. Царя — и на виселицу! — раздается скептическая реплика.

В том, что подобное направление в современном ленском сказкотворчестве не случайность, убеждает повторное прослушивание тех же сказок и у тех же сказочников.

Так вторичные записи ряда текстов от Дерягина и Шеметовой, произведенные через год, демонстрируют заметное усиление этой логики-пояснительной линии.

Только в одну волшебную сказку («Анастасия — Золотая коса») Дерягин вновь вводит три разъяснительных момента. Если летом 1967 г. он лишь сообщал о традиционных сказочных шариках («куда покатится — туда и ты иди»), которые поочередно дают Ивану-царевичу старец и принцессы, то теперь, год спустя, сказочник обосновывает необходимость их сменяемости: «Шарик-то, он на дистанцию идет, а там другой нужен». К рассказу о «золотых черевичках с разным набором», что делают чудесные помощники, появляющиеся из волшебной дудки, Дерягин теперь прибавляет: «Такие черевички только колдовством и можно сделать. Раньше ведь много колдунов было. Они и сейчас есть, только советской власти бояться». А говоря о впечатлении, произведенном на героев сказки построенным за одну ночь мостом «через море и семь верст», по краям которого и «деревья посажены и разны птицы поют», сказочник замечает: «Это волшебство, по-часному — гипноз. Дело известное, только названия другая».

Иногда комментарии Дерягина становятся весьма пространными, приобретая характер своеобразных «философских» рассуждений. К волшебной сказке о царе, несправедливо изгнавшем свою оклеветанную жену, и последовавших за тем злоключениях в

государстве, сказочник присоединяет в форме моралите полубытовой-полуанекдотический рассказ: «Неразумения — они всюду бывают... Раньше в семьях хлеб стряпали бабы по очереди. И вот в одной семье невзлюбили младшую невестку. Как ей стряпать хлеб, так в квашню ей ночью подсыпают соли и подливают холодной воды. А тесто-то оно поднимается от тепла!

Вот как-то раз пришел к ним ночевать солдат. Лег на печку. Не спится ему что-то. Вдруг смотрит: идет к квашне одна невестка — раз! — туда горсть соли и ковш холодной воды. Через некоторое время другая — то же! Потом и старая ползет.

Утром едят хлеб — все плюются. Мужик-то ее и говорит: «Ну чо мне с тобой делать — убить тебя ли чо ли?» А солдат и спрашивает: «А у вас чо, обычая такая — ночью воду лить да соль кидать? Ночью-то всем табуном солили, и я тоже воду лил и солил...» Вот какая неразумения в семье, а тут поди-ка — государство!..»

Однажды я рассказала Шеметовой о А. А. Дерягине, который, по его словам, сказки слагает сам «в своей голове ночами». Ранса Егоровна помолчала, а потом раздумчиво произнесла: «Тоже он, видать, уроченный», — и поведала мне старинную бывальщину. Собственно, это тоже был ответ на одно из ее «почему»: откуда возникает у человека удивительный дар сказительского мастерства. Но Шеметова, сказочница сама, выразила его в плане народно-поэтической образности: «Было это, когда коммуны организовывали. И был тогда здесь Лаврентий Михайлович Савинов-Большедворский. Он с мужиками на Ор приехал бочки делать.

И вот Кузьма все смечает и смечает его: ночью все спят, а Лавруха все что-то бормочет и бормочет.

Я как сейчас помню: поужинали, сели курить, а брат Кузьма и говорит:

— Пошто это вы, Лаврентий Михайлович, ночью бормочете? Разговариваете с кем али как?

— Ой, Кузьма Егорыч, я сам себя испортил. А дело было так: пришел я с армии, и задалась мы с одним товарищем мыслью: почему это дедушку Володю Забугорского из Большедворского все уважают, почитают. Вот бы, мол, и нас так. Пошли к нему и спросили, почему так? Он и говорит: «Я вас поучить могу, но тайно и если у вас сердце крепкое. Я вас буду учить по книге «Магнай». Стали мы учиться. Может, и год прошел. Потом дедушка Володя и говорит: «Но, ребята, сегодня-то будет страшно. Только вы сдержитесь. Это конец ученью».

Привел нас в баню, говорит: «Вот сидите на полке, а в полночь к вам большая-большая собака выйдет, откроет вот такую пасть, и вы нисколько не теряйтесь, бегите и лезьте к ей в пасть. Если испугаетесь, тогда навек нелюди будете».

Настала ночь. Кичиги к обеду подошли (это таки три звезды из-за горы выходят). И ниоткуль вышла такая необнаковенная собака. Ужаснулся я... даже задницу с полка не мог отодрать. Язык во рте со страху околеу...

Вот и стал я с тех пор страдать. Как лягу спать, так нечистики тычат и тычат, спать не дают...» По совету дедушки Володи он дает нечистикам три волшебные задачи. Две они выполняют и почти уже оставляют его, но для выполнения третьей он не может создать им соответствующих условий. «Поэтому, — заканчивает Шеметова, —

совсем они от него не отстали. Вот он спать-то по ночам и не может, все шопчет да шопчет, разны складки складывает».

Трудно сказать, что в этом поэтическом рассказе отнести за счет сказительного таланта Шеметовой, а что объяснить фантазией не менее замечательного сказочника — ее брата Кузьмы и давно умершего большедворского посказителя Л. М. Савинова. Ясно только одно, что эта бывальщина-сказка, так красноречиво выразившая народный взгляд на талант сказителя, стала в сознании Шеметовой предметом художественного осмысления одного из явлений жизни.

Стремление все объяснить, добраться до причин, казалось бы, непостижимо фантастических явлений мира волшебной сказки — само по себе есть величайший парадокс. Но он не случаен и вызван теми общественными сдвигами, которыми так богата была жизнь первой половины нашего столетия. Они будили мысль и заставляли дерзать. И эту дерзость люди перенесли в сказку. И здесь она, так сказать, «пришлась ко двору», ибо в сказке возможно все. И если раньше голубая лента могла растекаться широкой рекой, а Иванушка-дурачок побеждать всеильное чудовище, то теперь и царь мог писать заявление в Верховный Совет, сказочный принц подниматься на двенадцатый этаж блоком, а змеи «осознавать» свое дурное поведение. Конечно, переосмысление фантастики чудесного у каждого сказочника получает свое индивидуальное выражение, определяющееся его социальной средой, местной традицией, талантом и личными вкусами. В этом читатель сможет убедиться, читая «Сказки ленских берегов».

В предлагаемом сборнике не нужно искать совершенно новых сюжетов. Их нет, ибо в основном все они созданы нашими далекими предками очень давно. По крайней мере в течение трехсот последних лет их почти не появлялось.

Но сказка бытует в вариантах. И все эти годы она продолжала жить полнокровной жизнью, неизменно возрождаясь в устах каждого нового рассказчика оригинальным и свежим вариантом старого сюжета. Так по весне оживает дерево, давно знакомое и всегда неповторимое в своем обновлении и цвете.

* * *

Настоящий сборник — результат четырехлетней собирательской работы (1966—1969 гг.) в районах верхней и средней Лены.

Цель книги — показать состояние ленской сказочной традиции сегодня. Поэтому тексты, включенные в нее, в художественном отношении неравнозначны, так как в основе их отбора лежал принцип не только эстетический, но и историко-фольклористический.

«Сказки ленских берегов» публикуются в их подлинном виде, сохраняя то своеобразие, которое приобрело это искусство древности в наши дни. Для облегчения их восприятия читателем проведено незначительное текстологическое редактирование. Оно проявилось в следующем.

В фонетическом отношении записанные тексты выправлены почти полностью. Исключения сделаны лишь тогда, когда необходимо сохранить местный колорит и характерные особенности говора сказочников.

Везде сохраняется сибирское «чоканье». Типичная в прошлом ленская шепелявость (шипящие вместо свистящих: «Анишья», «жагадки» и т. д.) сейчас почти утрачена. Поэтому в тех редких случаях, когда она еще имеет место, написание слов вы правляется согласно современной орфографии.

На тех же основаниях заменено литературной нормой неслоговое «у» в глагольных окончаниях (быу — был), двойное «шш» вместо «щ» или «жч» (волосишши — волосищи, мушвына — мужчина); формы «гля ее» — для нее, «хто» — кто, «етот» — этот и т. д.

Особая форма родительного падежа множественного числа существительного («старикох», «лоцманаох») встречается у всех представленных в книге ленских сказочников. Но несмотря на типичность ее бытования, она заменяется современной орфографией, ибо своей непривычностью затруднила бы чтение текстов. Потому же характерное «в нефкотором» царстве заменено «в некотором».

В записанных сказках читатель не встретит единства в окончаниях глаголов и прилагательных («кушат» — «кушает», «красива» — «красивая»), а также некоторых частиц и наречий («сколь» — «сколько», «куда» — «куды» и т. д.). Вежливая форма местоимений и глаголов перемежается с интимным обращением на «ты». Эти колебания произвольны. Они отражают живую речь Приленья и в большей или меньшей мере присущи всем ленским сказочникам. Притом подобный разноречивый существует и в рамках одной сказки. По наблюдениям собирателя, повествовательная, «спокойная», часть сказки обычно говорится языком, более соответствующим общепринятой литературной норме. Когда же рассказ становится экспрессивным и особенно диалогическим, возрастающая эмоциональность будит силу привычки, и речь сказочника возвращается к архаическим формам. Эта языковая особенность ленских сказок в книге сохраняется, как одна из характерных, так как унификация в данном случае уничтожила бы истинную картину современного приленского сказкотворчества.

Что же касается ударений, то они помечены лишь в словах, произношение которых ленскими сказочниками специфично («ужахнуться» — ужаснуться).

Таковы основные замечания по поводу текстологической правки.

* * *

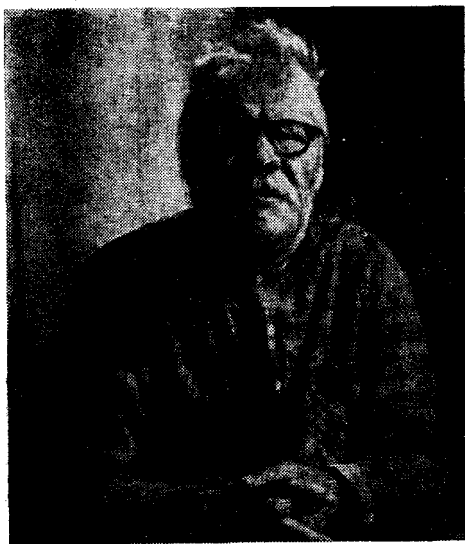
Сборник строится по исполнителям. В книге представлены пять сказочников, о каждом из которых имеется краткий очерк.

Публикуемые сказки комментируются в конце сборника. Там же читатель найдет перечень записанных, но не включенных в сборник произведений из репертуара представленных здесь сказочников.

Е. Шастига

К сказке А. А. Дерягина
«Про двух царевичей и стару ведьму»

СКАЗКИ А. А. ДЕРЯГИНА

— Дедушка, есть во дворе собака?—спрашиваем через забор у старика, сидящего на пороге своей избы.

— А зачем мне кобель, я сам замест его лаю,—серьезно отвечает он.

— Люди ведь пришли, Алексей, ты бы хоть рожу-то помыл,—засуетилась выскокившая из дома жена.

— А чо ее мыть, ишо нос отломится.

И вдруг заговорил, затараторил:

— А вы слышали, сошлись в городе два хохла. Один одного спрашивает:

— Вы откуля?

— А вы?

— А я с города Ростова, села Берестова.

— А чо же в городе? Чо по чем?

— Все по всем. Товар на базаре. Деньги по шкатулкам, а девки по закоулкам...

— Хватит тебе балабонить, проводи гостей в избу,—прерывает жена.

Старик миновенно становится озабоченным; согнутый, заковылял, заколесил по двору:

— Ой, паря,—отстранил от двери высоко-го моего спутника,—погоди, я притолку разберу—так-то ты не пройдешь.

— Зачем разбирать, проще голову отре-

зать,—подделываясь под балагурный тон старика, возражает тот. Но Дерягин за словом в карман не лезет:

— И то верно. Теперешни головы вот чо вырабатывают,—тычет пальцем в сторону стремительно проходящего самолета.—А твоя, может, гля формы дана?..

Так произошла первая встреча с Алексеем Алексеевичем Дерягиным—ангинским сказочником.

Сейчас Дерягин живет в Качуге, но родился он в с. Анга (1882 г.) и является продолжателем той интересной ангинской традиции, о которой в свое время писал М. К. Азадовский¹.

В молодости Дерягин заслушивался сказками своих односельчан—Емельяна Ананьева и Максима Медведева. Но какое бы то ни было заимствование у них упорно отрицает: «Я сам сказки в голове составляю. Ночами». И в этом утверждении, по-видимому, есть определенная логика: сказки Дерягина настолько оригинальны, настолько

¹ См. предисловие М. К. Азадовского к «Сказкам верхнеленского края», Иркутск, 1925, стр. XIX.

проникнуты личностью исполнителя, что его сказывание — всегда творчество.

Сказочное творчество Дерягина — зеркало сложной и внутренне противоречивой борьбы, связанной с ломкой устоявшихся нравственных норм и взглядов в трудную для зажиточного сибирского крестьянства пору коллективизации. Поэтому многие его сказки связаны с политикой, с внутренними и внешними событиями сегодняшнего дня, со своеобразным осмыслением газеты.

Это отразилось на импровизационной стороне его сказок, на новых, не свойственных, казалось бы, волшебной сказке мотивах. Они, по-видимому, подсказаны особенностями социальной судьбы зажиточного приленского крестьянства, а также сложными переживаниями самого сказочника, которого местные власти, осуществляя скорую и стопроцентную коллективизацию, не раз «переспитывали» «каталажкой». Именно поэтому, наверное, в сказках Дерягина так устойчив мотив справедливого суда.

Связь с общественной жизнью страны сказывалась и на лексической стороне его сказок.

Не просто новую, но совершенно определенную лексику впитала в себя дерягинская сказка.

Ищет свою похищенную мать Иван-царевич. Доходит до золотого дворца. «Там выступили змеи против Ивана-царевича, выставили свои жала. Иван-царевич зачерпнул черпак воды и дал имя. Змеи и осызались... Заходит во дворец Иван-царевич. Видит: лично его родная мать сидит на трибуне. «Как мог ты, Иван-царевич, достигнуть до меня? — Не сам я, народ довел», — скромно отвечает Иван-царевич.

«Разоблачил» Иван-царевич с помощью «товарища баши маника» подвоха деверей, и решил за это царь их «истребить».

«Перед тобой, бабушка, стоит большая и ответственная задача», — говорит в другой сказке царь старухе-ворожее.

Или: «Заинтересовало молодого человека (царя. — Е. Ш.) в прочие державы съездить, посмотреть, как там народ живет и какая у него дисциплина. А без него «стара ведьма давай невеску «преследовать» и говорить ей «прыцыпальные слова».

Или: «Ой, общественники, волоките его в каталажку, — показывает хитрый солдат мужикам на барина. — Видите, он уж зубам скрипит — сейчас пожрет вас».

А. А. Дерягин бывший солдат. Поэтому солдатская стихия весьма ощутима во всей его сказительной школе. Прибывших «на слет» гостей — царевичей и принцев — он ставит «по порядку номеров». Также «по порядку номеров» вытаскивает Иван-царевич из ямы и похищенных змеем принцесс. «Руки по швам!», «Обыскать и пропустить!» — таковы неизменные формулы, которыми встречает царь и солдата, и принца, и даже деревенскую старуху. Однако это «осолдачивание» сказочной событийности Дерягиным очень схоже с рассказами других сказочников — тоже бывших солдат.

Наиболее же ярко индивидуальные особенности творчества Дерягина отразились в его сказках в диалоге. Именно здесь проявилась ведущая черта дерягинского таланта — тяготение к характерности повествования. Наверное, поэтому сказочник больше любит бытовую сказку. Блестящие, пронизанные юмором и даже скоморошеством жанровые сценки наполняют их. И не случайно, наше знакомство с Дерягиным началось с жанровой сценки, главным героем которой был сам сказочник. Первая встреча с Дерягиным — один из фрагментов той, говоря словами Добролюбова, «более внутренней обстановки», в которой слушались его сказки и которая незримо создавала их варианты...

Некоторые сказки Дерягина почти целиком состоят из диалога. И в этом смысле наиболее ярко его мастерство проявилось в блестяще рассказанной сказке «Запасные ноги». Это лаконичный, необычайно выразительный диалог, сопровождаемый прекрасной мимической игрой и новой для каждого персонажа интонацией.

Хитрая жена не пускает ночью мужа в дом, притворившись, что не узнала его голоса, а утром сама же устраивает ему строгий допрос:

— Ты скажи, где был? По чужим жонкам ходил?

— Не.

— А где ж ты был?

— Я сбесился и не мог хату найти.

— Да что ж ты брешь! А де ж ты был?

— Э волами спал.

— А-а-а, э волами спал!

Бежит к одной старушке:

— Ты знаешь, бабушка, мой мужик сегодня э волами спал. Приди, признай у него беременность. (Вот что делает!)

Старуха приходит:

— Здравствуй, кум.

— Здравствуй, здравствуй, кума.

— Ну как здоровье?

— Да не так-то важно.

— А, что такое?

— А я вчера сбесился — не мог хату найти.

— А что ты брешь! А де ж ты был?

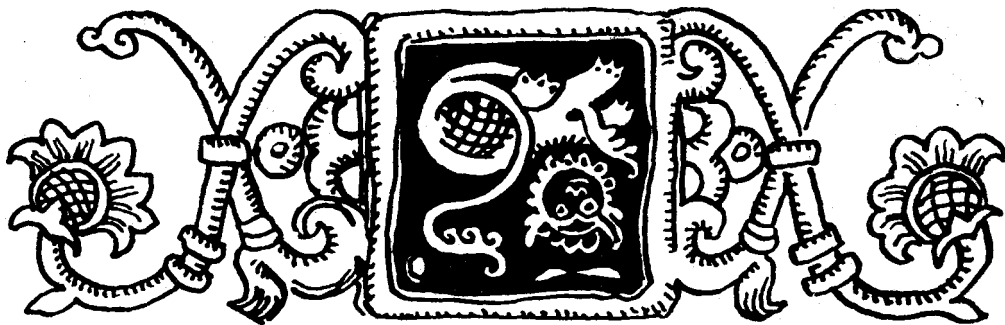
— Э волами спал.

— Э-э, кум, дело-то опасно. Ты ложись, кум, на койку, а ты, кума, давай мыльце да теплой воды. Я обследую его...

Также интересна с точки зрения диало-

гического мастерства сказка «Как солдат барина обманул». А, впрочем, в этом лучше убедиться самим, читая сказку.

Вероятно, стремлением глубже войти в события современной сказочнику жизни вызвано его и сугубо индивидуальное творчество. В одних произведениях такого рода от народной традиции осталась только форма, в других индивидуальна и она. В этих авторских «сказках» более тенденциозно сконцентрировалось то, что рассыпалось по крупницам в традиционных импровизациях сказочника: его наблюдения над человеческими характерами, над событиями внутренней и внешнеполитической жизни, отношение к ним. Как правило, подобные произведения в художественном отношении слабы и невыразительны, но они симптоматичны для всего сказкотворчества наших дней, ибо рождены новым, более творческим отношением современного сказочника к жизни.

1. ПРО ДВУХ ЦАРЕВИЧЕЙ И СТАРУ ВЕДЬМУ

некотором царстве, в некотором государстве жил был царь-государь. Он был старей. А сын его на возрасте. Когда государь помер, сын заступил на престол. Задумал молодой государь жениться. И взял такую красавицу, что нигде не опубликована. И вот она забеременела. А молодой человек полюбопытствовать по прочим державам поехал. Она без него принесла двух сыновей. Молодой государь телеграфировал, что я в таки-то числа буду дома. А у ней со свекровкой была неуладица (у жены у его).

Когда он явился во дворец, жена вышла ему навстречу, вынесла двух детей на руках. Он от радости не зная, куда деться, жену поцеловал, поблагодарил.

Когда молодая пошла в столовую служанкам наказывать, старая ведьма нашкоптовала ему:

— Что ты, сынок, гордишься? Думаешь, это твои кровные дети? Я сама видела, как один принц поднимался к ней на двенадцатый этаж блоком.

Он думал: «Что такое, в такой любви жили, и почему она меня изменила? Какие я имел недостатки?»

А старая ведьма подымает матрац:

— Вот, сынок, что она для твоей встречи припасла.

Смотрит — стоят флакончики. Позвали профессора. Тот признал ядовиту отраву.

Пишет царь заявление в Верховный Совет, в суд. Суд пишет: «Дать ей смертну казнь вместе с детям за измену Иван-царевичу». Но со стороны защиты защищают: «Тут, может, была ложь, тут, может, была клевета. Не дать ей смертну казнь, дать ей особо наказание: посадить в глуху повозку с детям и завезти в непроходимую тайгу и оставить там. Счастье ее, если она сумеет выйти, а не сумеет — зверям на съеданье».

А что же с ними там было?

Она отогревала детей у груди, разным кормила травам и корням, а иногда и деревянный огонь зажигала. И однажды вышла она к морю. Напилась морской воды — ее бросило в сон. Дети на грудях обон.

Ниоткуда приплыла львица с острова, и схватила одного дитю, и бросилась в море. Мать в то же время проснулась. Но в море не бросилась. Поплакала, заплакала: что я такое тиранство переносила, и труд, и голод и лишилась одним сыном.

Пошла по берегу моря. Шла несколько времени — видит халупа стоит. Заходит. Там живет рыбак-старец. Человек грамотный. Смотрит на ее личность, видит, что она человек не простого звания. Обсказала она ему свои терзания, ну, и осталась тут. Сын, у ней, например, имел уже восемь-девять лет. Старец давай учить его грамоте. Учил до возраста семнадцати лет.

Один раз старец пошел в город. Увидел объявление, что на это царство злой богатырь напал и многих богатырей в этом царстве побил.

Когда вернулся старец, рассказал все это её сыну.

А в это время моряки плавали по морю и сделали на том острове, где львица-то жила, высадку. И увидели человеческий босый след. Они несколько раз раньше делали высадку, но не видели здесь человеческого следа. Их заинтересовало: кто родился новый человек на острове? Объявили государю. Он говорит:

— Сейчас же оцепите этот остров и представьте, кого найдете, ко мне.

А тот сын, который находился со львицей, он имел возраст семнадцать лет.

Солдаты сразу оцепили этот остров и взяли их в свои руки. Львицу связали и представили государю во дворец. Государь приказал им особо помещение дать с трем дверям, с трем замкам. Они там и кушали вместе. Львица его еще маленького сперва грудью кормила, а после где рыбой, где чем. (Львица — она все может достать).

А сын, который находился при царице, доходит до дворца, и сразу

доложили, что такой-то пришел по объявлению побороться с этим богатырем. Государь дает приказ:

— Обыскать и пропустить!

Заходит:

— Здравия, ваше императорско величество! Я пришел с этим богатырем побороться.

— А надеешься?

— Думаю, ваше императорско величество.

Когда они вышли на дунель,¹ тот брат его, который со львицей, почувствовал родную кровь, решил в защиту выступать. Поломали они со львицей трое дверей и трое замков и все вместе победили этого богатыря.

И делат тогда государь пир за победу. Молодой человек и говорит:

— Ваше императорско величество, мы сейчас за бокалом, а моя мамаша почернела с горя углем.

— Как так?

— А так, что моя мамаша переносила и труд, и голод, и все нужды.

Государю в голову: «Это не моя ли жена, это не сыновья ли мои?» И приказал:

— Немедленно ее звать сюда!

Когда она во дворец со старцем вступила, то надела кольцо именное царское. Государь смотрит: — «Это моя жена!»

— А это не сыновья ли мои? — спрашивает он.

Она все подробно обсказала, что тут была ложь, что тут была клевета. Царь приказал:

— На пересуд.

Когда вручили судебны повестки, приходят они на суд. Судьи присудили: «Эту стару ведьму к смёртной казни за измену Иван-царевичу. Привязать ее к хвосту дикой кобылицы и пустить в поле». Так и сделали. Привязали ее к хвосту дикой кобылицы и до основания по полю размыкали. Так и Берия за измену расстреляли, и все тут.

2. ПРО ВАНЮ

В одном государстве был государь старой. У него было три сына. Старший — Иван, младший — Алексей, а средний — Иван-дура-лей.

Стал государь помирать и сыновьям наказывает, чтоб они поочередно ходили на его могилу караулить. (Чтоб, значит, передать этот невидимый капитал).²

¹ Дунель — дуэль.

² См. комментарий на стр. 150.

Вот старшему сыну надо идти на караул, а он боится. Давай договаривать Ивана-дурака, чтоб за него караулил:

— Я тебе на рубаху куплю, блинам накормлю.

Дурак согласился. Взял вилы и топор, сам отправился в дозор. Идет, блины уплетает, на небе звезды считает. Глухая полночь приходит, отец его из могилы выходит.

— Тут ли старший сын?

Ваня отвечает:

— Я.

— Зачем же, Ваня, ты суешься в чужие дела? Я теперь съем тебя.

Ваня отвечает:

— Врешь, не съешь, подавишься. Я тебя на кол посажу и ударю — дак только мокренько останется.

— Ну, Ваня, твое счастье. Я тебе дам медна коня, отпусти его на зелену луга. Когда потребоватся — скричи: «Сивка-Бурка, стань передо мной, как лист перед травой!»

Ладно. Пошел Ваня домой. А дорогой взял да и поцарапал себя. Приходит, братья смотрят — он в крови.

— Ну как, Ваня, покараулил?

А он:

— Пошли ба — узнали.

Таперя молодой приступает к нему:

— Иди, Ваня, за меня карауль. Я тебе на рубаху куплю, блинам накормлю.

Ваня таким же родом взял вилы и топор, сам отправился в дозор. Идет, блины уплетает, на небе звезды считает. Круг могилы обошел. Глухая полночь приходит, отец его из могилы выходит.

— Тут ли малый сын?

Ваня говорит:

— Я.

— Зачем ты, Ваня, в чужие дела суешься? Я тебя съем сейчас.

— Врешь, не съешь — подавишься. Я тебя на вилы посажу, кулаком приударю — только мокренько останется. (Вот каку силу, паря, имет. А ты имешь таку силу?)

Таперя отец дает ему серебряна коня:

— Отпусти его на зелену луга. Когда потребоватся — скричи: «Сивка-Бурка, стань передо мной, как лист перед травой».

На третью ночь нужно идти Ване уж за себя.

— Ну, пеките, женски,¹ блинов или аладьев.

Женски отвечают:

¹ Женски — женщины.

— За нас откараулил, а за себя как хотишь.

Он взял с булки сдернул корку да и обмакнул в ведро. Идет, эту корку уплетает, сам на небе звезды считает. На могилу пришел, круг могилы обошел. Глухая полночь приходит, отец его из могилы выходит. Говорит:

— Ты, Ваня.

— Я.

— Ну, Ваня, твое счастье, а их злочашье.

Дает Ване золотого коня:

— Отпусти его на зелена луга. Когда потребоватся — скричишь: «Сивка-Бурка, стань передо мной, как лист перед травой».

Таперя у одного царя было три дочери. Двое — замужни, а на третью нет жениха. Пишут объявление: «Кто ее на двенадцатом этаже достанет на коне — за того она пойдет взамуж». И вот была в объявлении указана большая площадь и на этой площади собираются как от высшего, так до низшего.

Братья отправляются на слет, и Ваня с ними просится:

— Братья, возьмите меня с собой.

— Куды тебя, дурака, брат? Народ пугать да позора принимать!

— Ну, дайте кобылу, я по грузди поеду.

Братья думают — пусть берет, только бы дурак за нам не увязался.

Ваня садится на кобылицу. Кобылица под ним плохо двигается. Выехал за город, взял эту кобылицу пополам разорвал и скричал:

— Галки, вороны, ешьте коневу тушу да поминайте отцову душу!

Заходит в лес, наломал каких попало грибов, поставил на предметное¹ место, дальше продвинулся в лес и скричал:

— Сивка-Бурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Явился медный конь. Догонят Иван братьев. Раза по два, по три плетью стегнул, мимо них только мигнул. Туда на третий этаж заскочил на коне и несколько публики потоптал. Неизвестно — кто такой? А там все богатыри да принцы были.

Ладно. Явился Ваня с этими груздям домой — женски признали некудышны.

— А где кобыла?

— Чуть не убила.

Братья приезжают вечером поздно. Жены вынуждены спросить мужей:

— Ну, как, в чем дело?

Мужья отвечают:

— Да, по-видимому, какой-то герой достанет царевну. Мимо нас мелькнул, только глазом мигнул.

¹ Предметное место — приметное.

А Ваня на себя указывает:

— Не я ли был?

— Эх, дурак, богатыри с принцами и то не могли так прыгнуть — не тебе чета!

Ваня думает: ладно.

На завтра братья отправляются снова. Ваня:

— Возьмите, братья, меня с собой.

— Куды тебя брат? Народ пугать да позору принимать!

— Ну, дайте кобылу, я поеду по грузди.

— Да ты всех, дурак, лошадей погубишь! А-а, ладно, возьми. (От дурака только бы отвязаться.)

Садится Ваня на кобылу, выехал за город. Взял этого коня пополам разорвал и скричал: «Галки, вороны, ешьте коневу тушу да поминайте отцову душу!» Продвинулся в лес, наломал обнаковенных груздей и поставил на предметное место. Скричал: «Сивка-Бурка, стань передо мной, как лист перед травой!» Прибежал серебряный конь. Садится Иван верхом, берет нагайку, братьев догоняет. Раза по два, по три стегнул, мимо них только мигнул. Туда пригнал, на девятой этаж заскочил, несколько народу помял. Неизвестно — кто такой?

Домой Ваня приходит с груздям. Женски просмотрели, признали хорошими.

Братья возвращаются из города. Жены были заинтересованы, спрашивают:

— В чем дело?

Братья отвечают:

— Да, по-видимому, какой-то герой достанет.

А Ваня говорит:

— Не я ли там был?

— Дурак так дурак и есть. Тебе никогда такой и во сне не снился.

На третий день братья собираются опять на слет. Иван просится с ними.

— Куды тебя брат? Народ пугать да позору принимать!

— Ну, давайте кобылу, я поеду по грузди.

Ладно, дали — пушай отвязется.

Сел Иван на кобылу, выехал за город, разорвал там ее пополам и скричал:

— Галки, вороны, ешьте коневу тушу да поминайте отцову душу!

Продвинулся в лес, наломал груздей, поставил на предметное место. Скричал:

— Сивка-Бурка, стань передо мной, как лист перед травой.

Прибежал золотой конь. Садится Иван верхом, берет нагайку, братьев нагоняет. Раза два, три по их спинам хлестнул, мимо них только миг-

нул. Туда пригнал, на двенадцатый этаж заскочил, кольцо у царевны с руки снял.

На другой день царь устраивает пир. Братья собираются, и Иван просится с ними:

— Ничуть я вас не замараю. Я поеду ввиду вас.

Приезжают на такую-то площадь. Швейцары принимают лошадей и ставят гостей по порядку номеров. Первые ряды — все начальство.

А Ваня сел в са-амый уголок. Он умываться греха не знал — и сопля у него чуть не до пояса.

Приходит государь и приказывает:

— Руки по швам! (Это чтобы видеть, у кого ее именно кольцо на пальце).

Пошел проверять. В первую очередь по высшему начальству, потом по среднему — нет кольца. Третьи — низши. А Ваня сидит себе в уголке и палец тряпкой завязал. Царь видит — палец завязанный.

— Чем же он у вас болит? — спрашивает. — Развяжите!

Развязали, а у него там именно кольцо!

Дак царевна тут же в обморок упала: «Ой, за кем я буду свою молодость провожать!»

Государь скомандовал:

— Слуги! На воздухе в баню его!

Там его вымыли, паликмахер¹ подстриг его, выводят при галстучке. Братья думают: «Откуль счастье ему? Мы ведь не ему чета! А нам ничо».

Царевна же все недовольна судьбой: «С умным хочу жить, а с дураком — никогда!»

Но однако живут.

На второй или на третий день Иван и говорит:

— Знаете, Даша, меня заинтересовало на лошаде прокатиться.

Она побежала к отцу:

— Знаете, папа, мой-то дурачок хочет на лошаде прокатиться! Не разрешайте ему!

Царь отвечает:

— Нельзя же человека так обрывать. Нужно переспитать его, убедить, рассказать ему. Пускай из любых лошадей берет!

А ему из любых не надо (за отца жертву отдать и каку-нибудь ладно). Берет каку-то клячу. Она под ним плохо двигается. Выехал за город, взял ее пополам разорвал:

— Галки, вороны! Ешьте конскую тушу да поминайте отцову душу!

Заходит в лес. Скричал:

— Сивка-Бурка, стань передо мной, как лист перед травой!

¹ П а л и к м а х е р — парикмахер.

Прибежал золотой конь. А ему отец наказывал: «Однажды,— говорит,— залези золотому коню в право ухо — в лево вылезешь таким молодцом, так красавцем, что на свете нет лучше тебя». Ваня в право ухо золотому коню залез, в лево вылез — сделался таким богатырем, таким красавцем, что нигде не опубликовано. Садится на золотого коня, а тех двух берет в поводья. Он пустился не по земле — по воздуху.

А у царя был такой огромный сад, что птица там и то не пугана. Ваня как с воздуха упал в этот сад, так трое суток спал там богатырским сном. Его уж искать стали. А Даша и вспомнила: что-то в саду третьего дня стукнуло. Ее заинтересовало пойти туда посмотреть. Когда она вступила в этот сад, смотрит: такие лошади стоят, что нигде не опубликованы, не описаны в жизни. А богатырь спит, что земля дрожит. «Уж не мой ли это Ваня так переспитался?» И стала осматривать его. А у Вани на щеке было предметно место — родимо черно пятно. По пятну смотрит — точно мой Ваня. Но красотой его не может налюбоваться!

Тут уж подходит темнеть. Иван-царевич проснулся. Даша прыгнула к нему, повесилась на шею (но-о!):

— Милай мой, кислай, заварной! Ты мой, и я твоя!

А у него, у этого царя, таперя стала кака-то жар-птица в сад прилетать. И много хищенья сделала. Вот царь задает задачу всем трем зятевьям: кто эту жар-птицу достанет, хотя не ее, а лишь перо ее, — тому приписывается треть государства. (А треть государства, паря, — дело большое: хозяйство-то единолично!)

Старши зятевья берут медикаменты с собой, — может, получится какиннибудь кровотечение. Старший зять заступат на пост. Во время его поста не прилетала жар-птица. Так и второй никого не видал.

А во время Ванюшиного поста прилетела жар-птица. И Ваня так ловконько подкрался — не поймал самое птицу, а выдернул перо из нее.

Эти «умны» зятевья давай скупать у него перо.

— Ты продай нам, Ваня, это перо.

— А за что хотели бы купить?

— За деньги.

— Поскольку я являюсь государев зять — не нуждаюсь деньгам!

— А за что ты хотел продать?

— Дайте от руки и от ноги по пальцу.

Они думают: ничуть мы не пострадаем, медикаменты с собой — кровотечения не допустим. Решаются. Отрезали как у руки, так и у ноги по пальцу.

Вступили во дворец — царь заслушал этих «умных» зятевей. «Умны» зятевья говорят, что во время поста али караула прилетела жар-птица.

— Мы так ловконько подкрались, поймать не поймали, а выдернули перо из нее. Приписывайте нам треть государства!

А Даша вздохнула: «С умным умно жить, а с дураком — никогда».

На завтрашний день Иван говорит:

— Ваше императорско величество, мне бы хотелось заставить общую мужскую баню.

— Служанки! Общу мужску баню!

— Будет сделано, ваше императорское величество.

И вот они пошли все четвёро. Разделися догола. А зятевья не снимают перчатки и носки. Ваня говорит:

— Ваше императорско величество, обратите внимание на их руки и ноги. Царь посмотрел:

— Эт-то что за безобразия! Снять!

Сняли, а пальцев-то нет. Ваня и говорит:

— Вот, ваше императорско величество, меня все называли дурным. Но я нашел еще дурней себя. Перо-то я им выдернул, а их-то пальцы вот.

Тех за ложны показания — в лён! А Ване приписали третью часть государства.

3. АНАСТАСИЯ-ЗОЛОТА КОСА

Был государь старой. У него была жена Анастасия-Золота коса. И было у них три сына.

Однажды Анастасия-Золота коса пошла во зеленый сад погулять с детям. И вдруг поднялся вихорь. Анастасию подняло в воздух и унесло. Дети прибегают, плачут: «Маму вихорь в воздух поднял».

Государь телеграфирует по всем державам, — может, где окажется труп?

В течение трех-четырех годов ответа нет.

Прошло еще время. Дети уже стали взрослые. И задает им царь задание:

— Берите полк солдат и отыскивайте свою родную мать Анастасию-Золоту косу.

А среднего сына Ивана-царевича не отпускают — тогда, мол, я очень соскучусь. А Иван-царевич всяким неправдам просится:

— Папа, ее отыскивать будут родны сынки, а я чо — пасынок ли чо ли?

Отпустил отец. Берет Иван-царевич любимого коня и нагонят войско братанов. Те идут медленно — известное дело — пехота. Иван-царевич отозвал братьев в сторону:

— Братцы, куды мы едем? С кем воевать ли чо ли? Давайте солдат распустим, а сами одни поедем. (Иван-царевич против братьев более развитой был).

Несколько ехали по лесу, видят — стоит халупа. В этой халупе находился старец. Иван-царевич заскакивает, поздоровался. Старец спрашивает:

— Откуда, молодой человек, и куда?

Иван-царевич говорит:

— Я буду Иван-царевич. Поехали отыскивать свою родную мать Анастасию-Золоту косу.

— Я мельком слышал об ней, Иван-царевич. Трудно тебе будет найти ее, но я тебе помогу. Доезжай до такой-то скалы, там надевай железные когти на руки и на ноги, чтоб взлезти на эту скалу.

Так. Иван-царевич доезжает до скалы, надел когти на руки и на ноги. А этот старец дал Иван-царевичу шарик и сказал:

— Когда взлезешь на эту скалу, брось этот шарик. Куда он покатится, туда и иди.

Теперь Иван-царевич говорит своим братьям:

— Вы меня ждите здесь ровно год. Если я в течение года не вернусь, значит, погиб.

Бросил Ваня этот шарик, идет несколько время. Смотрит — стоит стеклянный дворец. Заходит — там така красавица сидит, не может ее красоте налюбоваться. Она спрашивает:

— Откуда, куда и кто будете?

— Я буду Иван-царевич. Пошел отыскивать свою родную мать Анастасию-Золоту косу. Вы не видали, не слышали ли об ней?

— Я мельком, Иван-царевич, слыхала. Ее двенадцатиголовый змей утащил. Он нас, царевен, из разных царств утаскивал. Если, Иван-царевич, отыщете свою родную мать Анастасию-Золоту косу, то вытащите и нас из его ига. А отыскать ее я вам помогу. Вот шарик. Куда покатится, туда и идите.

Иван-царевич несколько шел. Видит — стоит медный дворец, огнем горит. Заходит во дворец. Там сидит така красавица королева! Она тоже змеем была утягнута. Королева спрашивает:

— Откуда и куда и кто будете?

— Я буду Иван-царевич. Пошел отыскивать свою родную мать Анастасию-Золоту косу.

— Я тебе дам шарик. Брось его, куда покатится, туда и иди. А если отыщете мать, вытащите и нас из этого ига.

Идет дальше. Стоит дворец серебряный. Блестит как зеркало. Там одна миллионерша сидит. Иван-царевич заскакивает в этот дворец, поздоровался. Та спрашивает:

— Откуда и куда и кто будете?

— Я буду Иван-царевич. Пошел отыскивать свою родную мать Анастасию-Золоту косу. Вы не слыхали ли чего об ней?

— Мельком слышала. И я тебе помогу. Если сумеешь найти родную мать, то вытащи и нас из этого ига. Я дам тебе шарик. Брось его. Куда покатится, туда и иди. (Ишь как добивается Иван-царевич, скоро добьется!)

Иван-царевич несколько идет. Видит — золотой дворец стоит, горит, как жар. Доходит до этого дворца. Там выступили змеи против Иван-царевича. А Иван-царевич обошел их и нашел колодезь, напоил их водой, они и осознали. Заходит во дворец. Смотрит, его мать Анастасия-Золота коса сидит на трибуне. Видит — лично Иван-царевич.

— Откуда, Иван-царевич, мог найти меня? Как мог достигнуть до меня?

— Не сам я, народ довел.

— Да, Иван-царевич, тебе меня трудно выручить. Пойдем в подвал. Там стоят две бочки с напитками. В одной — сильна вода, в другой — бессильна.

Пошли. Там подает она ему сильной воды. Он выпил. Мать спрашивает:

— Ну, как, Иван-царевич, чувствуешь себя?

Он говорит:

— Я бы полсвета в руках повернул.

— Маловато, Иван-царевич, выпей еще... Ну, теперь как чувствуешь?

— Теперя я бы весь белый свет повернул в руках.

— Это, Иван-царевич, изличка будет.

Дала ему немного слабой воды, а потом они бочки местами поменяли. Заходят во дворец. Она говорит:

— Вот он скоро прилетит, сядет кушать, а ты залезай под трибуну. Когда он сядет кушать, ты выскакивай и имай его за большой палец и не отпускай. Он будет тебя запугивать — ты не бойся.

Прилетат змей. Спустился на землю, стал человеком и говорит:

— Фу, русский дух!

Она отвечает:

— Ты летал по Русе и наimalsя русского духа.

Он сразу побежал в этот подвал и стал пить из той бочки, где сильна вода (а теперь-то ведь тут бессильна!). И змей этой бессильной воды напился и бежит из подвала. А мать говорит Иван-царевичу:

— Ты его только один раз ударяй. Тут будут кричать: «Бей его, бей», а ты отвечай: «Молодецка богатырска рука не семь раз бьет, а один».

Так и было. Пришел змей. Иван-царевич из-под трибуны выскочил, схватил его за большой палец. Тут отовсюду кричат:

— Бей его семь раз!

А Иван-царевич отвечает:

— Молодецка богатырска рука не семь раз бьет, а один.

Так Иван-царевич до разу змея убил. Наклаал костер, натаскал дров и сжег его труп.

Потом пошли по всем дворцам красавиц этих освобождать. Собрали веревки, полотна разные, чтоб с этой горы спускаться.

Доходят до этой скалы. А братья его ждут. Они связали веревки и полотна. В первую очередь стала спускаться Анастасия-Золота коса. Спустилась. Теперь давай по порядку номеров: царевна, королева и миллионерша. И вот они когда спустились, то братья взяли за это полотно и половину оторвали. Иван-царевич вытянул веревки, смотрит — много до земли не хватает. Вернулся Иван-царевич обратно ко дворцам.

А братья уж там распределили: один берет царевну, другой — королеву, а миллионершу за генерала.

Иван-царевич шел по этим дворцам, но не мог больше отыскать какого-нибудь материала. Заходит в одну комнату, видит, на окошке лежит дудочка. Он свистнул в эту дудочку — явились Хромой и Кривой.

— Что, Иван-царевич, хотишь?

— Я до основания спать хочу.

Тут открылась постель. Он выспался, снова свистнул. Явились Хромой и Кривой:

— Что, Иван-царевич, желаете?

— Я до основания кушать хочу.

Открылся стол. На этом столе разны напитки и закуски. Иван-царевич выпил, закусил и снова свистнул. Явились Хромой и Кривой.

— Я бы хотел быть в своем царстве. Высадите меня среди базара.

— Эта ваша задача будет выполнена.

И вот этот Хромой и Кривой сцепились так руками, Иван завалился им на спину, и они его потащили. Вытащили в его царство и высадили среди базара.

Идет башмачник. Иван говорит:

— Товарищ башмачник, нельзя ли вам в подмастерья вступить?

Тот видит — лицо не простое:

— Пожалуйста.

На завтрашний день пошел башмачник башмачки продавать. А эта королева уж к венцу готовится. Увидела его и говорит:

— Товарищ башмачник, сделайте мне к завтрашнему дню черевики.

А он не имеет понятия, что за черевики (это Анастасия-Золота коса таку форму носила).

Приходит башмачник домой и Иван-царевичу говорит:

— Знаешь, я в таку беду попал — королева мне черевики заказала, а я не имею понятия, что за черевики да ещё с разным набором.

— Спи. Утро вечера мудрене.

Когда этот уснул, он свистнул в дудочку, явились Хромой и Кривой:

— Что хотишь, Иван-царевич?

— К завтрашнему дню были бы черевика и с разным набором. Такие, которые Анастасия-Золота коса носила.

Утром Иван-царевич будит башмачника:

— Вставай!

— А чо идут забирать меня?

А башмачник до тех пор пил с вечера — все равно висельница или тюрьма. Тут обрадовался и понес эти башмаки.

Теперь царевна ему заказывает подвенечно платье:

— К завтрашнему утру было бы сшито платье с разным бриллиантом.

Башмачник пьет всюю — все равно смерти не миновать. А когда уснул, Иван-царевич свистнул в эту дудочку, явились Хромой и Кривой:

— Что хотишь, Иван-царевич?

— К утру было бы сшито платье с разным бриллиантом.

— Ваша задача будет выполнена.

Утром Иван-царевич будит башмачника:

— Вставай!

— А чо, идут забирать?

Сам уж скорей за кружку. Увидел платье, обрадовался, понес сдавать. А она ему нову задачу задала:

— К завтрашнему утру был бы построен мост через море в семь верст и по краям были бы посажены деревья и разны бы птицы пели.

Пришел домой башмачник, рассказал Иван-царевичу задачу, а сам пить стал — все одно пропадать.

Вынул дудку Иван-царевич, свистнул. Явились Хромой и Кривой:

— Что хотишь, Иван-царевич?

— К завтрашнему утру построен был бы мост через море в семь верст и по краям были посажены деревья, а в них бы разны птицы пели.

Утром взглянул — стоит мост, по краям деревья посажены, в них птицы поют. Будит башмачника:

— Вставай!

— А чо, идут забирать? — а сам скорей за кружку. Увидел мост обрадовался. Иван-царевич пишет записку, отдает башмачнику и говорит:

— Иди к этому мосту, отдай королевне эту записку, но с ней не разговаривай.

Башмачник так и сделал.

Разворачиват королевна записку — Ивана-царевича почерк. А его считали погибшим. Тут братьев разоблачили. Государь осердился и хотел за Ивана-царевича истребить их всех. Но Иван-царевич сказал:

— Папа, отныне прости их всех.

Отдал братьям царевну и королевну, а сам женился на миллионерше. Стал жить-поживать да добра наживать.

К сказке А. А. Дерягина
«Анастасия — золотa коса»

4. КАК СОЛДАТ БАРИНА ОБМАНУЛ

Идет солдат со службы. Заходит в одну деревню:

— Кто же у вас на селе самый богатый?

— Есть купец-людоед. К нему много приходят, но мало выходят.

— Чо, разве к нему сходить поработать?

— Но, солдатик, разве тебе белый свет надоёл?

Приходит все-таки солдат к этому купцу. Служанка докладывает:

— Хозяин, пришел к вам солдатик узнать насчет работы.

Хозяин спрашивает:

— А чо, хотел ты даром поработать? Или, может, гы обжора какой?

— Эх,—говорит солдат,— мне обжорой-то нельзя быть. Отец у меня неродной был — березовой кашей кормил, а на службе пойдешь обедать — стары солдаты наперед: «Кудды, обранюга, лезешь? Не заслужил ишо!» А офицерьа — в лён. Вот я и отвык. Сейчас ничо не надо.

Обрадовался барин, взял его в работники.

В летнее время лег барин с барыней отдохнуть. А солдат — в анбар. Там стояли кринки с молоком. Он и давай сметану собирать с кринок, наворачивать. Служанка заскакивает:

— Ай, ворина, ай, сметанник!

— Молчи, а то чичас назад пятками пойдешь, выше колена ногу не поднимешь!

— А ты колдун ли чо ли?

— А то кто же,— и наказал ей ничего барину не сказывать.

Теперь барин ее спрашивает:

— А чо наш рабочий ест?

— Ничо, барин. Я несколько раз ставила на стол — ничо не ест.

Несколько времени проходит — надо ехать по сено, километров семь-десять. Барин и говорит:

— Чо же, надо продукты брать.

— Еда — это стара дурница,— отвечает солдат.— Я вот отвык и совсем не надо.

— Разве,— говорит барин,— и мне испытать?

Барыня ему здобников все же завернула.

Вот наклали сена. Барин садится вперед, рабочий сзади. Спинай отвернулся и давай эти здобники сопровождать.

— Ты, рабочий, кого ешь?

Он говорит:

— Сено, барин.

— Ты поосторожней, парень. Сенца-то и так мало.

Он говорит:

— Я листки выбираю.

— Но листки-то еще ничего.

Километров двенадцать отъехали — стоит хутор. Барин говорит:

— Рабочий, дальше я не могу ехать, обессилел.

Солдат заскакивает вперед его в помещение. А хозяева сидят обедают. Он и говорит:

— Вы барина не приглашайте. Он обжора, весь хлеб пожрет.

Заходит барин:

— Хлеб да соль.

— Едим да свой. А ты у порога постой.

— Ах ты, невежа, народ какой.

Ну, делать нечего. Остался барин голодный — свои-то сдобники жалко есть.

К вечеру хозяйка заводит горшок и ставит на печку. Солдат говорит:

— Так и быть, барин, я тебя выручу. Ты как человек дорожный просись на печку. Там тесто стоит. Вот как все уснут — ты это тесто и сопровождай.

Барин то тесто съел да стал еще и горшок обводить рукой. Горшок вырвался. А тут мужик лет восьмидесяти на ленивке спал. Старик заорал:

— Караул! Убил!

Барин испугался и в кальсонах подался. Солдат к старику подскакивает:

— Ты чо, дурак, орешь? Вот напугал человека нежного воспитания. Тебя геперь судить будут.

— А как же ты, солдатик, на суду показывать станешь?

— Да как показывать? Так и буду показывать, что барин спал на печке. Старику чо-то приснилось, он заорал спросонок. А барин соскочил и зимой в кальсонах убежал.

— А не можешь ли ты изменить эти показания?

— Изменить не могу. Я присяжный человек.

— Мы уж тебе двадцать пять рублей дадим.

— Ну, буду я за двадцать пять рублей присягу менять! Вот хотите — полста, тогда соглашусь.

Солдат деньги взял и к барину подался.

— Ну, как дела, — спрашивает барин.

— Так старика-то до смерти убили, судить вас будут.

— А как ты будешь на суду показывать?

— Так и буду показывать, что на печке стояло тесто, барин спал на печке. Ночью съел тесто да еще стал рукой обводить горшок. Горшок упал старику в лоб и убил старика.

— А нельзя ли показания изменить?

— Не могу. Я человек присяжной.

— Я тебе полста дам.

— Не, я клятву давал. За полста менять не буду. Вот хотите — сотню, так изменю показания.

Нечего барину делать, согласился.

Солдат купил квартиру хорошую, нанял себе служанку и дворника. Купец завидует — каку он роскошь имеет на сто рублей.

— Я, — говорит, — удивляюсь, каку ты роскошь имешь на сто рублей!

— Э-э, — говорит солдат. — Были бы ваши деньги у меня, я бы в течение месяца миллионером был.

— А как?

— А у меня есть средство такое. Сто рублей обсыпать — на утро двести будет.

— А ты не продашь мне это средство?

— Хотя у меня у самого немного, но для вас уступаю.

Взял солдат кость пережег, растолок ее и во флакончик вроде лекарства.

— А сколько будет стоить? — спрашивает барин.

— Сто рублей.

Выложил барин сто рублей, пришел домой, обсыпал этим средством деньги. Утром встает, тако же количество. Бежит к солдату:

— Ты, путаник, докуда будешь путать, а? Ты и со стариком меня обманул, и сто рублей за порошок взял. Я им деньги обсыпал — такое же количество осталось. Идем в сельсовет.

— А я у вас сколь работал — вы заплатили? Нету! Вот катанки дадите — пойду в сельсовет.

— Пошто не дать, дам.

— И шубу давайте.

— И шубу дам.

Заходят в сельсовет, а там как раз собрание. Барин говорит:

— Товарищи, вот посмотрите на этого путаника. Сколько он меня опутал!

А солдат и говорит:

— Да вы чо слушаете его. Он же умом слаб. Он еще скажет, что и катанки его на мне. И шуба, поди, его.

Купец рассерчал, зубами заскрежетал.

— Ой, общественники, волоките его в каталажку! — кричит солдат. — Видите, он уже зубам скрипит — сейчас пожрет вас!

Мужики схватили и в каталажку запихали этого барина. А солдат подался прочь. Мужики опомнились — и вдогонку.

— Стой, путаник! Опутал ты всех на белом свете.

А солдат:

— Кто военного слугу убьет, тому напорядках и попадет.
— Ну, все-то помаленьку ответим.
— А добивать-то все равно кто-то один будет, тому напорядках и попадет. Вы лучше, мужики-дураки, в деревню сгоняйте. Возьмите вилы. Тогда и не будут ваши руки отвечать, пусть вилы отвечают.

Мужики думают: «Если его так оставить — он убежит. Давайте его в куль запишем и на самый берег поставим. А прибежим и вилами спехнем».

Гонят мужики в деревню. А барин маленько в чувства вошел, запрягает в хорошую карету пару лошадей и тоже делает погоню.

Услышал солдат конский гопот и кричит:

— Спасите меня! Спасите меня!

Барин подъезжает:

— В чем дело?

— Да вот меня на княжеской дочери хотят женить, а я не хочу.

— Дурной. На княжеской дочери и я бы женился.

— Ну, давай тогда так сделаем: ты куль развяжи, я выскочу, а ты туда залазь.

Барин так и сделал. Солдат его завязал, на гройку сел — карета хороша! — и пошел!

Прибегают мужики с вилами:

— Ну, путаник, отпутал ты на белом свете!

А барин отвечает:

— На княжной дочке хочу жениться!

— Ах, ты, путаник!? — Берут вилы. Бух! Поплыл.

Несколько времени прошло — где барин? Делают розыски. А мужики думают: уж не его ли мы в воду свалили? — втихомолку побалтывают...

5. ПЯТЬ КОПЕЕК

Шел солдат со службы. А раньше железных дорог не было — пешком шли. И суточных отпускали мало — всего пять копеек было у солдата.

Несколько прошел. Заходит к старушке:

— Можно, бабушка, переночевать?

— Пожалуста.

Пужинали. Стали спать ложиться.

— Бабушка, а куда же мне пять копеек-то положить?

— Да он чо с пяги-то копейкам привязался?

— Ой, бабушка, для солдата пять копеек дорогие.

— Да положи вон на божницу-то.

Маленько уснут — он снова:

— Бабушка, ты пятак-то смотрела?

— Да он чо это, прости господи, с пятаком-то пристал! Я вон корову продала за три тыщи, они вон деньги-то в банке под печкой — я и то не боюсь.

— О-о, тогда, бабушка, спи спокойно, и я тоже спать буду.

А когда старуха крепко уснула, он деньги из-под печки вытащил да и себе положил.

Утром старуха говорит:

— Садись, солдатик, чай пить.

— Ой, бабушка, я буду каждый день чай пить, дак когда и домой приду?

Ушел.

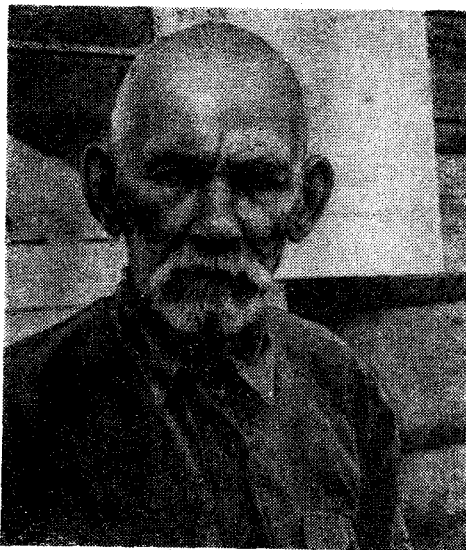
Она бежит к соседям:

— Ой, девки, седни солдат у меня ночевал, дак со своим пятаком всю ночь не спал. Я только засну, а он, проклятуший: «Бабушка, пятак-то смотрела?» Я ему говорю: «У тебя кто пять копеек возьмет! Я вон корову за три тыщи продала, они вон деньги-то под печкой в банке — я и то не боюсь».

— А ты, девка, того... деньги-то смотрела свои?

Бабка побежала в избу, полезла под печку, а денег-то нема.

СКАЗКИ

Д. А. КОНОШАНОВА

Надвигается ночь. Мы плывем на лодке по Лене. И вместе с нами плывет туман. Он рождается прямо из реки и, медленно растекаясь над ней, мягко обнимает горы.

— Сейчас зверей увидим — пойдут на водопой, — говорит наш проводник, двадцатитрехлетний парень, но уже опытный охотник-медвежатник.

— Ну да? — удивляемся мы.

— Увидите.

Не проходит и десяти минут, как мы убеждаемся в справедливости его слов: в каких-нибудь пятидесяти метрах от лодки — коза. Она спокойно пьет воду.

— Сейчас подойдем к ней, — говорит Николай и бесшумно направляет лодку к берегу.

Коза не двигается. Повинуясь инстинкту охотника, рука парня тянется к ружью.

— Не надо.

Николай оставляет весла, и лодка, отдаваясь одному лишь течению, медленно проплывает мимо.

А через каких-нибудь двести метров — снова коза, потом еще и еще.

— Сейчас и медведя увидим, — говорит проводник. И уловив в наших глазах тревогу, нарочито громко:

— Миша, миша, где ты?

Но медведя нам не довелось встретить, хотя в тех местах их много.

Вот и Коношаново. Крепкими, рубленными в лапу пятистенками разбежалось оно по берегу Лены. В одном из домов и встретил нас Дмитрий Андрианович Коношанов.

Деду Коношанову восемьдесят три года. Но года не согнули его. Высокий и прямой, живущий среди девственной природы, он чем-то напоминает того старика — замечательного сказителя, которого когда-то встретил М. Пришвин на холодных берегах Выгозера.

Такое ощущение возникает, вероятно, под впечатлением только что проделанной дороги в этом сибирском «крае непуганых птиц» и могучей фигуры самого деда. И усиливается еще больше, когда Дмитрий Андрианович начинает рассказывать сказки. Они совсем не похожи на те, что слышали мы от других сказочников в приленских селах. Собственно, никаких открытий Коношанов не делал, и сюжеты его сказок были не новы. Но само восприятие дедом Андриановичем сказочной событийности было тем са-

мым, древнерусским, скорее былинным, чем сказочным, которое так вязалось со всем его обликом и окружающей природой. Древняя Русь с «колокольным звоном» ее княжеств, обнесенных «крепостными» стенами, с «крепкими заставами», охраняемыми «могучными» богатырями,— вставала из его сказок. Может быть, именно поэтому больше всех прочих Коношанов любит сказки о богатырях. И рассказывает он их житейски, как был, без каких-либо традиционных сказочных зачинов и концовок.

«Это было в княжестве Володимира,— так просто начинает Дмитрий Андрианович сказку про Еруслана Лазаревича. Не спеша и размеренно дает Коношанов «предысторию» появления этого богатыря на свет. Слушатели узнают о княжестве Кербита Кербитовича, которое одолел змей, о спасении Лазарем Лазаревичем княжеской дочери, об их свадьбе и счастливом возвращении в свое княжество, «во Володимирское». «Вот здесь-то у них и родился сын Еруслан Лазаревич»,— так эпически звучит этот своеобразный «пролог», после которого сказочник начинает длинную историю приключений и подвигов богатыря.

Своих героев Коношанов неизменно называет по имени-отчеству, старинную традицию которых он строго соблюдает. В его сказках живут и действуют Иван Лазаревич, Ерусланей Ерусланевич, Салтан Салтанович, Лукапер Салтанович, князя Федул, Багригор, Обдул; их дочери Пятидора Багригоровна, Лукаперья Салтановна, Федула Федуловна, Настасья Вахрамеевна и др. Это не просто пристрастие к собственным именам. Ими Коношанов подчеркивает подлинность происходящих в сказках, но давно прошедших событий: «Раньше ведь какой князь, так и город назывался». Сказка для него — не «складка», не «ложь». Эта мысль постоянно звучит у Дмитрия Андриановича: «Это только я так быстро говорю,— неоднократно замечает он,— а ведь дело-то годами было!» Конечно, на первый взгляд может показаться, что это опять-таки один из фактов современного переосмысления сказочного трафарета: «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Но если эту реплику сказочника соотносить с другими подобными моментами,

то станет ясно, что всем своим повествованием Коношанов неизменно как бы подчеркивает: это было. «У них, у богатырей, раньше тоже жеребья были»,— говорит он об условиях поединка Еруслана Лазаревича и Ивана—русского богатыря. Так же достоверно объясняет он и боязнь матросов выдать Салтану Салтановичу богатыря Бобу Королевица: «Видите, эти руки по сто пудов поднимают. Если будете меня выдавать, я вас всех за борт повыбрасываю»,— грозит Боба матросам. «А в те времена ведь огнестрельного оружия не было, только холодно»,— замечает рассказчик.— Не стали матросы его выдавать».

Эта вера Коношанова в подлинность происходящих событий была поразительна. От нее веяло былинной, «старинной», которую пел Пришвину более полвека тому назад замечательный сказитель, кстати тоже Андрианов (!), только Григорий. И невольно всплывало в памяти одно из воспоминаний писателя:

— А что же случилось с Ильей Муромцем?—спросил у Григория Андрианова мальчик, слушавший вместе с Пришвиным былинку.

— Илья Муромец окаменел за то, что хвалился Киевскую пещеру проехать.

— А Добрыня Никитич?

— Добрынюшка скакал под Киевом через камень, скобой зацепился за него: да тут ему и смерть пришла...

— Да неужели же в самом деле богатыри были?..

— Все, что я пел в этой старине, правда, истинная до последнего слова...

И тут Пришвин понял, почему те былины, которые казались ему такими скучными и непонятными в гимназии, приобрели вдруг для него новый смысл: «Старик верил в то, что пел»¹.

Д. А. Коношанов не только убежден в подлинности существования в далеком прошлом богатырей, его сказкам присуще глубоко патриотическое стремление объединить их в крепкое и нерушимое богатырское братство, связанное часто даже кровными узам: Еруслан-то Лазаревич с Бобой Короле-

¹ М. Пришвин. В краю непуганых птиц. Собр. соч. в 6 томах, т. 2. М., 1956, стр. 91—92.

вичем «братанчики были — матери у них двоюродные сестры».

А Боба Королевич, уговаривая Лукоперью Салтановну пойти «взамужество» за его дядьку Цинбу, как один из самых убедительных доводов приводит следующий: «Да и свойство будет у нас: друг друга отстаивать будем».

Все «могутные» богатыри этого братства благородны и справедливы. Еруслан Лазаревич корит Ивана—русского богатыря за то, что тот «столько людей безвинных побил»:

— Эх, Иван—русский богатырь! И откуль в тебе столько зверства. Ведь если бы ты меня с седла скинул, в живых бы не оставил. А я тебя в исправности оставляю. Нет во мне этого зверства.

И Еруслан Лазаревич, и Боба Королевич не раз предупреждают враждебных им князей «не посылать на кровопролитье» рать:

— Скажи, Картаусу, пусть больше не портит людей,—говорит Боба Королевич оставшемуся после схватки в живых человеку.

Но Картаус не внял его словам, снова послал рать. И сказочник, как бы извиняясь за «безвинно пролитую кровь», замечает: «пзрешелкал он этих богатыришек, ну чо — раз нахально лезут?!»

А волшебник, оставляя в живых Еруслана Еруслановича, так объясняет это: «Доброго отца ты сын, отец твой зря никого не обижал, отбивался сам от ворогов да выручал других...»

Богатырям Коношанова не чужд и некоторый «этикет», который проявляется очень своеобразно. Так Еруслан Лазаревич делает выговор Ивану—русскому богатырю за недостойную встречу:

— Эх, Иван, Иван! Я по всем княжествам разнесу, что у Ивана—русского богатыря вежесты нет для людей.

Благородны и даже галантны коношановские богатыри по отношению к женщине.

— Брат,—обращается Еруслан Лазаре-

вич к Ивану,—разрешите мне с вашей женой на ваших глазах пройти в прогулочку.

Очень деликатно просит прощения Боба Королевич у Лукоперьи Салтановны за неудачное сватовство, которое он совершает, будучи убежденным в гибели своей прежней семьи:

— Прости, милочка, что я тебя зря беспокоил. Это дети мои, а это моя жена. Но я их терял, а теперь нашел. Вот если желаете, Лукоперья Салтановна, я вам хорошего жениха найду... Богатырь он тоже...

Однако Дмитрий Андрианович Коношанов знает не только богатырские сказки, которые перенял от своего «прадедушки». Он прекрасный знаток и бытовой, и особенно солдатской сказки.

Семь лет Коношанов провел «на военке», был «артиллерист-барбардир, вроде ехлотор». «Бывало в блиндаже сидим,—вспоминает Коношанов,—приноют ребята. Я им:

— А чо, ребята, вперед смерти помирать? Хотите сказку? — и понесу им всяку соромщину.

Однажды ротный вызывает меня:

— Коношанов, ты, говорят, развлекатель?

— Есь, Ваше благородие!

Он меня евог так по рыльцу-то и похлопал».

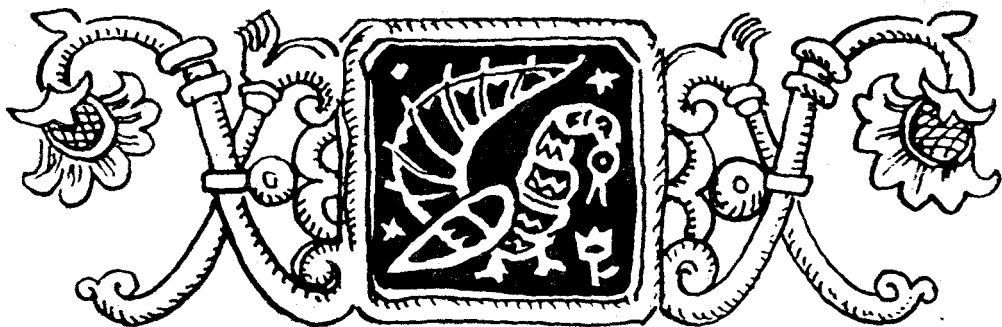
В 1914 году Коношанова снарядом «похитило», и он вернулся в родное село.

После революции тридцать лет проработал в колхозе, получал районные премии, медаль «За доблестный труд».

Дмитрий Андрианович безграмотен. Сейчас он на пенсии.

Коношанов очень общительный и не может быть без людей. «Никакого весельства без него нету, если заболит да в контору не идет»,—говорят односельчане.

Таков сказочник Дмитрий Андрианович Коношанов, несколько сказок из разнообразного репертуара которого и предлагается читателю.

6. ЕРУСЛАН ЛАЗАРЕВИЧ

то было в княжестве Володимира. У Володимира было два брата, два богатыря: Лазарь Лазаревич и Иван Лазаревич.

Однажды пошли они на охоту к синему морю и по дороге Иван Лазаревич заболел. Лазарь Лазаревич натянул ему шатер, положил его туда, а сам решил поохотиться. Пошел он возле синего моря, видит, стоит будка. В этой будке сидит красавица. Эта красавица была Кербита Кербитовича дочь, на поедение змею привезенная. Царство-то это змей ододел и жрал в день по человеку. У них по жеребьям и выставляли людей. Теперь на нее жеребь упал, ее и вывезли, княгиню эту.

Когда она увидела Лазаря Лазаревича, говорит ему:

— Ой, уходите скорей, Лазарь Лазаревич, а то прилетит шестиглавый змей и съест нас обоих. Мой уж жеребь такой.

— Можег, и подавится,— отвечает Лазарь Лазаревич.

Прилетает змей, увидел их и говорит:

— Вот спасибо Кербиту Кербитовичу, что две души дал.

Лазарь Лазаревич тут, не долго думая, все головы ему разом снес. Огонь разложил, пожег их и побежал за братом.

А в это время к будке этой еще один охотник подошел. Он тоже

охотился в этих местах. Увидел красавицу, узнал в чем дело и застра-
щал ее.

— Скажите отцу вашему, что это я вас спас, а не скажете, я сейчас
вас убью.

Забрал ее и унес.

Приходят два брата ко будочке этой, а красавицы нет. Чо делать?

Пошли они в княжество Кербита. А там уже свадьба идет, и прин-
цесса уж за столом сидит.

Как только братья заходят, она их увидела и говорит:

— Вот, папа, кто меня спас,— показывает на Лазаря Лазаревича.

Выдернули тогда этого хлюста из-за стола, посадили Лазаря Лазаре-
вича, свадьбу отгуляли и поехали в свое княжество, во Володимирское.
Вот здесь-то у них сын и родился Еруслан Лазаревич. Рос он по часам,
не по дням. Ему семь лет, а он уже взрослый. Стал ходить на дворянский
двор. Поймает за руку ребенка — руку оторвет, поймает за ногу — ногу
оторвет. Бояре да дворяне стали ходить ко князю Володимиру с жало-
бой. Князь Володимир призывает Лазаря Лазаревича и говорит ему:

— Сына твоего я ссылаю в ссылку за каверзы. Каверзник он у тебя.

Приходит домой Лазарь Лазаревич, рассказывает обо всем жене. Еру-
слан услышал:

— Папочка, мамочка, не пойду в ссылку. Дайте мне седельце да бо-
гатырские доспехи. Пойду, куда глаза глядят.

Отпустили его отец с матерью. Так и ходил, и скитался Еруслан Ла-
заревич, может, год, или два, или три. В один момент вышел он к озеру.
Навстречу ему едет старик на белом коне.

— Здорово, Еруслан Лазаревич,— говорит.

— Здравствуй,— отвечает тот.— А откуда ты знаешь, что я Еруслан
Лазаревич?

— А как же мне не знать. Когда ты ребенком был, я качал тебя.—
А это был пастух Ивашка. Он пас стадо лошадей князя Володимира.—
Каким же судьбам ты попал сюда?

— Да вот присудили меня в ссылку. Я и пошел куда глаза глядят.
Одна беда только: коня нет у меня богатырского.

— Эх, Еруслан Лазаревич! Отец твой—хороший человек. Надо сы-
на его уважить. Есть у меня конь. Он бежит—земля дрожит, огонь из
ноздрей валит. Утром на заре побежит он на водопой, а ты сделай засаду
у озера. Если сумеешь его поймать, твой будет! А имя ему—Черный Ви-
хорь. Это для тебя конь!

Утром только заря занялась, притаился Еруслан Лазаревич у озера.
Бегут кони на водопой, а впереди всех Черный Вихорь. Бежит—земля
дрожит, из ноздрей искры сыпятся. Еруслан Лазаревич как ударит его
плеткой меж ушей, конь на колени упал. Тут же оседлал он его и поехал.

— Спасибо тебе, дедушка, за коня богатырского. Чем благодарить мне тебя?

— Ничем не надо. Отец твой хороший человек, вот я тебе его и дал. Едет Еруслан Лазаревич дальше. Выезжает в чисто поле. Смотрит— лежит рать — сила побитая.

— Чья это рать — сила побитая? — спрашивает Еруслан Лазаревич.

— Это рать — сила князя Федула,—отвечает жив-человек.

— А кто же ее побил?

— Иван-русский богатырь.

— А за что же побил он ее?

— У князя Федула дочь есть Федула Федуловна. Она за Ивана-русского богатыря замуж не идет. Вот он и бьет их.

Поехал дальше Еруслан Лазаревич. Наезжает на вторую рать—силу побитую.

— Кто побил эту рать — силу великую? — спрашивает он.

Таку же речь ему говорят.

Поехал дальше Еруслан Лазаревич. Видит — ключ бежит, а у ключа у этого шатер натянут. Расседлал коня Еруслан Лазаревич, заходит в шатер. Там среди пола растянулся Иван-русский богатырь, спит. А у них, у богатырей, закон такой: спящего не бить. Еруслан Лазаревич взял и тоже спать лег.

Пробудился Иван-русский богатырь. Что такое? Откуль такая птица вылетела? Откуль такая дивь явилася? Вышел, коня от корма отогнал. Зашел в шатер, давай Еруслана ногой пинать. Проснулся Еруслан Лазаревич и говорит:

— Ты, Иван-русский богатырь, не трожь меня, а лучше принеси кувшинчиком воды из ключа да водой ключевой напои.

Иван на него:

— Чо я тебе, кухарка ли чо ли? Сам воду принесешь, напьешься!

— Эх, Иван, Иван! Я по всем княжествам разнесу, что у Ивана-русского богатыря вежести нет для людей.

Тогда Иван-русский богатырь убедился и принес ему кувшин воды.

— Чо же ты, Иван-русский богатырь, о себе шибко много думаешь?

— Молчи! А то я чичас захлестну тебя.

— Ну, давай тогда силой померяемся.

Делают они жеребья. (У них, у богатырей, раньше тоже жеребья были). Упал жеребь на Ивана-русского богатыря. Разъехались они, как две тучи грозные. Иван-русский богатырь ударил Еруслана Лазаревича — тот еле на коне усидел. Еруслан Лазаревич как ударил Ивана — тот снопом с коня слетел. Слез с коня Еруслан Лазаревич, стал отваживаться с ним. Привел Ивана в чувство, давай пенять ему:

— Эх, Иван-русский богатырь! И откуль в тебе столько зверства.

Ведь если бы ты меня с седла скинул, в живых бы не оставил. А я тебя в исправности оставляю. Нет во мне этого зверства.

Тогда Иван-русский богатырь стал просить у него прощения:

— Прости меня, Еруслан Лазаревич. Младшим братом я у тебя буду.

Еруслан Лазаревич спрашивает:

— За что ты побил столько людей безвинных?

— Так я Федулу Федуловну всей душой люблю. Я все их княжество разорю, но возьму в замужество Федулу Федуловну.

Еруслан Лазаревич и говорит:

— Поедем лучше добром к князю Федулу, брат Иван, не будем больше кровь проливать людскую. Я и так его договорю. Она и так за тебя пойдет.

Приехали к князю Федулу. Он их как гостей принял.

— Если ты, Федул, дочь свою не отдашь, мы же все равно княжество твое разорим и тебя убьем. Отдай лучше добром.

Федул убедился и согласился дочь отдать.

Делают свадьбу, пир-гулянку.

Когда отгуляли, Еруслан Лазаревич Ивану и говорит:

— Брат, разрешите мне с вашей женой на ваших глазах пройти в прогулочку.

— Пожалуйста, — отвечает Иван-русский богатырь.

Берет Еруслан Лазаревич Федулу Федуловну подручку и говорит ей:

— Федула Федуловна, есть ли на свете красавица краше тебя?

— Есть у князя Багригора три дочери: Семидорочка, Шестидорочка и Пятидорочка. Я супротив них — ночь темная.

Распрощался Еруслан Лазаревич с Иваном-русским богатырем и женой его Федулой Федуловной и поехал искать Багригорово княжество. Отъехал немножко и одумался: «Что же это я поехал? Вдруг мне кто-нибудь поглянется из них, а я и благословения-то не взял у тятеньки, у мамоньки!»

Поворачивает коня и едет в город Володимир просить благословения у отца с матерью.

Подъезжает к городу Володимиру, а его князь Обдул обложил войском со всех сторон. Только на крепостных стенах город и держится.

Еруслан Лазаревич въехал во вражью рать и давай ее косить. Разбил силу первую, разделал. У Обдула богатыришки тоже были. Он и их разбил. Обдул вторую силу выставляет. Еруслан Лазаревич и вторую силу положил. И третью так же. Князь Обдул запросил у князя Володимира мира.

Тут открыли крепостные ворота и давай встречать победителя с колоколами. Бояре, дворяне не знают куда посадить, чем угостить Еруслана Лазаревича.

А у князя Володимира была дочь красавица. Вот он и говорит:
— Еруслан Лазаревич, вот тебе и невеста. Женись, и княжество твое будет.

Но Еруслан Лазаревич отвечает:

— Нет, князь Володимир, жениться мне еще рано. Молод я еще. Мне нужно поездить, добрых людей посмотреть и себя показать.

Взял Еруслан Лазаревич благословение у родителей и поехал далё.

Приезжает Еруслан Лазаревич в город Багригора, видит, шатер натянут посередь зеленого луга. Заходит в шатер, а там три дочери Багригора: Семидора, Шестидора и Пятидора сидят и вышивают. Увидели его — как птички вспорхнули. Пятидорочка-то ему сразу и поглянулась.

— Пятидора Багригоровна, я бы пригласил в прогулочку вас пройти.

Она от радости на дыбочки:

— Пожалуйста, пожалуйста.

Пошли в прогулочку. Он задает ей вопросик:

— Чо же, Пятидора Багригоровна, есть ли на свете краше вас красавица?

— Есть,— говорит. (Не скажи она так, дак он на ней бы женился, на Пятидорочке.)— Есть у князя Вахромея дочь — Настасия Вахромеевна. Я супротив нее — темная ночь.

— А есть ли, Пятидорочка, на свете богатырь сильнее меня?

— Слыхала я, есть в Индейском царстве Ивашка — Белая Панча Сорочинская Шапка. Тридцать три года он Индейское царство стережет. Кто ни нападал на Индейское царство, всех перебивал.

Приходят они с прогулки. Еруслан Лазаревич прощается. Пятидорочка гут закукарекала, заплакала — ей-то шибко поглянулся Еруслан Лазаревич. А ему интересно другого богатыря посмотреть, да и прекрасную красавицу увидеть тоже хочется.

Сел на коня и поехал в княжество Индейское искать Ивашку — Белая Панча Сорочинская Шапка. Подъезжает к Индейскому царству, а Ивашка стоит на заставе, на заплог навалился и спит — такое чучело.

Еруслан Лазаревич заревел:

— Эй, хорошие сторожа стоя не спят! Им хватает время лежа выспаться.

Ивашка проснулся сразу:

— Откуда ты, такая муха, явилась?

— Чо ты, Ивашка, думаешь? Я тебя, гада, как кролика, сейчас разорву.

Ну, чо делать? Кидают жеребья. Жеребь показывает вперед Еруслану Лазаревичу бить. Разъехались, как две тучи грозные. Еруслан Лазаревич как ударил его — он снопом выскочил из седла. И собственный конь его задавил.

Въезжает Еруслан Лазаревич в город Индей. Там все индей орут:

— Как тебя Ивашка пропустил? Как тебя Ивашка пропустил?
— Подберите кости вашего Ивашки. Ивашка ваш выше себя гордость поставил, за это он и убит.

Только проезжает крепостные ворота. Еруслан Лазаревич, откуда ни возмись старичок и на колени перед ним:

— Здравствуй, Еруслан Лазаревич!

— Как ты меня, дедушка, знаешь?

— Да как мне не знать тебя. После твоего отъезда князь Обдул опять войной напал, позорил все княжество, всех в плен забрал. А князю Володимиру, твоим папочке и мамочке глаза выкопал, в темницу посадил.

Еруслан Лазаревич поворачивает коня и поехал в княжество Володимира.

Приехал в город, детишки показали ему темницу. Заходит он в темницу, а там князь Володимир, мать и отец его темные сидят.

Князь Володимир говорит:

— Если хочешь нам помочь, поезжай туда, где царствует Огненный Щит Боевое Пламя. У него есть живая и мертвая вода.

Еруслан Лазаревич садится на коня и поехал. Узнал об этом князь Обдул и в погоню за ним богатыришек отрядил. Еруслан Лазаревич всех перещелкал, одного оставил и говорит:

— Скажи князю Обдулу, пусть не портит зря людей.

Но князь Обдул посылает вторую силу. Он и вторую силу прибил — ну чо, раз лезут нахалом?

Третью силу посылает князь Обдул — он и третью силу побил.

Теперь наезжает Еруслан Лазаревич на рать-силу, сожженную огнем. Спрашивает он:

— Чья это рать-сила и кто сожег ее?

— Эта рать-сила Ерусланея Ерусланеича, а сожег ее Огненный Щит Боевое Пламя, — отвечает раненый Ерусланей Ерусланеич. Он уж помирает совсем. — А куда ты едешь?

— Я еду за живой и мертвой водой.

— О-о, милый, там жизнь свою положишь. Но я могу помочь тебе. Поезжай в наше царство. Там есть старый меч моего деда. Если сможешь им орудовать, то бери. Подъезжай с ним смело к Огненному Щиту Боевое Пламя, слезай с коня и бей только один раз. Как другой ударишь — он оживет.

Поехал Еруслан Лазаревич в это царство, нашел волшебный меч и отправился искать чародея.

Когда увидел его, слез с коня, поднял руки на сажень — сдаюсь, мол. Тот подошел к нему, а Еруслан Лазаревич со всего плеча рубанул Огненный Щит Боевое Пламя. Доспешники его кричат:

— Бей его, бей еще!

— Нет! — отвечает Еруслан Лазаревич. — Богатырская рука только один раз бьет.

Набрал Еруслан Лазаревич живой и мертвой воды и отправился в обратный путь. Сперва нашел он Ерусланея Ерусланеича, сбрызнул его сначала мертвой, потом живой водой. На нем все тут же заросло. Дал Ерусланею Ерусланеичу еще воды, чтоб он и других оживил.

Поехал дальше. Встретил войско князя Обдула и давай его щипать. И самого князя порешил.

Потом добрался и до Володимира. Промыл глаза князю, отцу и матери мертвой и живой водой — у них глаза видеть стали. Но тут пошли большие встречи-веселья. Отец стал просить Еруслана Лазаревича.

— Не ездь больше никуда, сынок. Без тебя на нас опять кто-нибудь нападет, опять мы страдать будем.

Но где же он послушает? Настасию Вахромеевну охота ему повидать.

Въезжает в город Вахромей (а раньше какой князь, так и город назывался), смотрит — висят афиши: «Змей напал на город. Кто этого змея победит, тому Настасия Вахромеевна в замужество достанется и княжество ему передадут».

А змею этому каждый день на поеданье человека отдавали. На кого жеребь упадет — тому и идти в чисто поле, там змей его и пожрет.

Пошел Еруслан Лазаревич в чисто поле, а там уж человек сидит, определенный на поеданье, — мужчина.

Вдруг шум, гром! Змей летит. Заявляется. Еруслан Лазаревич к нему. Мечом ударит, три головы срубит, они опять прирастут. Человек этот, который на съеданье привезен, кричит:

— Руби с левой руки!

Он как стал с левой руки рубить, головы перестали прирастать. Порубил Еруслан Лазаревич змея на куски, на огне сожег их и по ветру развеял.

Тут победителю встречи большие. В колокола звонят! Тут и свадьба пошла.

Скоро у них с Настасией Вахромеевной родился сын. Они называли его Еруслан Ерусланович.

Как-то раз поехал Еруслан Лазаревич на охоту и напал на волшебницу. Она его приколдовала и оставила у себя. Он год проживет, а ему кажется — день. Так прожил он у чародейки семь лет.

А сын тоже рос да рос. Вот уж и двенадцать годов исполнилось ему. Он тоже богатырем стал. Ребята над ним смеются: у тебя, мол, отца нет, безотцовщина ты, мол. Вот он и решился поехать отца разыскивать.

Увидела волшебница, что едет богатырь и натакала на него Еруслана Лазаревича. Он-то не знал, что это его сын. Съехался сын с отцом, и Ерус-

лан сразу его из седла вышиб. Когда падал в траву Еруслан Ерусланович, выпал у него именной крест. Узнали тут они друг друга, поехали к этой чародейке. Еруслан Ерусланович в ноги упал ей.

— Отпустите его. Это папочка мой. Отпустите его.

Она смилоствилась и отпустила Еруслана Лазаревича.

Приехали домой, повеселились, попиروвали.

Теперь Еруслан Лазаревич пишет три письма: Ивану-русскому богатырю, Бобе Королевичу (они с ним братанчики были — матери у них двоюродные сестры), а третье — Ерусланею Ерусланеичу.

Повез эти письма Еруслан Ерусланович и встретил волшебника. Тот как дунул, так Еруслан Ерусланович с коня и слетел, как сноп. Разглядел поближе его волшебник и говорит:

— Эх, доброго отца ты сын. Отец твой зря никого не обижал, отбивался сам от ворогов да выручал других. Ради отца твоего поезжай, куда едешь.

Взял и восстановил его на коня. Дальше поехал Еруслан Ерусланович.

Первое письмо доставил Ивану-русскому богатырю. Погостил, поचाевал у него и к Бобе Королевичу. Попировал, погулял у дяди и — к Ерусланею Ерусланеичу в гости подался. Развез всем письма, вернулся на родину и стал жить-поживать. Тут и сказке конец.

7. БОБА КОРОЛЕВИЧ

Жили два князя Додон и Видон. У Додона был сын годов семи или восьми — Боба, а фамилия его была Королек. Вот тебе и Боба Королевич.

Сжилась Додонова жена с Видоном, и решили они Додона извести. Поехал Додон на охоту, стал понтонный мост переезжать, а Додониха с Видоном взяли и развели тот мост. Додон и утонул.

У Додона же еще был брат — дядька Цинба. В те поры он еще молодой был, годов семнадцати. Когда Цинба узнал о гибели брата, схватил племянника, забросил на лошадь и повез к себе. Но мать с Видоном догнали дядьку Цинбу и отобрали Бобу Королевича.

Однако Видон никак не хотел примириться с пасынком:

— Нужно сказнить, истребить его. Он ведь врагом нам будет.

Но мать все-таки жалела Бобу:

— Посадим его в темницу. Он там и своей смертью помрет.

Посадили Бобу Королевича в темницу. Сколько уж сидел он там, год ли, два ли, три ли — это нам неизвестно. Только мать все-таки жалела сына и велела девочке-служанке таскать ему в темницу еду.

Как-то раз Боба и говорит этой девочке:

К сказке Д. А. Коношанова
«Еруслан Лазаревич»

— Вы не запирайте двери к ночи. А если я живой останусь, я вас не забуду.

Она оставила дверь открытой. Боба ночью вылез из темницы и пошел в бегствие. Так и скитался он от княжества до княжества, кореньями да ягодами питался.

Однажды вышел к реке. А по реке в это время плыл корабль с товаром. И плыл он к князю Андрону Андроновичу. Увидели корабельщики Бобу и думают: «Откуда это такой красивенький мальчишка взялся?» Сделал корабль оборот, взяли купцы Бобу Королевича на корабль и повезли в царство Андрона Андроновича.

Когда распродали весь товар, Андрон Андронович увидел Бобу и давай покупать его. Дорого дал, но все-таки купил его и привез к себе во дворец.

К тому времени Бобе Королевичу было уже годов шестнадцать. А у Андрона Андроновича была дочь Дружевна Андроновна. Увидела она Бобу и залюбила его: шибко уж он красивый был, да и богатырь могучный.

В это самое время приезжает к Дружевне Андроновне князь Картаус свататься. Она не идет за него, и отец не отдает ее тоже. Тогда Картаус открывает войну против Андрона Андроновича и начинает бить его войско, что колоски косить.

Прибежала Дружевна Андроновна к Бобе:

— Ой, Боба Королевич, помоги сокрушить Картауса, папа-то ведь уже старый.

— Что же я простым рукам сделаю?— отвечает Боба Королевич.— Если бы был конь богатырский да богатырские доспехи, тогда другое дело.

— Есть у нашего дедушки богатырский конь и богатырские доспехи. Дедушка-то сейчас помер, и конем и доспехами никто не владеет.

Пошел Боба в конюшню, вырвал дверь, достал богатырские доспехи, свистнул коня и поехал воевать с Картаусом. Раскосил все его войско и богатыришек его побил. Замолчал Картаус.

Только одна беда окончилась, снова сват на дворе. Это князь Лукопер Салтанович сын Салтана Салтановича приехал свататься. Он тоже могучный богатырь был. Но Дружевна Андроновна не согласна идти замужество за Лукопера Салтановича. Опять началась война, опять кровопролитье. В схватке Боба Королевич и убил Лукопера Салтановича.

А у Андрона Андроновича был министр из прослойки Салтана Салтановича. Он дает Бобе письмо с приказом доставить его к князю Салтану Салтановичу. В том письме, мол, важные вести есть. Собрался Боба Королевич и поехал в царство Салтана. Ехал полем мимо Картаусского княжества и попал на волшебника. Тот как дунул на Бобу, так он с коня слетел и три дня без памяти лежал.

Когда Боба Королевич произошел в чувство, смотрит — нет ни коня, ни богатырских доспехов. Решился так: пойду пешком, а письмо Салтану Салтановичу доставлю. А в письме том было донесение на Бобу. Министр доказывал в нем, что Боба убил сына Салтана Лукопера. Как получил Салтан Салтанович письмо, так тут же хотел казнить Бобу Королевича. Но дочь князя Лукоперья Салтановна заступилась за Бобу Королевича.

— Не казните его, папаша. На то же война была! Ведь и наш Лукопер мог его убить. На то война. Лучше я за него замуж пойду, и он будет наш защитник.

Начинает она на нем свататься, а он ни в какую. Лукоперья и говорит.

— Давайте, папаша, посадим его в темницу, там он сознается — все же возьмет меня в замужество.

Долго ли, коротко ли сидел в темнице Боба Королевич, но жениться на Лукоперье Салтановне никак не хотел. Однажды ночью нашел он в темнице железину, выломал ей дверь и пошел в бегство.

Пробирался лесами, полями Боба и вышел к реке. Смотрит — стоит корабль у причала, собирается в плавание.

— Куда путь держите? — спрашивает матросов Боба Королевич. — Не возьмете ли меня с собой?

— Почему не взять, возьмем. А едем мы к Картаусу на свадьбу. Он женится на княжеской дочери Дружевне Андроновне.

Упало сердце у Бобы Королевича, но вида он не подал. Поехал с ними. Только отплыли — погоня. А это Салтан Салтанович гонится за Бобой.

— Выдайте пленника, — кричит со своего корабля Салтан Салтанович.

А Боба Королевич богатырские руки поднял, говорит матросам:

— Видите, эти руки по сто пудов поднимают. Если будете меня выдавать, я вас всех за борт повыбрасываю и один поплыву.

Они смотрят, — правда, ручищи-то богатырские. А в те времена ведь огнестрельного оружия не было, только холодное. Не стали матросы его выдавать.

Приплыли в княжество Картауса. Только Боба Королевич вышел на берег, смотрит — тот старик-волшебник тут же. Боба к нему:

— Отдай богатырского коня и доспехи! Не то — душу выгряхну! Старик перед ним на колени:

— Ой, Боба Королевич, прости меня. Нехорошо я поступил. Но я тебе и помогу. Сейчас у Картауса свадьба идет. Дружевна как раз помилованье разносит. Вот тебе два порошка. Этот разведешь, умоешься им — стариком станешь, этим умоешься — молодым будешь.

Боба взял порошки, первым умылся, сделался старым-престарым стариком и пришел к Картаусу на свадьбу. Дружевна подносит ему помилованье. Он берет стакан и говорит:

— Не ради меня, ради Бобы Королевича выпью.

Дружевна спрашивает:

— Как вы Бобу знаете?

— А мы вместе с ним в тюрьме сидели. Если хочешь, я тебе расскажу про него. Ты попроси Картауса, скажи: ты, мол, меня нахально взял, и я ничего не знаю про мамочку, про папочку. А с нашей стороны старичок пришел, разреши мне поговорить со старичком этим, о родных спросить.

Картаус разрешил ей поговорить со стариком. Они зашли в другую комнату, а Боба вторым порошком умылся и сделался снова молодым и красивым. Ну, бросилась тут Дружевна ему на шею. А он накалал ей:

— Когда у вас пир пойдет, ты подноси Картаусу побольше вина да слова ласковые говори. А когда напьется он крепко и бояре его, мы с тобой в бегствие дадимся.

Так они и сделали.

Картаус очухался — Дружевы нет. Он на коня и в погоню. Богатыришки у него тоже были. Догнали Бобу, лезут нахально. Он перещелкал этих богатыришек, ну чо — раз нахально лезут! Одного оставил, говорит:

— Иди, скажи Картаусу, пусть больше не портит людей.

Но Картаус все же вторую партию послал. Он и вторую перерубил.

Наконец, доехали до князя Чурилы Петровича. Чурила Петрович принял их как гостей, напоил, накормил, лошадей на конюшню отвел. Почаевали и поехали дальше.

А у Картауса чудовище было — Полкан Полканович — сильнучий, половина-человек, половина-зверь, глазищи как у лошади. Вот Полкаша и пустился в погоню за Дружевной. Едут Боба с Дружевной полем, слышат — сильный топ. А это чудовище во весь мах скачет. Подскакал Полкаша к Бобе, вырвал дерево и деревом на него. А Боба Королевич под дерево на коне проскачил, сзади подскокнул и сильно мечом ранил Полкашу. Тогда Полкаша сознался:

— Не убивай меня, Боба Королевич, пойду вместе с тобой и всегда тебе помогать буду.

Теперь все трое поехали свободно, погони не ожидают, никого не боятся.

Сколько-то проехали. Боба Королевич и говорит:

— Вы оставайтесь тут с Дружевной, а у меня еще старый должок есть. Я поеду с Видоном рассчитаюсь.

Поехал, с Видоном быстро справился и поставил вместо него князем дядьку Цинбу.

Возвращается на старое место, смотрит, а от Полкаши только кости остались — это львы налетели и растерзали Полкашу. И Дружевна куда-то исчезла.

А когда расставались Боба с Дружевной, она уж была в положении. (Это только говорится так быстро, а дело-то годами было!) Дружевна Андроновна родила двух мальчиков. С ними и скитается.

А Боба Королевич искал, искал ее и подумал, что тоже его Дружевну звери растерзали. И решился жениться он на Лукоперье Салтановне.

Привезли ему Лукоперью Салтановну, начали свадьбу собирать. А Дружевна с сыновьями как раз в это время пришли в их город. Мальчики-то уж года по четыре имели, и пошли они во дворец к Бобе. Увидел их Боба Королевич (а они так похожи на него) и говорит Лукоперье:

— Лукоперья Салтановна, разрешите, я кое о чем этих мальчишек спрошу.

— Пожалуйста, — отвечает она.

Боба подходит к мальчикам и начинает расспрашивать их обо всем:

— А у вас папа где?

— Потерялся он.

— А как звали папку вашего?

— Боба Королевич.

— А где мама ваша?

— Здесь в городе.

Тогда он снова к Лукоперье Салтановне:

— Лукоперья Салтановна, разрешите, я с этими ребятами схожу ненадолго.

— Пожалуйста.

Мальчики довели его до матери. Тут пошли встречи-приветы. Боба Королевич приводит их всех во дворец и давай уговаривать Лукоперью Салтановну:

— Прости, милочка, что я зря тебя побеспокоил. Это дети мои, а это моя жена. Но я их терял, а теперь нашел. Вот если желаете, Лукоперья Салтановна, я вам хорошего жениха найду — дядьку Цинбу. Богатырь он тоже и человек богатый, два княжества имеет. Да и свойство будет у нас: друг друга отстаивать будем.

Поехали к дядьке Цинбе. Он поглянулся Лукоперье Салтановне, сделали они свадьбу и породнились кругом.

А там Боба Королевич ту девочку нашел, которая его из темницы выпустила. Она уж теперь взрослая была, замужем. Он ее крепко награждал, человеком сделал.

8. ВОРОН ВОРОНОВИЧ

Один охотник был. Идет он в одно прекрасное времечко по тайге, видит, на дереве сидит какое-то чудовище. Это и был самый Ворон Воронович. Он был раненый. Охотник подходит к дереву и намеревается его стрелять. Ворон Воронович говорит:

— Не стреляй, мужичок, меня, не стреляй. Я тебе, может, гожусь еще.

Второй раз охотник целится стрелять.

— Ой, не стреляй,— просит Ворон Воронович.— А если есть у тебя два быка, оживи меня. Я тебе за это заплачу очень крепко.

Мужик согласился. Приводит Ворону двух быков. Он их съел и ожил. Дает охотнику ящичек и молоточек.

— Вот тебе за быков. Сверху, как ударишь молоточком, посыпятся люди, начнут спрашивать: «Чо работать, хозяин, чо работать?» Ты им работу дашь, а когда ее сделают, постучишь по ящичку снизу, и они все спрячутся.

Обрадовался охотник, взял ящик, пришел домой, постучал молотком сверху — много высыпало народу, ревут:

— Чо работать, хозяин, чо работать?

Он им наказал, они все работы переработали. А как их обратно спрятать, мужик и забыл. Чо делать?

Побежал в лес к Ворону Вороновичу (а Ворон-то ведь чародей был), рассказал ему о своей беде, тот говорит:

— Знаешь, охотник, я тебе эту штуку направлю, а ты отдай мне за это, чо дома не знаешь.

Охотник помечтал, помечтал: «Все вроде знаю дома».

— Отдам,— говорит.

А у него в это время родился сын. Этого сына он и отсулил.¹

Растет сын. Вот уж ему пятнадцать лет стало. Раз уж отсуленный он, пора ему уходить. Ушел.

Идет долго ли, коротко ли, видит — озеро. А в озере три девицы купаются. Эти девицы были волшебные — Ворона Вороновича дочери. А сорочки их на берегу лежали. Парень подкрался и у одной сорочку украл. Искупались девицы, вышли из воды. Двое-то сорочки понадели и полетели, а у третьей нет сорочки. Не в чем лететь.

Вот она и говорит:

— Отдай, кто взял сорочку. Если старше меня, отец мой будешь, младше меня — брат мой будешь, ровня моя — муж мой будешь.

Тогда он выходит с этой сорочкой. Она надевает ее и говорит:

¹ Отсулить — пообещать.

— Я улечу сейчас, а ты иди на такой-то остров. Там одиннадцать домов стоит. Я на самом краю живу. Дорогой тебя в другие дома будут приглашать, но ты в них не заходи, а пробирайся ко мне.

Паренек так и сделал. Приплыл на тот остров, пошел по улице. Двери всех домов открываются, разные девицы выскакивают, кричат:

— Ко мне заходи! Ко мне заходи!

Но он идет дальше, не обращает на них внимания. Зашел в самый крайний дом. Увидела его эта девица и говорит:

— Прежде ты иди к отцу, доложишь ему, что ты, мол, пришел.

Явился парень к этому чародею — Ворону Вороновичу.

— Ага,— говорит Ворон,— явился. Ну, завтра я тебе работу дам. У меня есть кобылица дикая. Ты ее обучи.

— Ладно, слушаюсь.

Пришел, рассказал своей невесте задачу. Она говорит:

— Знаешь, ведь этой кобылицей-то он сам будет. Он затаскает тебя, угробит. А возьми-ка ты три прута: два железных, а один медный. Когда сядешь на него, он понесет тебя прямо на воздух, ты бей его, но только меж ушей, больше никуда не бей. Переломаешь железные прутья, бей медным.

Он так и сделал. Только подняла его эта кобылица в воздух, стал он бить ее. Бил, бил, ну и натешил же чародея! Спустился он на землю.

Парень отпустил кобылицу и приходит к невесте. Она говорит:

— Сейчас надо нам с тобой убираться, а то он узнал, что я тебе помогла. Теперь он нас обоих кончает.

Ночью отправились они в побег.

Утром хватился Ворон дочери — нет ни ее, ни парня. Отправил слуг в погоню.

А те далеко уж убежали, но она знает, что отец устроит погоню. Она и сама-то от него чародейству научилась. Услышала погоню, сделала себя овечкой, а его бараном.

Погоня как гнала, так и прогнала мимо. Вернулись слуги к Ворону Вороновичу.

— Ну, как? Поймали их?

— Никого не видели. Только овечка с бараном ходят, траву щиплят.

— А это ведь они и были.

Направляет Ворон Воронович второй раз погоню. Услыхала она погоню и делается церковью, а он попом. Ходит парень по церкви, поет. Они как ехали, так и проехали. Сгоняли зря и назад вернулись.

— Ну, видели кого? — спрашивает Ворон.

— Никого не видали. Только церкву видели и попа.

— Это они и были,— говорит Ворон.— Полечу теперь я сам.

Полетел сам догонять их. Она сразу поняла, что теперь сам отец летит, и сделалась озером, а парня сделала окунем.

Он как летел, увидел озеро:

— А-а! Тут-то и есть вы!

И начал это озеро пить. Пьет, пьет. Уже совсем воды не остается в озере.

А она наказала парню: «Как совсем мало воды останется, ты выскакивай из озера. Ударись о камень, сделаешься человеком и ударь Ворона этим кирпичом в лоб».

Так он и сделал. Как ударил его этим кирпичом в лоб, он и лопнул. Ворон Воронович. Они тут же его сожгли и пошли дальше.

Она говорит:

— Сразу нам прийти к твоим родителям плохо. Ты иди сначала один, но помни: со всеми здоровайся, только с братом, который родился без тебя, не здоровайся. Если с ним поздороваяешься, про меня забудешь.

Он пришел домой да на радостях с маленьким с этим поздоровался и забыл про нее.

Долго ли, коротко — высватывают ему родные невесту. Уж и свадьбу делают, за столом сидят.

А она, дочь чародея, тоже на свадьбу пришла и встала в сторонке. Когда первую явству подали, на столе овечка и барашек забегали. А он ничего не понимает.

Когда вторую явству притащили, на столе церковь появилась и поп. Он опять ничего не понял.

Третью явству принесли — образовалось озеро и окунь в нем плавает. Тут только память к нему и пришла. Бросился он к ней:

— Вот моя настоящая невеста. Простите, простите меня. Я ведь все забыл.

Тут и повенчались они с ней и стали жить.

9. ПОЙДИ ТУДА, НЕ ЗНАЮ КУДА, ПРИНЕСИ ТО, НЕ ЗНАЮ ЧТО

Один государь был холостой. Однажды приходит ему портрет неизвестно откуда. На нем — такая красавица! — а не знает, из какого государства. Государь стал ездить по частям, по войскам — кто привезет эту красавицу, сразу награжден будет. Много ездил он по частям и заехал во вторую роту. Показывает солдатам этот портрет. Один солдат выходит и говорит:

— Я могу достать эту красавицу. Только дайте мне месяц отдохнуть.

Государь согласился, дал ему месяц отдохнуть.

— Теперь дайте мне документ, чтоб в любом государстве был мне банк открытый.

Государь дал ему документ, и он пошел пешком этот солдат. Идет, смотрит, три мужика дерутся. Он спрашивает:

— Вы чо, ребята, деретесь?

— А как же? У нас от отца остались ковер-самолет, сапоги-скороходы и шапка-невидимка. И мы никак их разделить не можем.

— Ох, мужики, и глупые вы! Сделайте-ка по комарику,¹ а я быстро лучок сделаю. Выстрелите вон в ту гору. Кто первый со стрелой прибежит, тому ковер-самолет, кто второй — тому сапоги-скороходы, кто задний — тому шапка-невидимка.

Мужики согласились. Расстреляли стрелы и побежали за ними, а солдат надел сапоги-скороходы, шапку-невидимку, сел на ковер-самолет и полетел.

Долго он летел, коротко ли, видит большой город с медными крышами.

Он за городом спустился, положил свой ковер-самолет в куль и пошел в город. Видит на краю города земляночку, заходит в нее, там старуха живет.

— Здравствуй, бабушка.

— Здравствуй.

— Нельзя ли у тебя денька два пожить?

— Да, пожалуйста, солдатик, живи.

Он ей говорит:

— Знаешь, бабушка, я тебе денег дам, а ты покупай мне конопли побольше. Мне прямо воз нужно конопли.

Старуха на базар идет, скупает коноплю. Ей говорят:

— Зачем тебе столько конопли?

— Да неизвестно, родится ли она еще на будущий год, а мне запас нужен.

Принесла домой. Солдат связал ее снопами, сел на ковер-самолет и поднялся в воздух. Подлетел к дворцу, а там по снопу зажигает и опускает, зажигает и опускает. Во дворце подумали, что это светопреставление. Забегали все, выбежали на улицу и принцесса с ними. Он смотрит: это та самая, что на портрете. Цоп ее кверху.

Стража кричит:

— Держи, имай ее!

Но не гут-то было.

Везет принцессу. Она говорит:

¹ Комарик — стрела.

— Кто везет меня? Нечиста сила? Если крещеный человек, спустись на землю.

Он спустился на землю и говорит:

— Я тебя везу к государю взамужество.

— А я за него не пойду.

— Ну как не пойдешь?

— Ты меня взял, я за тебя и пойду.

Побеседовали они так, поднялись, опять полетели. Прилетают в столицу, в Москву. Он встает в гостиницу, в третий класс. Государю доложили, что солдат этот привез красавицу.

Государь вызвал его в синод.

— Привез красавицу?

— Привез, — говорит. — Но она за вас не идет.

— Как не идет?

— А вот так. Призовите ее, спросите. Если пойдет, я ничего не имею.

Ее заводят. Она говорит:

— Я никаким путем не пойду за вас, государь. Что хотите делайте, а я не пойду.

А тут был у них секретарь самый главный. Он говорит:

— Да что вы, государь, куражитесь с этим солдатишком. Вы его отправьте туды, не знай куды, пущай принесет то, не знай что.

Государь и приказывает солдату:

— Вот иди туды, не знай куды, принеси нам то, не знай что.

Приходит солдат в гостиницу, рассказывает царевне все.

В двенадцать часов ночи выходит она на парадное крыльцо, свистнула в кольцо (стало быть, она тоже была вроде волшебницы). Явился человек. Она ему говорит:

— Сходите с этим солдатом туды, не знай куды, принесите то, не знай что.

— Слушаю, барыня.

Направила принцесса им подорожников.¹ И он повел этого солдата.

Долго ли, коротко ли они шли. Наконец, выходят на чистое место. Лежит на чистом месте камень. Человек этот отворотил камень — там колодец. Он и говорит солдату:

— Вот и спускайся в него. Внизу там стоит гроб. Вы ложитесь под гроб. Как ляжете, крышка откроется, покойник сядет, заорет:

— Мура! Подай рюмку вина!

Она подаст ему. Он выпьет, в гроб снова ляжет, крышка за ним закроется. А ты ори:

— Мура! Подай рюмку вина!

¹ Направить подорожников — наготовить, испечь лепешек в дорогу.

Она подаст, а ты ей скажи:
— Нет, две,— и одну ей поднеси.
Он так и сделал. Как покойник в гроб лег, он заорал:
— Мура! Подай рюмку вина! — Появился графинчик, вертится, а никого не видно. Солдат выпил.
— Мура! Выпей две сама. — Она выпила. Тогда солдат и говорит:
— Мура, пойдешь со мной?
— Пойду, пойду,— отвечает.
Вышли они из того колодца и пошли. Вот идут они, никого не видят. Догоняет их Ях (а его эта нечиста сила послала, этот покойник-то).
— Эй, солдат, куда Муру потащил? Отдай Муру!
— Никого не выйдет.
Нечиста сила говорит:
— Дай этому солдатушку раза.
Как его ударил этот Ях, он перевертышов несколько сделал. Тогда нечиста сила говорит:
— Давай менять Яха на Муру.
А Мура шепчет солдату: «Меняй, меняй». Сменил он Муру на Яха. Идет дальше. Смотрит — огромное дерево стоит:
— Яшка, дай-ка этому дереву раза.
Яшка как даст, дерево и сшиб.
«Хороша штука», — думает солдат. Идет дальше.
— Эх, Яша, была бы у нас Мура, она бы подала нам по рюмке вина.
А она:
— Здесь, барин, я.
Подает Яху. И солдату подает, а он:
— Мура, выпей две сама.
Мура выпила и говорит:
— Тридцать лет я у этого злодея работала, в христов день только по рюмочке и выпивала.
Идет солдат дальше. Ях у него и Мура у него. Выходит к реке. Садится покушать у реки.
— Мура, подай по рюмке вина нам с Яхом.
Графинчик вертится, они выпивают. Идет мимо корабль. Корабельщики смотрят: что такое? — человека нету, а графинчик вертится. Корабль делает оборот. Когда оборот сделали, капитан говорит солдату:
— Слушай, чо у тебя за штука это?
— Я вам могу показать.
— Ну, заходи на корабль.
Заходит солдат на корабль:
— Мура, подай корабельщикам по рюмке вина, а капитану корабля две.

Мура всех обнесла. Капитан корабля говорит:

— Давай менять Муру на трость.

— А какая трость у тебя?

— А вот выйдешь на чистое поле, острым концом ударишь — посыплется войско: кавалерия, артиллерия, пехота. Будут реветь: «На кого наступать?» Тупым концом ударишь — ничего не будет.

Мура шепчет солдату: «Меняй, меняй». Сменяли, значит.

Теперь корабль отвалил, пошел.

Идет солдат, трость у него и Ях.

— Эх,— говорит солдат,— была бы у нас Мура, сейчас бы подала по рюмке вина.

— Здесь, барин, я.

Подает она им по рюмке вина.

— Мура, пей две сама!

Заявляются в город, в столицу. Государю доложили, что солдат пришел. Вызывают его в синод:

— Ну, как, солдатик, сходил туда, не знай куда, принес то, не знай чо?

— Так точно!

— Покажи.

— Мура, подай всем по рюмке вина, но, глашатаю секлетарю не подавай. Всем, значит, она подала, а который зловерное предложение то сделал, секлетарь-то, его обнесла. Но, а тому же конфузно показалось. Он на солдата:

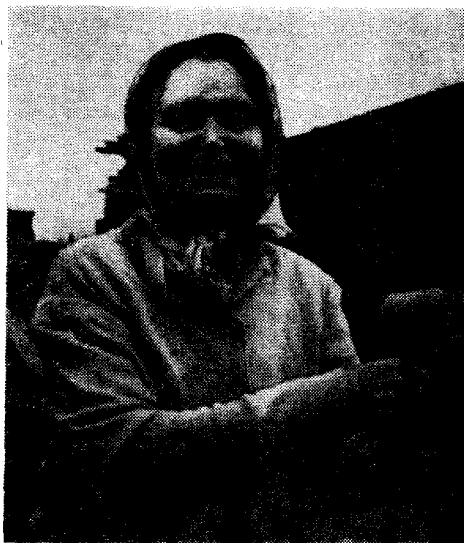
— Чо это ты так на государя на моего смотришь? Забрать его, расстрелять!

Солдатушка этот выскочил во двор, острым концом трости ткнул и посыпалось войско! Государь в этот момент белый флаг выкинул, заверение пошло.

Так и женился солдат на принцессе. И сейчас еще, однако, живут.

¹ Глашатый секлетарь — по мнению Коношанова, секретарь, который оглашает царские указы.

СКАЗКИ Р. Е. ШЕМЕТОВОЙ

— Кланься, Гланька, в ноги царю-батюшке!

Гланькина шея мгновенно сгибается, и все ее небольшое тело, невольно и ловко придавленное рукой матери, оказывается распростертым на полу в земном поклоне.

А через некоторое время Раиса Егоровна уже сама на коленях перед двенадцатилетней Дашей. И тогда светом робкого счастья вспыхивают глаза девочки, потому что сейчас она — дивно прекрасная принцесса и это за ней отправляется бесстрашный и благородный рыцарь в таинственное тридевятое царство...

И так всегда. Раиса Егоровна Шеметова (с. Обхой) энергичная и еще не старая (в момент записи сказок ей было пятьдесят шесть лет) обладает удивительным умением сделать присутствующих участниками сказочных историй не только словесно, но и организовать нужные их позы и действия.

Дочь замечательной верхнеленской сказочницы Натальи Осиповны Винокуровой, Шеметова во многом наследует традицию своей матери. То же чуткое внимание к глубоким человеческим переживаниям, стремление к бытовым подробностям свойствен-

но сказкам Шеметовой. Ее герои так же неизменно говорят друг другу «вы», дружеские любовные отношения связывают их между собой.

«В одном городе жили два брата... А у них — дочери-погодки: Маша и Анисьюшка. И так любили друг дружку сестренницы: одна без одной никуда. И одежду носили парную».

Просватали Машу за атамана разбойничьей шайки, уложили свадьбу. «А Маша и свадьбы не ждала бы, а так и уехала, улета бы с ним — шибко он ей приглянулся, прямо на сердце лег».

Но «знакомая старушка-колдунья», которая любила девушку за доброту, предупреждает о грозящей ей опасности:

— Дорогая красавица Маша, приостановитесь, зайдите в мою ветхлую коптелую избушку, не побрезгуйте. Я вам тайные слова скажу.

А утром, перед свадьбой, мать стучится к дочке:

— Машенька, вы чо так долго спите? Я вас двадцать лет не будила, извините, сегодня пришлось побудить.

И отец тут же:

— Машенька, ставьте. Сегодня уж приходится вас будить.

И даже избалованная и высокомерная Фрелина—«одна-разодна» купеческая дочь—так же неизменно вежлива: «Дорогой мой батюшка, выстройте мне дворец, чтоб я одна в нем жила, так как я мужского полку никак видеть не могу».

Однако это винокуровское направление в сказках Шеметовой—не просто внешнее заимствование, идущее от прекрасной памяти сказочницы. Думается, общность эта имеет более глубокие корни и объясняется большой внутренней близостью матери и дочери.

«Ты, Райка, у меня меньше всех, ты запомни все материны слова, а я это не сдержала»,—с грустью говорит Раиса Егоровна, забыв что-нибудь из рассказов матери.

Вместе с тем и несложившаяся личная жизнь Шеметовой в какой-то мере повторяет судьбу Винокуровой. Одиннадцатой своей дочери, родившейся в трудном 1910 году, Наталья Осиповна не могла дать образование. И Раиса Егоровна осталась на всю жизнь неграмотной. Неудачное замужество и тоже одиннадцать детей заставили Шеметову жить в нужде и хлопотах, но не убили в ней жизнелюбие и поэтичности. Человек удивительно доброй и ласковой души, очень чутка к людям, умеет видеть красивое и любоваться им. Наверное, потому в ее сказках и «короткие летние ночи», и море «без конца и края», и «дупленатый выгорелый пенек на лесной поляне», и «мешашная ночная дорога», по которой бежит не знающий страха солдат, и старый мужичок дуб «то вот та-ак вот до земли согнется, то выпрямится, в другую сторону пойдет и все охает, все стонет. Всю жизнь так маялся». Природе Шеметова уделяет, несомненно, большее внимание, чем Винокурова. Кстати, нужно сказать, что Шеметова вовсе не слепо следует винокуровской традиции. Она заметно усиливает бытовые детали и психологические переживания своих героев, по-своему разрабатывая те или иные моменты сказочного повествования.

В сказке «Мудрая жена» Н. О. Винокурова рассказывает о матери, оставшейся после смерти мужа с мальчишкой «лет пяти». «Вот она етова мальчишку как ни

бедно живет, старается изо всех сил доучивать его, чтоб он был человек». Когда подросток парнишка, упростила деверей взять его в ученье—«пуццай обмаштерит около вас»¹. Уплыл с ними Ванюшка и потерялся.

Примерно так же начинается повествование о «маме с сынником» и Шеметова («Колдовское зеркало»).

«Растит мама Ванюшку, учит, всячину терпит для его». Уплыл с дядями Ванюшка и «пропал без вести». Дальнейшее развитие сюжета и даже его детали у Шеметовой и Винокуровой почти совпадают. Но как меняется характер идентичных по своей фабульной структуре картин! У Винокуровой:

Получив тяжелое известие, «мать заплакала, домой пошла. Приходит домой, плачет, плачет. А погода немного и ане приплыли (Ваня с девушкой.—Е. Ш.)... А мать сидит, плачет; навалилась на акно, акно пало.—«Пусти нас пиреначевать»,—просятца у ей.—«Я не пускаю прахожих. У меня своего горя много».—«Да пусти же, мамаша. Я есть твой сын».—Мать пушише завывала. «То-то, сын едак ты ко мне и явился. Где шатался, туды и иди».—«Ну сделай милость, мама, пусти, нынче и чужих пускают».—«Ну, пади в старым флигеле ночуй, иде индюки да утки жили»².

От этого эпического тона у Шеметовой не остается и следа. Вся сцена материнского горя и последующая встреча с сыном исключительно динамична, темпераментна, зрима. Она прибежала домой, упала на окошко грудью, плачет, убивается: «Ой, один ты у меня был, зачем я тебя отпустила... Уж и вечерок настал. Смотрит: это чо же, будто мой Ванюшка идет? Вот ближе, ближе... Да и вправду—он! И каку-то девку ишо ведет...

«Где ж ты был? Пошто от дедей убежал? Жаниться-то не обробеу, а вот мать бросил...» Но отправив ночевать их «в зимовьюшку» к гусям, все-таки не выдержала: «Ужну имя принесла. Мать она мать и есь—чо уж...»

Целую гамму сложных и противоречивых, но психологически понятных чувств сумела показать Шеметова: и отчаяние, вы-

¹ М. Азадовский. Указ. соч., стр. 71.

² М. Азадовский. Указ. соч., стр. 73.

званное утратой, и радость встречи, и вспыхнувшую вдруг обиду, и, наконец, материнское всепрощение: «Ужну принесла... чо уж...»

В сказках Шеметовой, наследующей винокуровскую традицию, явно отразились остаточные явления психологии беднейшего сибирского крестьянства. Они проявились и в некоторых мотивах ее сказок, и в характерах героев. Ее неизменный «царь-батюшка» никогда не располагает несметными сокровищами, а по-крестьянски расчетлив и экономен. Он и построил бы мост через море в семь верст, да у него «средствох не хватает», а в сказке о царе Салтане совсем терзается от увиденной на острове роскоши: «Это чо же: как люди живут!»

Шеметовский царь не повелевает и не командует. Он и не думает «обыскивать» или «испытывать» солдата, зашедшего его «царскую личность посмотреть», как это бывает у других сказочников. Напротив, ее «царь-батюшка» искренне рад приходу «гостя». «Вот хорошо, соудатик, хорошо, что вы захотели мою личность посмотреть... Вот ладно... Вот вам, соудатик, за визит,— подает ему двадцать пять рублей,— за то, что захотели меня посмотреть...»

Как отличается это обращение царя с солдатом от дерягинского из односюжетной сказки. После обычного «обыскать и пропустить!» царь Дерягина дает ему строгое испытание: «Дак вот что, военный человек, я тебе три загадки загану. Отгадаешь— не пешком дальше пойдешь, а на лошадах поедешь, а не отгадаешь— еще пятнадцать годов будешь служить». Солдат думает: «леший меня толкнул... Не отгадаю— еще пятнадцать лет служить— терпеть мордобитие...»

Тот же отпечаток бедного крестьянского быта, нелепой женской доли лежит и на характере шеметовской принцессы. Собственно ее принцесса— совсем не принцесса, а бедная крестьянская девушка, привыкшая безропотно принимать свою горькую участь. Ей совсем не нравится ее нареченный, у которого «сопля чуть не до пояса висит», но тем не менее «берет она Климущу за руку, подводит к отцу: «Вот, дорогой мой

папаша, мой выборный жених...» Она его обмыла, одела, причесала...»

Подобные психологические и бытовые моменты настолько порой усиливаются Раисой Егоровной, что некоторые ее волшебные сказки в значительной степени утрачивают особенности традиционной поэтики и превращаются даже не в бытовую сказку, а скорее в бытовую или житейский рассказ. Особенно характерной в этом отношении является «Непросская ведьма». Лишь первое появление ведьмы по-сказочному «страшное»; она «зубами щелкает, глазами хлопает, волосищам трясет». Но на этом и кончается вся ее необыкновенность. А дальше оказывается, что живет она «за речушкой... в ельнике». Там «избеночка у ней, кругом всякие кулечки да мешочки с травами вешаются... она свой плошкот имеет и паромщика держит». Более того, в ходе дальнейшего повествования выясняется, что эта «Непросская ведьма»— даже и не всесильна. Это глупая и скаредная деревенская старуха, которая больше всего на свете бережет «большой-пребольшой сундук», где лежат у нее деньги.

И уже совсем житейски подаются другие персонажи сказки: «умный-разумный» Степа, «степенная девушка» Груня, которые учатся «в одной школе» и «между собой уважение оказывают», «рассудительный крестьянин Андрей Яковлевич— Грунин отец», «дедушка Артемий со внучкой Катей» и др. Их история разворачивается на мрачном фоне тревожного ожидания налета разбойничьей шайки: люди в деревне «каки-то тонные, печальные: Черный Ворон не слыхах». Вот появляется и он сам— красивый, страстный: взглянул на Груню— «так понравилась— из стакана бы ее выпил!»

Дикие жестокие нравы из прошлого стародавней сибирской деревни отражены в этом рассказе. Несколько сюжетных линий переплетаются в нем, каждый, даже проходной образ выписан психологически, каждый эпизод житейски мотивирован.

Так по-своему перерабатывает сказочную традицию верхнеленская сказочница Р. Е. Шеметова.

10. МИТЯ

одной деревушке жил крестьянин. Был у него мальчик лет десяти-одиннадцати, Митей звали. Ну, известно, ранешно время: ни попить, ни поесть, одеться нечем. Мужик с бабой спали на печке, и Митя с ними.

Вот как-то раз отец и говорит матери:

— Сами мы с тобой мучаемся живем, и Митюшка с нами измаялся. Однако его куда определим?

— Эй, Митя, пойдешь в город?

— Пойду, тятя.

На утро отец повел Митю. От села город недалеко был. А как к городу подходить — небольшой пустолесок (пусто место, нет домов).

Вышли на этот пустолесок, смотрят — человек навстречу идет.

— Здравствуй, дедка!

— Здравствуй, здравствуй, добрый человек.

— Куда мальчишку ведешь?

— Да вот хочу его определить куда-нибудь в ученики. Дома-то нужда давит.

— Давай, возьму я его. Вот сто рублей тебе за сына.

Ну, и увел его. А отец домой пошел да дорогой-то и сдумал: «Ой, кому же я отдал его?» Ничо не знат. (Как раньше народ беспонятный был.)

Однако сто рублей домой принес. Год прожили с бабой безбедно. Вот через год идет отец на то же место. Подходит на пустолесок — навстречу ему тот же человек.

— Вы за Митей идете? Вот по этой тропке пройдемте.

Пошел старик. Смотрит — стоит дом старый-престарый. Заходит в комнату, там три сестры сидят.

— Здравствуйте, дорогие красавицы.

— Здравствуй, дедушка.

Он посматривает — нигде Мити не видеть.

Девки тем временем на стол накрыли. Сели. Пьют, едят.

Вдруг ниоткуда Митя выбежал, сзади к отцу подошел да и шепчет:

— Оставь меня, тятя, еще на год, оставь меня.

И мужчина этот тоже говорит:

— Слушай, дедушка, Митю оставь мне еще на год.

— Ой, добрый человек, я хоть свожу его матери покажу.

— Нет, нет, оставить — так оставить мне его на год.

И Митя сзади:

— Оставь меня, оставь меня.

— Сейчас я тебе и двести рублей за него отдам на год.

— Ой, добрый человек, он не сработает на двести рублей. Я бы его к матери сводил, потом бы привел.

— Нет, нет, дедушка, оставить, дак оставляй.

А Митька одно:

— Оставь меня, оставь меня.

Ну, ладно сговорились. Чаю попили. Хозяин и говорит:

— Ну, дедушка, пойдем посмотрим, чо в год мне твой Митька сделал.

Пошли. Открыли на задний двор двери — полусажонок¹ дров стоит. Осинowych. Во-от такие тоненькие осиночки. Хозяин говорит:

— Вот что мне твой Митя в год срубил.

— Ой, добрый человек, я вам говорил! Чо же он ведь хиленький какой.

— Ничего, ничего, дедка, хорошо Митька сработал мне... Неси-ка, Митя, мне спички.

Митя принес спички. Этот хозяин спичку чиркнул и зажег этот полусажонок. У-ух! Осина распылалась, разгорелась! А старик и думает: «Это чо же мой Митька мало так сработал, а он еще и сжег их».

Вдруг этот хозяин подбегает, ра-аз! — Митьку в огонь! Боросил!

Дедушка как стоял, так и окаменел: это чо такое — Митьку моего сожег.

Вдруг видит: в огне вот запурхал, залетал голубочек, вылетел из огня.

¹ Полусажонок (дров) — половина сажени.

К сказке Д. А. Коношанова
«Боба Королевич»

— Митя, голубчик, пошла, пошла над Митю, ударила по плечу —
скажи Митюшке. Ой, отец схватил его.

— Ты это чо, Митя?

— Ничо, тятя, ничо.

А голуби старику наказывают:

— Голубо, вы дитям старухе ничего не говорите.

— Но, ладно, не скажу.

Попрошавши, пошел домой. Митька опять остался на год.

Мать идет. Ой, скоро отец Митьку приведет. Ну, как же, как и всяка
мать — род парня не видела.

Подошел старик:

— А где Митя?

— Ой, я его еще на год оставил.

— Ах ты, такой-сякой, привел бы, я посмотрела его. Потом бы увел.

— Ну вот, нельзя никак. Не отдали мне его. И Митя сам захотел
там остаться.

Вот опять живут. И этот годок еще лучше прожился. Доходит второй
год.

— Ну, иди, мужик, да не оставяй больше его. Завтра же веди ко
мне его.

Поехал мужик, и опять ему на пустошасье понавает этот человек.

— Ну, дедушка, теперь вы знаете, где я живу. Вы идите, я и нела-
зко схожу.

Ну ладно, пришел старик — сидят эти девичьи, все три сестрицы.

Младшая и говорит:

— Ой, девки, скажемте дедке дедушке.

А они:

— Нельзя, папка заругается.

Вот они опять сидят, она снова:

— Ой, девки, скажемте, мне дедушку жа-а-ако.

А старшая сестра:

— Нельзя, папка заругается.

Старик видит, что хотят они что-то ему сказать. Подходит к ним:

— Ой, дорогие красавицы, чо вы хотите мне сказать?

— Нет, дедушка, ничо.

— Нет, красавицы, чо-то вы знаете.

Старшая сестра и говорит:

— Знаешь, дедушка, чо? Вот мы скажем. Наш папка не хочет Митю
отдавать.

— Почему?

— Да вот не хочет. Митя твой папке шубко поправился.

— А как я его теперь возьму?

— Вот, сейчас наш папка придет и скажет тебе: «Ну, дедка, после тебя Митя как голубком сделался, я и сам теперь не знаю, какой он». А у нашего папки триста шестьдесят голубков. Эти голубки — триста шестьдесят — все мальчишки. Они учатся у папки. Наш папка страшный волшебник. И вот из всех Митя лучше всех ему понравился.

— А как я, дороги красавицы, теперь его узнаю?

— А вот сейчас он придет, тебя обедом угостит и скажет: «Ну, дедка, выбирай. Твой Митя сделался голубком, и я сам не знаю, какой он». Откроют тебе сарай, вылетят все голубы. А твоего Митю сделает худым голубком, замаранным. Он после всех вылетит, через порог упадет. Вот ты, дедушка, его и имай. Только на нас не скаживай.

Ну, ладно, приходит хозяин. Накрыли обед.

— Чо, дедушка, за Митей пришел?

— Да, да, по Митю я пришел.

— Так вот, дедушка, после тебя он голубком сделался. А у меня голубей много, я не знаю, который он. Ты если хотишь, выбирай своего Митю.

Открыл дверь сарая: о-о-о, сколько голубков вылетело! Все ворку-ют, все летают, все клюют.

— Вот, выбирай любого.

А сзади всех ху-у-денький выполз. Обмаранный весь.

Вот этот дедушка ходил, ходил, ходил:

— Какого же я выберу?

Подошел к этому худенькому:

— А-а-а, от добра добро и родится.

Взял его и:

— До свиданья, добрый человек.

Даже не спросил, как из него человека сделать. Убежал.

Бежит, бежит, добегают до пустописа и думает: «Чо же я сделал. Я его старухе так голубком и притащу. Мне старуха-то чо скажет?»

Вдруг — фр-р-р! — голубок из-под пазухи вылетел и улетел неизвестно куда.

Старик думат: «Чо я теперь делать буду?» Стоит и плачет: ни голубка, ни Митьки.

Вдруг прилетел голубок и стал над ним кружить. Кружал, кружал, об пол ударился, стал Митькой и говорит:

— Эх ты, отец, отец. Даром что до старости дожил, а все ума у тебя нет. Вот хорошо, что я до всего сам дошел. А то мог бы век голубком летать.

Пришли домой. Мать обрадовалась, а Митька за эти два года стал уж на паренка выглядывать.

Мать встретила и чаек приладила и всё: ой, Митя пришел!

День, два дома прожил, на третий говорит:

— Папка, дома сидеть хорошо, но надо что-то работать. Пойдем в город сходим.

Пошли они в город. Как раз по этому пустоплеску идут. Такой безрезничек на этом пустоплесье. Ворона кричит: «Кар-р, кар-р!» — Митька на нее взглянул, захохотал.

Отец и говорит:

— А ты, Митя, чо над вороной хохочешь?

— Да просто так, отец.

Подошли маленько, втора каркат. Митька пуще расхохотался.

— Ой, — говорит отец, — ты, Митя, по-вороньи знаешь?

Ну вот привязался, привязался!

— Чо первая ворона говорила?

— Да так просто, отец.

— Нет, Митя, скажи.

— Первая ворона говорила: «Ты, Митя, будешь царем, ты будешь царем». Правда, чо ли, это? Я разве могу царем быть?

— А вторая, Митя, чо говорила ворона?

— А вторая ворона говорила: «Ты, Митя, будешь ноги мыть, а отец эту воду пить». Ведь неправда это, папка, будет.

Потом Митя говорит:

— Знаешь, отец, сейчас я перекувырнусь, сделаюсь красивым жеребцом. Веди меня на базар, вставай в ряд, где лошадей продают. Проси за меня сто рублей, только без узды. С уздой не продавай меня.

А тому волшебнику надо обязательно Митю перехватить себе.

Вот этот старик пришел, поставил Митю в ряды, где лошадей продают. Красивый такой жеребец стоит.

Идет этот колдун:

— Ну, как, дедка, продажна лошадь? Сколь стоит?

— Сто рублей.

— Возьми, дедушка, двести с уздой.

— Нет-нет, добрый человек. Сто без узды.

Этот мужик берет коня, сто рублей подает и повел его.

А Митька отцу наказывал: «Ты, отец, как домой пойдешь, так жди меня на пустоплеске».

Вот старик сто рублей в карман положил, пошел на этот пустоплесок, сидит. Вот через несколько время видит — Митька бежит.

— Ну, чо, отец, сто рублей заработали? (а знаешь ранешны сто рублей?) Пошли домой, только матери ничо не говори.

Назавтра Митя говорит:

— Еще, отец, пойдем в город. Еще краше конем сделаюсь. Только сегодня, отец, ты проси двести рублей без узды...

Пришли в город. Поставил отец Митьку в торговый ряд.

— Продажный конь? — спрашивает какой-то человек.

— Продажный, добрый человек.

— Сколь стоит?

— Двести рублей без узды.

— Отдай с уздой.

— Нет, без узды.

Взял его этот человек за шелкову повязку, повел. Отец тоже домой пошел.

Доходит до того же места — опять Митька бежит.

Назавтра Митя говорит отцу:

— А сегодня ты не на что не самушайся. Проси триста рублей без узды только.

Повел его отец на базар. Ниоткуда взялся кабачок на пустоплезье. И кум на крыльце. Приглашает заходить.

— Ты откуль, кум, взялся?

— А ты заходи.

Оставил он коня (Митьку-то), а сам зашел. Подносит ему кум винца. Выпил он. Потом еще, еще. А конь-то лапой уж в окно бьет. Отец ничего не понимает, стоит качается. Пьяный — препьяный.

— Ах ты такой-сякой, сегодня я продам с уздой тебя! — так он опьянел донельзя. Вышел из кабачка, повел Митьку на базар. Стал там в ряд, стоит качается, пьяным-препьяным.

Подходит этот хозяин:

— Ну что, дедка, продажный твой жеребец?

— Продажный, добрый человек.

— Сколь стоит-то?

— Триста рублей.

— С уздой, нет?

— Без узды.

— Но, дедка, возьми четыреста с уздой!

Стоял-стоял, просил-просил. Продал старик Митьку с уздой.

Продал да и отрезвился сразу. Побежал на пустоплезок, ждет там, ждет Митьку, нет Митьки.

Вот уж и вечер, и темно, пошел отец домой. Мать спрашивает:

— А Митька где?

— В городе остался.

Назавтра старик опять пошел на пустоплезок. Сидел, сидел — нету.

Напослезавтра — нету Митьки.

А этот хозяин привел Митьку домой:

— А-а! ты боле меня стал понимать! Сколь я из-за тебя денег истратил?

И привязал его в этот же сарай, где голуби сидели, ногам за цепи и головой вниз, а под головой костер разложил. Вот огонь шант¹ под Митькой. А Митька весится (он его конем так и привязал).

Вот и день, и два, и три Митька весится. А хозяин придет, сырых дров подложит, он и гореть не горит, а шант и шант. И не поит его, не кормит этого Митьку.

Вот одно время хозяин куды-то уехал. А сестры ходили по бережку гуляли, мала сестра и говорит:

— Девки, зайдемте в сарай, посмотримте Митьку.

Открыли они сарай, а у Митьки вся спина сгорела, потрескалась. А он только зубам хлопат — пить у них просит. Ох, как жалко стало его, а эта же опять младша и говорит:

— Девки, давайте сводимте его на речку, попоим его. А потом мы его снова повесим. (Чо, они ведь тоже таки же волшебницы).

А старша сестра и говорит:

— А как папка придет — мы чо тогда будем делать?

— Но да мы успеем еще.

Вот они ему цепи отстегнули. Он на ногах не может стоять — качается, спина у него вся сгорелая. Двое его держат, одна за повод ведет. Речка недалеко. Вот он то попьет, то на них посмотрит, то попьет, то посмотрит. Так он на них смотрел-смотрел, все силы набирал, да как вырвется, сделался карасем и по вдоль этой реки поплыл.

Девки испугались:

— Ой, теперь нас папка-то убьет. Ох-ти мнешеньки!

Ниоткуль тут взялся отец. Ему тут некогда с ними упражняться. Он сделался окунем и за ним поплыл. Окунь и карась плывут. Карась вперед, окунь — за ним. Так приплыли они в чужой город. А в этом городе была царевна именинница.

Ей именины готовили, а она с нянюшкам да с мамушкам гуляла, по берегу ходила. И вот на мосточек зашла, платочек свой в речку опустила — делать ей нечего было: так и этак делает его в речке. Вдруг видит: такой суперик-кольцо лежит на нем, ой, все вставочки горят! Она схватила его, надела: «Ой, какой мне сегодня подарочек на день рождения пришел». Вот он ей и впору, и краше нет этого кольца. Прибегает она домой:

— Ой, папочка с мамочкой, какой мне сегодня суперик на именины приплыл! Горит, блестит всяким разным огонькам!

Собрались гости. Царевна эта бегат, всех угощает, с этим супериком не знат, куда деваться от радости.

Угостились гости, пошли танцы.

¹ Шант — тлеть

А этот окунь сделался человеком и стал к ним под окно. И на скрипке играет (знаете эти ранешны скрипки).

Всем так музыка его понравилась: «Вот пригласить бы нам его», — думают.

Сам царь он, конечно, не пойдет, послали лакея, привели музыканта. Сидит он, играет.

Надо уж на покой всем итти. Царь подходит к музыканту и говорит:

— Ну, сколь уплатить вам за вечер?

— Ваша дочь нашла сегодня в реке суперик. Вы мне его отдайте, больше мне ничо не надо.

— Ну, Леночка, отдайте ему суперик за то, что он у нас сегодня играл.

А царевна никак не хочет:

— Пусть он все царство твое забирает, а это кольцо я ни за что не отдам!

Подбегает к зеркалу, свои волосы подлаживает, на суперик свой любит, никак не отдает.

И отец, и мать подходит:

— Отдайте, Леночка, пожалуйста, а то я сейчас вам сострою тут не знаю чо.

Вдруг слышит — колечко ей что-то шепчет. Она приложила ухо и слышит:

— Дорогая красавица, не отдавайте меня. Меня спасете и сами спасетесь. Сними меня с руки, выйди посередь зала, брось его и переговори: «На ты, нечистая сила, это кольцо. Чтоб оно ни тебе и ни мне не досталось». А я на маленькие звеньшки разобьюсь. Одна только вставочка середошна к твоему туфельку подкатится. Ты остороженько прижми ее ногой.

Царевна так и сделала. Вышла на середку зала:

— На, говорит, — нечистая сила, чтоб ни тебе и ни мне, — бросила кольцо. Оно все по полу разлетелось, только вставочка подкатилась к ее ноге, она ее осторожно туфельком и прикрыла.

Этот мужик сделался тут петухом и давай — тук, тук, тук...

Ой, гости все испугались. А он все клюет, клюет, все смотрит да смотрит — где бы какая вставочка или бисарек не остался. Клевал, клевал, встряхнулся, по сторонам смотрит. Тут царевна ногу подняла — у ней изпод каблучка вылетел сокол. И с петухом давай драться. Дрались, дрались — гости кто на диваны, кто под стулья, все испугались. Наконец, этот сокол петуха победил — всего исклевал. Ударился об пол и сделался мольцом Митькой и говорит:

— Дорогие гости, не пугайтесь, я вам все сейчас расскажу. Только дайте мне прежде сжегчи этого петуха, а потом я с вами побеседую.

Сожег он его и все им подробно рассказал. Тогда царевна и говорит:
— Вот вы теперь мой нареченный муж будете.

А царь и рад:

— У меня наследников не было, а теперь вы будете. Вот моя корона вам, а я буду дедушкой.

Принял Митя царство, но говорит, что прежде он должен съездить домой. Там, мол, у него невеста есть (это младшая-то дочь колдуна). «Если она от меня откажется,— говорит,— тогда я на вас поженюсь».

Поехал и царевна вместе с ним. Приехал в деревню, где отец его жил (а было жарко), и он решил ноги помыть. Помыл, а таз этот запихали под кровать. Попили, поели хорошо. Отец сильно пьяный был, с пьянки и напился из этого таза. Вот ворона-то правду и сказала! Митя будет ноги мыть, а отец воду пить.

Ну, ладно, поехал он к волшебнику. Там все три сестры живы-здоровы. Он маленьку сестренку взял с собой в то царство.

Приехали и стали свадьбу готовить — венчаться с этой девушкой. Тогда царевна взяла и ее ночью отравила. Похоронили девушку, а с царевой он повенчался.

11. ПРОТУПЕЙ ПРАПОРЩИК

Вот в одной деревне мобилизовали молодых новобранцев. Были там такие два товарища. Такие дружные — один без другого никуда. Один и говорит другому:

— Если тебе повесточка будет, а мне нет, я пойду в добровольцы.

Так и было. Одному принесли повестку, а другому нет. Он взял да сам добровольцем ушел.

Куда-то пригнали их в казарму. Один-то побойчее был, спрашивает:

— Какой царь у вас, милосливый или какой?

А офицер и отвечает:

— Ишь, какой ты невежа: не служил еще, а до царя добираешься.

А второй стоит и говорит:

— Он у нас раньше был жалостливый, милосливый, амисию делал. Теперь царь злой стал. У него потерялась дочь, и все ее ищут. Царь солдат не жалет. Полкам теряются.

Этот допризывничек и говорит:

— Доложите царю: я помогу ему дочь найти.

— Ишь ты, невежа, не служил, а до царя добираешься!

Однако доложили царю. Царь приехал, спрашивают:

— Кто тут такой находится мою дочь отыскать?

— Я, ваше царско величество.

Садит царь его в коляску, везет к себе.

— Вот отдыхай и говори, как мою дочь искать будешь?

Он и отвечает:

— Три дня мне думать надо. Три дня подумаю, потом скажу.

Допризывник думат. Прошло два дня. На третий идет к царю и говорит:

— Царь-батюшка, я сдумал, каким путем ехать, как твою дочь искать. Ладь корабль, гребцов, лоцманов давай.

Вот ему корабль изладили. Лакея дали, чтоб сапоги, брюки чистил. Все готово. Царь говорит этому солдату:

— Мне рядовым солдатом тебя неудобно отправлять. Надо каку-то отлику тебе дать.

И дал он ему одежду такую — протупею прапорщика.

Протупей и спрашивает:

— Вот найду я вашу дочь. А чем я смогу ее удостоверить, что я ваш посланный?

Царь снимает с руки кольцо именно:

— Моя дочь его узнат. Наденьте на руку.

— Я не достоин.

— Да наденьте же, прошу вас.

— Нет, не достоин.

Завернул его в платочек и положил в боковой карман.

Плывут год, другой, все плывут.

Эти лоцмана говорят:

— Ребята, это мы поросенка плавим, а он поляживат.

Вот в одно время на третий год вышел Протупей Прапорщик на палубу, навел подозрную трубу на все четыре стороны.

— Ну, ребята, наш боров вышел на палубу. Чо-то будет.

А кругом море, ни конца, ни края. Одна птица летат.

— Остановливай корабль, — говорит Протупей Прапорщик. — Здесь я по подозрной трубе вижу берег. Давайте лодку. Трофимов и Савинов, третий я — поедем на берег.

Приплыли они на берег. Лес непроходимый, птица лес давит, никто ее не стрелят. Протупей Прапорщик с ружьем.

— Ого, тропочка. Кто-то по ней ходит.

Идут дальше по этой тропочке. Смотрят — стоит колодец.

— Давай-ка, Савинов, опусти бадью. Посмотрим воду: прозрачна ли, нет?

Вытащили бадью. Посмотрел Протупей Прапорщик воду:

— Вот, ребята, кто-то воду здесь берет.

Идут по тропке дальше. Стоит изба стара-престара. Стоит посередь избы один стол и чан.

— Вот здесь мы ночуем и суп сварим,— говорит Протупей Прапорщик.

Трофимов стал птицу теребить, складывать в чан. Сварили, поужинали.

— Ну, ребята, мы здесь и ночуем.

Трофимов и Савинов рядышком легли. Протупей Прапорщик нарозь от них.

Утром Протупей Прапорщик говорит:

— Ты, Савинов, оставайся здесь, суп вари. А мы с Трофимовым пойдем по лесу побродим.

Походили, птицы настреляли. А у Савинова уж обед готов.

Вдруг заходит в избу немал-человек, глаза по кружке. У Савинова со страха язык окалел во рту.

— Угостишь меня?

— Не-ет, Протупея бо-оюсь.

— Ах ты! У меня в избе ночевал, суп сварил да мне же и не даешь!

Схватил, набил его, суп съел, ушел.

Савинов снова варит.

Только суп закипел, заходит Протупей с Савиновым.

— Готов обед?

— Го-отов. (А он еще не доварился.)

Стал Протупей есть.

— Что же ты, суп не мог сварить? Он же у тебя сырой!

Назавтра говорит:

— Сегодня ты, Трофимов, оставайся, а то он опять супа не сварит.

Ушли Протупей Прапорщик с Савиновым.

Трофимов суп сварил, опять приходит к нему немал-человек.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте.

— Угостишь меня супом?

— Не-ет, Протупей заругается.

Схватил опять сатаило¹ палку, отлупил его, суп выхлебал, ушел немал-человек.

Пришел Протупей Прапорщик и опять так же:

— Что же вы делаете? Не можете супа сварить!

Назавтра говорит:

— Сегодня вы идите. Я один останусь.

Вот Протупей Прапорщик сам суп варит, ходит-похаживает по избе.

Вдруг заходит немал-человек.

— Здравствуй, Протупей Прапорщик!

¹ С а т а и л о — с а т а н а.

- Здравствуй, здравствуй, добрый человек.
- Вы меня супом угостите?
- Сколь хогийшь.
- У вас поди и выпить есть?
- Мы заезжие — где у нас?

Немал-человек так поколотил под столом — две бутылки показались. Этот сатаило влил две бутылки в себя. Опять поколотил — еще две бутылки стоят. Опять влил. И еще так же. Это уже шесть будет. Он опять поколотил, опять влил в себя. Двенадцать бутылок влил в себя, сидит — качается. Упал, захрапел — аж изба дрожит.

Протупей Прапорщик взял шашку, разрубил его напополам да еще напополам. Пошарил в его кармашке, нашел три золотых ключа, стал ходить, шарить по стенам. Тут постукат, тут... Вдруг известка отколупнулась — ключ в дырку. Открыл — смотрит — комната. Вина в комнатухе — хоть сколь. Не интересуется его эта водка. Так же нащупал, открыл другу дверь — там деньги. Хоть каравль нагружай! Не надо ему и денег. Третью дверь. Открыл — сидит царевна на золотой цепи, на золотом ковре.

Он снял ее с золотой цепи. Она кинулась ему на шею:

— Вот вы будете теперь мой нареченный жених, раз вы меня отыскали.

И давай он по этой комнате ходить, все алмазы и дорогие бирлянты в мешечек складывать. А в это время его товарищи пришли и шумят:

— Ого, паря, война была. Этот тут зарубленный, а Протупей Прапорщика, наверное, он съел.

Царевна услышала, что они так громко заговорили, имеется за Протупея:

— Ой, сатаило пришел. Сейчас он вас съест.

— Нет, не беспокойтесь. Это мои товарищи пришли.

Тут дал он ей папкино кольцо, а она ему суперик со своего пальца сняла. Он думат: «Изломаю я еще такой любезный суперик». Взял да и на окошко его положил. Потом взял царевну за руку и вывел из этой комнаты. Товарищи смотрят: как есть живой Протупей и еще с царевной.

Пошли все на коравль. Протупей Прапорщик повел под ручку царевну, а Савинов с Трофимовым понесли вещи.

Подходят к берегу, к лодке, а лоцман смотрит:

— Ой, ребята, Протупей Прапорщик идет и царевну ведет.

Выбросили флаги, забили на коравле барабаны, посадили царевну в лодочку, поехали.

Немного от берега отплыли — Протупей хватился: кольца-то нет на руке.

— Ой, Маша или Даша, у меня кольца-то нет вашего.

Она его уговариват:

— Да неужели в нашем царстве кольца для вас не найдется?

— Нет, нет, нет. Я сейчас ворочусь. Это кольцо возьму и приду к вам. Оставили царевну на корабле, а Протупей с Савиновым и Трофимовым поехали обратно.

Когда они скрылись из виду, капитан и говорит царевне:

— Вот будь ты моя жена. И говори царю, что мы тебя отыскали, а не Протупей. А ежели так не скажешь, то мы тебя бросим в море.

А в это время Протупей Прапорщик приплыл к берегу, сбегал за кольцом, сел в лодку, а корабль-то уж уплыл. Протупей говорит:

— Гребите сильнее, мы его будем догонять.

Отплыли уж далеко от берега, поднялась большая буря, лодку их перевернуло. Савинов и Трофимов утонули насмерть. Волны как заходили большие — Протупея Прапорщика выбросило на берег.

Долго ли, коротко ли он лежал. Очнулся — нет ни товарищей, ни лодки, никого. Остался, думат, здесь один пропадать.

Он и посидел, и походил, пошел в ту избу, переночевал. Пойду, думат, докуль мои ноги донесут.

Вот идет день, идет другой, идет третий — уже слабей и слабей стает. Подойдет, подойдет — упадет, подойдет, подойдет — упадет. Полежит немножко, ветром его обдует — силы наберет, опять немножко подойдет.

Прошел еще немного — упал. «Но вот здесь моя и смерть будет, больше мне не встать», — думат. Тут погодка сделалась, тучки надошли, дождичек запорошил — опять немного освежился. «Ну еще маленько подойду». Опять все силы собрал, опять подошел. Упал — ну больше никак, двигаться даже не может — лежит. Лежит Протупей Прапорщик — только дыхание у него ходит — больше ничего.

Вдруг подбегает к нему мальчик. Лет пятнадцати. Так прекрасно одетый: на нем формочка военная, фуражка с гогардочкой сидит. Подбегат и говорит:

— Здравствуй, Протупей Прапорщик!

— Здравствуйте, — открыл глаза Протупей Прапорщик.

— Не мог же ты, Протупей Прапорщик, дойти вот сажень пятнадцать. Здесь мой дворец. Я бы тебя поддержал.

Подымат его:

— Как-нибудь я вас доведу до своего дома, и там я вас подправлю. Но Протупей Прапорщик никак двигаться не может.

Этот мальчик побежал домой, притащил ему рюмочку винца и кусочек хлеба. Протупей Прапорщик выпил винца, может быть, грамм двадцать или пятьдесят и говорит:

— Ты мне мало принес.

— Больше тебе нельзя сейчас есть, а то ты помрешь. Через некоторое время я тебе опять принесу.

Он вскоре опять сбегал, принес. Опять рюмочку винца и побольше кусочек хлеба. Протупей Прапорщик съел. Принес водички ему, водичкой попоил. Вот он его три раза, как положено, по часам покормил, Протупей Прапорщик и сел.

— Вот теперь, может быть, я дойду до тебя.

Этот мальчик его где поддерживает, где отдохнут, где как — дошли до дворца. Протупей Прапорщик смотрит: ах, какой же красивый дворец у него! Спрашивает:

— А вы одни ли чо ли здесь живете?

— Нет, у меня хозяин есть, мой папаша. Он каждый день у меня на работу уезжает.

Вот вечером тройка коней забегает во двор. Из кареты вылезает хозяин.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, Протупей Прапорщик. Ну как, останешься у меня с годок пожить? И веселее мальчику гулять будет.

— Куда мне деваться? Буду жить у вас,—Протупей Прапорщик говорит.

— Так вот что я вам накажу: гуляйте в саду, во дворце, где хотите, только не заглядывайте в большой старый сарай. И в подвал, Протупей Прапорщик, тоже не ходи.

— Хорошо.

Ну поразговаривал хозяин еще немного с ним и уехал. Протупей Прапорщик остались с мальчиком двое.

Выпивают и закусывают и все, чо хотишь.

Одно время (там, может, два ли, три года он прожил) и думат: «Чо же, какой я есть солдат? Дай я схожу в сарай к нему посмотрю». Пошел. Дверь-то приоткрыл: ой, в этом сарае чертей! С рогам и без рог, с хвостам и без хвостов — вот как лапша в котле. О-ой! Закрыл успел. «Ого, где я живу, в каком месте,—Протупей Прапорщик думат.—Ну, дай же я скорей сбегая и в подвал к нему». В подвал заглянул. В этом в подвале стоят три богатырских коня. В золотых цепях, золотые уздечки на них. Увидели Протупея, забили копытам, удилам забрякали. Успел опять закрыть. «Тут,—думат,—ценность сидит».

Вдруг этот мальчик откуль-то прибежал:

— Эй, Протупей Прапорщик, все-таки ты нарушил наш порядок. Зачем ты в сарай сходил? Зачем ты в подвал сходил к нам?

Он говорит:

— А какой же я есть мужик-солдат, если бы я не заглянул, како у вас хозяйство есть?

— Вот сейчас мой хозяин приедет да рассчитает тебя.

— Ну, пусть рассчитает.

Тут ниоткуда взялся хозяин и говорит:

— Все-таки ты, Протупей Прапорщик, нарушил мой порядок. Я сейчас тебя рассчитаю.

— Пожалуйста.

— Неси-ка, Ваня, старую шашку (там в моей комнате за дверью).

Он ему шашку принес. Вся шашка заржавленная.

— Веди-ка, Ваня, одного богатырского коня.

Привел.

— Сядь-ка,— хозяин говорит,— я посмотрю, сможешь ли ты на нем ехать.

Протупей Прапорщик заскочил на богатырского коня, как век на богатырском коне ездил, взял шашку.

— Давай-ка заверни в эту чашу да разведи шашкой — я посмотрю, что у тебя будет,— хозяин говорит.

Протупей заехал в чашу, развел шашкой — ох ты! — лес только скосил.

— Неси-ка, Ваня,— еще хозяин приказывает,— в моем костюме кошелечек.

Ваня ему принес из спальни мешочек кожаный. Он такой некрасивый. И в нем одна-а копейка.

— Ну что же вы меня с этой копеечкой-то отправляете?

— Тебе и этой копеечки хватит. Это кошелек-самотрус. Ты потрясешь — сколь хочешь тебе денег будет. Теперь слушай, я тебе накажу, как на моем коне ехать: мой конь не боится ни воды, ни огня, дорогу он знает. Ты вперед своей любушки-царевны будешь в городе. А еще я тебе переняду одежду. Не будь ты Протупеем Прапорщиком, а будь ты полковником.

И надел ему полковничий костюм. (А кольцо именное царевнено он хранит).

Вот теперь он уж полковник, а не Протупей Прапорщик.

Поехал этот полковник в город. Едет-едет, ни день, ни ночь коню ни есть, ни пить и дороги не казать.

Подъезжает к этому же городу, из которого он уехал, стает в гостиницу, берет номер. Спрашивает:

— Что нового, что хорошего в вашем городе?

— Ой, в нашем городе эти дни такая стоит суматоха — царевну ожидают. Сегодня ли, завтра должна она въехать, и вот город весь флагами убрали.

Этот полковник заказывает себе на тридцать тысяч обед в гостинице. Ну все тут официантки, рабы:

— Это что, вы на тридцать тысяч будете готовить?

А полковник вывеску повесил: царя с царицей приглашает на обед.

Царь с царицей заехали, он их поугощал. Они рассказали, что у них дочь нашлась, приезжает, просят и его к ним в гости.

Встретили царь с царицей дочь, расспрашивают ее обо всем. А лоцмана перебивают, говорят:

— Ой-ой, Протупей-то три месяца пробыл и убежал от нас.

Ну решил выдавать ее замуж за капитана. А царевна все время боится об Протупее Прапорщике.

Однако сготовили свадьбу, вот сегодня уже к венцу. Приехали гости и полковник тут же. Царевна грустная сидит и говорит:

— Дорогой мой папаша, разрешите мне из своих рук каждого гостя обнести.

— Да что вы, Дашенька, разве у меня и слуг нету?

— Нет, хочется мне из своих рук.

— Ну, пожалуйста, раз хотите.

Вот она ходит, всем подносит и говорит:

— Выкушайте стакан водки и проглотите¹ за погибшего Протупея Прапорщика.

А капитан-то сидит так, осердился, не в себе такой, мол, зачем ты тут его поминаешь. Лоцман тоже брови нахмурил сидит. А у ней так сердце болит об нем. Отец же думает: «Откуда она знает Протупея Прапорщика, раз через три месяца сбежал от них?»

А царевна угощает всех и дошла до полковника. Подает ему стакан, а сама так внимательно взглянула на суперик. Стакан поставила, берет его за руку, подводит к отцу и говорит:

— Вот мой Протупей Прапорщик.

Тут все честным путем да за свадьбу, а капитана этого расстреляли.

12. ПАРФИЛУШКА

В одной деревне жил старик со старухой. Старик Парфилушка выпить любил-любил. Он шьет чирки, где гривенник заработает, где пятнадцать копеек, старуха ему попрядет — так и жили они.

Вот одно время он копеек сорок заработал, да у старухи на божничке копеек тридцать было. Взял эти деньги и побежал в город. Тогда в городе кабаки были. Забегает в один кабачок.

— Эх, товарищ саловальник,¹ подай шкаличек.

Саловальник шкаличек подал.

¹ Проглотить — провозгласить.

² Саловальник — целовальник.

Парфилушка подает ему двадцать копеек. Саловальник дает гривенник, а Парфилушка:

— Ах, товарищ саловальник, не надо сдачи, а я обратно забегу и выпью еще у тебя.

Опять в другой кабачок забегает. Опять берет шкаличек и подает двадцать копеек.

— А в обратный путь, товарищ саловальник, я еще забегу у тебя выпью.

Также и в третий кабачок он забегает и здесь шкаличек взял и на обратный путь опять оставил десять копеек.

Вот куда надо сбегал этот Парфил пьяненький. Бежит по городу. А на нем всегда худенькая шапчонка сидела. Видит — едет поп на фаэтончике. Парфила все знали. Поп и говорит:

— Садись, Парфил, я тебя подвезу.

Парфил сел, едут они. Подъезжают к кабаку, Парфил говорит:

— Стыд сказать, грех утаить: мне, батюшка, надо в кабачок зайти.

— Ну и я с тобой.

Парфил забегает:

— Товарищ саловальник, дайте-ка шкаличек мне.

И батюшка шкалик берет. Они выпили по шкаличку. Батюшка заплатил денежки. Парфил шапчонку снял:

— В ращете, товарищ саловальник?

— В ращете.

Подъезжает ко второму кабачку.

— Ах, батюшка, стыд сказать, грех утаить: завернуть надо мне сюда.

— Ну и я с тобой, Парфил.

Берет Парфил шкаличек, батюшка тоже. Выпили по шкаличку. Батюшка уплатил. Парфил:

— Ну чо, товарищ саловальник, в ращете?

— В ращете.

Батюшка думат: «чо тако — там в ращете, здесь в ращете», — но ничего не сказал. Едут дальше. Подъезжают к последнему кабачку.

— Ах, батюшка, еще завернуть надо в кабачок-то.

Завернули в третий кобачок. Парфил берет шкаличек и батюшка тоже. Выпили они. Батюшка ращитался. Парфил опять:

— В ращете?

— В ращете.

Батюшка смотрит: чо такое — в третьем кабачке Парфил шапчонкой тряхнет — и «в ращете».

Батюшка и спрашивает:

— Парфил, почему мы с тобой в трех кабачках были, — я платил, а ты нет? Шапчонкой потрясешь — и в ращете.

— Эх, батюшка, батюшка, ты не гляди, что она у меня худенькая. Вся жизнь у меня в шапке — волшебная она.

Подъезжают к батюшке:

— Парфил, заедем ко мне пообедать.

Заехали. Матушка обед подала (а у попов глаза завидуши). Тут он бутылочку поставил. Они выпили. Он и начал говорить:

— Парфил, продай шапку нам.

— Как же остальный кусок¹ хочишь от меня отобрать? Я ей и живу только.

Они еще выпили. Согласился Парфил все же продать попу шапку. Побежал батюшка с этой шапкой к причетнику и к дьякону и говорит:

— Давайте купим артемом ее и будем поденно держать.

Они уплатили Парфилу сто рублей. Поп и говорит:

— Завтра, ребята, я в магазин поеду в этой шапке.

Назавтра батюшка запряг свой фаэтончик, надел худеньку Парфилову шапчонку, поехал.

Заходит в магазин. Все-таки город, попа все знают. Ну он продавцам: «Подайте то, подайте это». Наклали, навывтаскивали ему, тогда он махнул шапчонкой:

— Ну, товарищ продавец, в ращете!

— Да ты что, батюшка, на такую сумму набрал, да и шапкой только трясешь?!

Ну и налупили и отправили батюшку.

Прибегат вечером дьякон:

— Ну как, батюшка, набрал?

— Полный фаэтон набрал! — А сам думат: «Пусть и тебя отлупят». Также и дьякон тряс, тряс — отлупили его.

Дьякон думат: «Ну и поп, наверное, так же набрал, как я, пусть причетник съездит».

На третий день поехал причетник в Парфиловой шапке набирать. Также набирал-набирал, тряс шапкой и ничо не получилось.

Собрались они вечером, судачат: такой стыд притерпели из-за Парфила, побегим вечером отобрать у него деньги.

А Парфил уж знат, что сегодня, мол, попы к нему придут. Побежал в лавку, разменял деньги на копейки и в сарай в навоз понатыкал в каждый шевячок. А сам наказал жене:

— Старуха, когда попы придут, ты скажи: он, мол, что-то в сарайке делат.

Прибегают попы к старухе.

— Где, бабушка, Парфил?

¹ Остальный кусок — последний кусок.

— Что-то в сарайке строит, чо ли.

Пошли они к нему и в щелочку смотрят: чо же Парфил делат там? А он шевяки перебирает. Забежали они к нему.

— Здравствуй, Парфил.

Он оглянулся так:

— Здравствуйте, батюшки, здравствуйте.

— Ты чо тутока, Парфил, строишь?

— Ах, батюшка, нигде же от вас не скроешься. Вот видите, навоз ло-
маю, деньги выбираю. Вы не глядите, батюшка, что кобыленка у меня ху-
дая, а каждый день по тазику я выбираю от нее денег. А хорошо бы, ба-
тюшка, кормить, так чисты бы деньги валились, безо всякого назьма.

— Парфил, продай нам кобылку.

— Ой, нет, батюшка (и правду говорят — поповски глаза завидуши).
Ты чо же хочешь у меня последний кусок отобрать?

— Двести рублей мы тебе за нее дадим (шапку уж не поминают!).

— Ну уж ладно. Ты только покрепче ее накорми, так чисты будут
деньги.

Взяли кобылу. Батюшка говорит:

— Ну, сегодня, ребята, моя уж ночь будет. Я постарше вас. Привел
батюшка кобыленку, поставил ее в конюшню, насыпал ей ведра два пше-
ницы — ну завтра денег будет!

Стал наутро батюшка:

— Ну, матушка, надо воды изладить да две посудины дай мне.

Прошел батюшка в конюшню — не может дверь открыть. Ну, дума-
ет, много денег, даже дверь не открывается. Пролез кое-как, смотрит, а
кобыла-то пропала: с голодухи-то пшеницы нажралась, ее и раздуло!

Побежал он к дьякону и причетнику.

— Вот как Парфил наделил нас деньгами! Ну, ребята, сегодня он уж
от нас не уйдет.

А Парфил уж знал, что багюшки снова придут. Побежал на базар, ку-
пил пузырь скотский, налил его слабенько кровью, привязал его старухе
под мышку, сам изладил плеточку-трехвостку, повесил ее на стену. Стару-
хе наказал:

— Батюшки придут, я буду наказывать тебе на стол собирать. Ты си-
ди. Раз скажу, два скажу — ты сиди. Потом подбегу к тебе, ножом в пу-
зырь кольну, ты упади. Потом когда я плеткой раз тебя стегну, два, три,
скажу: «Плетка-живулька, оживи мою старушку!» — ты соскакивай и бе-
гай, ног под собой не чуй.

Бегут попы. Старуха наготовилась. Прибегают и к Парфилу:

— Здравствуй, Парфил.

— Здравствуйте. Эй, старуха! Гости пришли. Вари чай!

Старуха сидит, придет.

Парфил два раза — три сказал, схватил ножик, ткнул ее, она упала, кровь полилась. Попы испугались, говорят:

— Ты чо, Парфил, наделал-то?!

— Вы, гости, сядьте. Не ваше дело.

Старуха лежит, кровь из нее течет.

Взял Парфил платку, подходит к старухе:

— Ну-ка, платка-живулька, оживи мою старуху!

Раз ее ударил, второй ударил, третий раз ударил — старуха соскочила, ног под собой не чуёт — бегат. Чай наготовила, попов угощает.

А попы меж собой говорят: «Давайте купим у Парфила платку, у нас жены ничо не слушают». Договорились и приступают к Парфилу:

— Продай ты нам платку эту.

— Вы чо же, батюшки, потом она меня совсем не будет слушать, если я вам платку продам.

Ну вот они привязались к Парфилу и купили у него эту платку.

Принес поп домой платку — сегодня уж я буду держать ее день!

Утром батюшка позавтракал и матушке:

— Сходи сегодня за ягодам!

— Как же, тако далеко! Никогда я за ним не ходила!

Вот он матушку отправлял, отправлял за ягодам. Она никак.

Он подбежал да ножиком ее раз! Она упала, а он за платку.

Вот платкой он ее бил, бил, устал. Чо же она зарезана — кого встанет!

Передал платку дьякону, а дьякон передал причетнику — тоже так же получилось.

Собрали жен своих, похоронили. «Ну сегодня, мы, ребята, Парфила убьем, ни на чо не будем сомущаться».

А Парфил думат: «Какой мне сегодня исход сделать?» — не знает. Вот он наладил ружьецо, ушел под сарайку. Старухе наказал: «Попы придут, им скажешь, я под сарайкой». Так она и сделала. Пошли они в сарай. Поп говорит:

— Иди-ка, причетник, посмотри, чо он там делат. Причетник зашел, Парфил его чикнул и заташил под сарайку.

Подождали они причетника, подождали. Поп отправлят дьякона поглядеть.

— На чо причетник еще там засмотрелся у Парфила?

И дьякона таким же образом сделал, заташил к себе. Поп ждет-пождет, сам пошел. И попа убил, заташил в сарайку, всех трех склал.

И день, и два, и три лежат попы у Парфилушки. Народ говорит: «Куды же попы подевались? Чо-то батюшков не видать стало, обедню не служат». Попросили нового попа. Новый поп приехал в церкву (старого-то убили, свежего дали).

А дело уж к осени, холодно-овато стало. Сидят ужинают Парфил со

старухой. Вдруг дверь открывается, забегают к ним солдатик. Поздоровался и просится:

— Можно у вас ночевать?

— Ночуй, ночуй служивый. Ну-ка, старуха, давай графинчик нам на стол, служивый пришел.

Вот подпоили они его крепко. Парфил подает стаканчик и говорит.

— Пей, служивый, и сослужи нам службу. Нынче старуха была именинница, поп к нам зашел, блинов объелся да и околел. Ты утащи его в прорубь.

— Утащу, утащу, чо мне его не утащить?

Парфил пошел, этого батюшку наладил, служивый сгреб попа на плечо, потащил. Несет попа служивый по мосту, вдруг навстречу какие-то люди.

— Кто идет? — спрашивают.

— Черт.

— Кого тащишь?

— Попа.

— Куда?

— Топить.

Ребята отошли да и говорят:

«Вот попы-то теряются, а это, оказывается, черт их таскат».

А Парфил тем временем облил водой дякона да и поставил у дверей.

Солдатик забежал в ограду: «Это чо же, я ведь его утащил, а он опять тут!». Сгреб и потащил дякона. Опять его ребята спрашивают:

— Кто идет?

— Черт. Попа топить.

Эти ребята и думают: «Надо нам хоть новому попу сказать, а то он и его утопит».

А Парфил наладил последнего, облил водичкой, на это же место поставил. Служивый прибегает. «Это чо же я тебя никак утащить не могу. Только утоплю — ты опять здесь!» Потащил последнего солдатик топить. Утопил, идет с реки, а навстречу ему свежий поп бежит прятаться, шкатулка с деньгами под рысой. Сгреб этого попа солдат и к реке.

— Куда ты меня несешь?

— Топить.

Шкатулку отобрал и утопил.

Прибежал к Парфилу. Тот спрашивает:

— Ты чо долго?

— Ой не говори: топил, топил. Уж к последнему камень привязал.

Парфил видит: у него в руках поповска шкатулка, и говорит старухе:

— Старуха! Ты посмотри-ка в шкапу-то. Видать, батюшка шкатулку-то у нас унес, когда на вечеру-то был.

— Я отобрал ее,— говорит служивый.
Так Парфилу все деньги достались. Всех попов уконтромил¹, живых и мертвых.
И ничего Парфилу не было.

13. ПЕСТРУШКА

В одном городе жил король со своей королевой. У них была дочурка. Такая королева была красивая, а дочь — вся похожа на маму!

В одно время королева заболела. Короче сказать, она чувствует вот-вот смерть перед собой. Позвала она своего мужа:

— Слушай, я накажу, как вам с дочерью жить. Когда помру, меня похороните. Ты еще молодой, один не проживешь, будешь жениться. И возьми себе такую жену, чтоб она походила на меня.

А были у этой королевы бирлянтовые башмаки. Она и говорит:

— Кому эти башмаки подойдут, та твоя жена будет.

А дочери подарила орешковую скорлупку:

— Вот, моя дорогая доченька, в этой орешковой скорлупке есть куколка. Какое у тебя горе будет, вытащи ее из скорлупки, сама перед ней на колени стань — куколка тебе поможет.

Короче сказать, померла королева. Король ее похоронил. Живут с дочерью.

Долго ли, коротко ли они жили. Все начали ему говорить:

— Чо же ты один, без хозяйки и дом сирота. Надо тебе жениться.

Он и говорит:

— Жениться-то жениться. Но я должен на той жениться, кому подойдут бирлянтовые башмаки.

Стал король себе невесту искать. Никакая не подходит, как ему королева наказывала.

И год ищут, и два.

Одно время ему сон приснился, и невидимый голос сказал: «Эх, король! Ищешь невесту везде, а она за плечами».

Король хитрецов, мудрецов приглашат. Они присудили ему посватать его дочь: «Ваша дочь, мол, вся на покойницу походит, и вот она тебе, видно, такую загадку заганула».

Одно время он своей дочурке говорит:

— Померь-ка мамины башмачки бирлянтовые.

Надела, бежит к папе — как тут они и были!

Король и думат: «Вот, наверное, об этом мне королева и говорила».

¹ Уконтромил — убил.

Мудрецы стали дочери говорить, что все, мол, падает на тебя, ты должна теперь стать королевой.

Такое нападение на эту дочь. Она не знала, куда от горя деться. Вспомнила свою куколку, забралась в спальню, вытаскивает орешичную скорлупку, вытаскивает куколку, став перед ней на колени:

— Куколка, куколка, како тако на меня нападение — меня отец родной сватает.

Куколка ей посоветовала просвататься, но с одним условием: проси с него, говорит, четыре подарка. Пока он их собирает, года три пройдет, а там видно будет.

Она к отцу:

— Исправь мне, мой дорогой папаша, три платья. Первое платье как луна-месяц, второе платье, как частые звезды на небе, а третье — как красное солнце. А еще, папаша, исправь мне мантию, чтоб как только есть на белом свете зверьки, так и были шкурки на ней.

Отец посватал. Пообещал подарки. И стал собирать их. Но, наконец, подарил все: три платья сшил и мантию справил. Вот уже завтра нужно венчаться им. Вечером поставила она перед собой куколку:

— Куколка, куколка, все подарки мне папаша исправил. Завтра готовит к венцу меня.

Куколка и говорит:

— Клади все три платья в скорлупку и меня, и пойдем все вместе бродяжить.

На утро, как ей куколка сказала, затеплила свечку, выпрыгнула с куколкой в окошко и побежала бродяжить.

Король хватился невесту — ее нету.

Бежит эта королева и день, и два, и год, и больше. Мантия на ней эта пестрая. Так это она устала, залезла в дупленатый пенек, завернулась в пеструю шубку и уснула.

Ехал царь со своим лакеем по лесу — прогуливались. Собаки подбежали к этому пеньку и лают, и лают. Лакей подъехал к пеньку: что за зверь пестрый — ни ног, ни головы? Царь подъехал и поднял ее.

— Кто ты?

— Не знаю.

— Откуда ты?

— Не знаю.

И никаких больше разговоров.

Привез царь эту Пеструшку (так уж прозвал ее за мантию) к себе во дворец и отдал повару. Повар что ее заставит, она все делает. Но что ее не спросит — все говорит «не знаю». Один разговор у нее.

Однажды царь делает вечер (а он был холостой). Царь хочет невесту выбрать. Разослали по городу афишки.

Вот первый вечер. Подали на столы. Повар говорит:
— Пеструшка, ты здесь покарауль, а я побегу с поваренкой (в поварешку деньги кидали) денег набираю и тебе немного дам.

Она говорит:

— Ладно.

Ну повар обрадовался, сбегал, потом попросилась она:

— Ты меня отпусти-ка ненадолго.

Он отпустил ее. Она забежала под лесенку, одела платье как луна, бирянтовы башмачки и пошла на вечер к царю.

Он увидел ее, обрадовался, думат: «Что за красавица така?» Стал танцевать с ней. А сам все думат: «Я ее из рук не отпущу». Вдруг она у него в руках как растаяла. И нет ее. Царь спрашивает:

— Где она проходила?

Никто нигде не видел.

А Пеструшка тем временем вернулась к повару. Он увидел ее, заругался:

— Где ты была, а?

— Да загляделась я, вечеров-то не видывала.

Назавтра опять царь собирает вечер. Повар с Пеструшкой готовят угоенье. Повар говорит:

— Ну я опять, Пеструшка, сбегаяю с поваренкой. Много наладут — на фартук тебе куплю.

Повар прибежал. Пеструшка опять просится.

— Отпусти меня на часок, я еще посмотрю.

— Беги, да ненадолго.

Пеструшка одела платье, как частые звезды, эти же бирянтовы башмачки.

Царь все ждет — хоть бы опять та девушка пришла.

А Пеструшка в этот раз пришла позднее. Царь увидел. Ну, думат, я сегодня ее никак от себя не отпущу. Стали танцевать, а Пеструшка как растаяла у него в руках. И опять ни в какие двери не проходила и никто ее не видел.

На третий вечер царь уж часового поставил к колоде, чтоб никого не пропустил.

Короче сказать, наступил третий вечер. Повар с Пеструшкой подали угоенье. Повар опять:

— Пеструшка, я опять сбегаяю с поваренкой.

Пришел, она опять спрашивается у него:

— Хоть на часочек меня отпусти.

Отпустил Пеструшку повар.

Пеструшка забежала под лестницу, надела платье, как солнце, и бирянтовы башмачки. Сошла Пеструшка к царю на вечер. Царь ее забрал.

Сегодня, думает, ни в жисть не отпущу от себя. А Пеструшка опять растаяла в руках у него. Давай они Пеструшку искать. Надо, еще думает царь, посмотреть на кухне, не спасется ли там кто-нибудь? А она забежала на кухню, переодеться-то некогда, и она прямо на платье набросила мантию пеструю. Тут ее и нашли. Тогда царь с ней повенчался и стал жить да поживать и добра наживать.

14. СОРОК РАЗБОЙНИКОВ

В одном городе жили два брата — оба купца. У этих купцов — по дочери — погодки: Маша и Анисьюшка. Вот стали они уже взрослые. И так любили друг дружку сестренницы: одна без одной никуда. И одёжу носили парную.

В одно время Машеньке нужно уехать. Анисьюшка заскучала, созвала няню, пошли в сад гулять.

Вдруг ниоткуда налетели сорок разбойников и утащили Анисьюшку. Няня прибегает к отцу, докладывает, что, мол, так и так. Стали искать Анисьюшку, но нигде не могли найти.

Приезжает Маша. Мать и отец плачут — нет Анисьюшки. Искали, искали и бросили искать.

Вот одно время приходят афишки — приглашают их в город на вечер.

Мать и отец собираются, говорят дочери:

— Машенька, поедemте с нами.

— Нет, я буду книгу читать.

Сидит, читает и слышит: на заднем крыльце какой-то стук получился. Она пошла на заднее крыльцо. Видит в дыру (там в крыше от трубы дыра была) всунулась голова. Она — раз! — шашкой ее отрубила. А это были разбойники. Они вперед одного послали дорогу узнать. Остальные ждут тут же.

— Ну как, брат, ход? — спрашивают.

А Маша:

— Очень хорошо, только по одному.

Разбойники догадались по голосу, что это не товарищ. И они решили отомстить Маше за товарища. Думали-думали, как это сделать. Надумали. Поехали сватать своего атамана за Машу. Приехали в город, будто купцы первой гильдии. И к Машиному дяде. Делают вечер, разослали афишки, чтоб девушки прибыли с родителями.

Пришла и Маша.

Посталовали, повечеровали, и Маше понравился жених. Он и давай ее сватать тут же. (Так всегда раньше было).

Короче сказать, просватали, уложили свадьбу. Разбойники рады: «Ну и погалимся¹ мы над ней, по пальцу в день обрезать будем».

А Маша, вот и свадьбы не ждала бы, а так и уехала, улетела бы с ним — шибко он ей приглянулся, прямо на сердце лег.

Теперь были у Маши свои кони и свой кучер. А в конце города жила одна знакомая старушка, колдунья вроде. Вот остается один день до свадьбы.

— Ваня, запряги лошадей, прокатаюсь, — говорит она кучеру. Поехали. Старушка выглянула в окно — Маша едет. Она и говорит:

— Дорогая красавица Маша, приостановитесь, зайдите ко мне в ветхую, коптелую избушку, не побрезгуйте. Я вам тайные слова скажу.

Маша зашла к ней.

— Маша, ты не ходи за него, они тебя будут казнить. Если не веришь, сама удостоверься. Они завтра на охоту поедут. А у них двенадцать собак. Ты возьми мяса двенадцать кусков. Но долго у них не будь. Анисьюшку они же увезли.

Маша пришла домой:

— Ваня, корми коней, мы в ночь поедем.

А старушка наказала: «Проедешь пустоплес, будет густая чаща. Там пусть Ванька коней спрячет, чтоб они не заржали, и Ванька пусть не курит».

Она так и сделала. Оставила на пустоplesке коней с кучером, а сама пошла дальше пешком. Идет, идет, идет, — видит стоит дом, его двенадцать собак охраняют. Она раскидала собакам мяса, и они ее пропустили.

Заходит в дом. Видит — Анисьюшка удушена лежит. Она поцеловала ее, поплакала, побежала в комнаты. В одной стоит тридцать девять коек — мятые, а сороковая — немятая. Видит висит его костюм. Вспомнила: в этом костюме он танцевал со мной. В печке латки — там груди женские, пальцы. Она ужаснулась² и залезла под койку, которая не смята.

Только залезла, вернулись сорок разбойников. Наелись, напились.

— Ну, ребята, — говорит атаман, — вы сбрую чистите, а вы коней кормите. Завтра поедем по ту падлу, привезем, будем ее казнить. А вы Анисьюшку изрубите да собакам скормите.

Начали они ее рубить, а перстень не могут с руки снять. Отсекли палец, а он под кровать укатился, где Маша сидела. Она палец в карман и положила.

Потом разбойники все полеглись по кроватям. Такой хропоток по-

¹ Галиться — издеваться, мучить.

² Ужаснуться — ужаснуться.

шел, аж изба дрожит. Одному жарко стало, он голову на порог положил и уснул.

Маша туфли скинула, взяла со столика гребенку и браслет (это они с Анисьюшки сняли) и пошла к дверям. Да на пороге-то одному на палец и наступила. Тот спросонья-то думат, что это кто-то у них на двор пошел. Ждал, ждал — обратно не идет.

— Братка,— говорит,— кто-то мне на палец наступил.

— Ну, в чем дело,— отвечает атаман — отпусти двух-трех собак.

Они спустили собак да и сами в погоню.

Маша бежит, чует — догоняют ее. Вот дуflenатый пенек, выгорелый. Она сюда. Они ее здесь не нашли и вернулись обратно. Маша успокоилась. Вылезла вся в саже, измучилась. Побежала на пустолесок, где кони остались.

— Ваня, ты здесь? Ва-аня, ты здесь! — сама дух не переводит. — Гони, сколько только кони додюжат.

Догнал кучер коней до купцового сеновала — тройка запалилась.

Маша зашла в комнату, упала в постель. Уснула.

Летние ночи коротки. Утром приезжают женихи.

Мать стучится к дочке:

— Машенька, вы чо так долго спите? Я вас двадцать лет не будила, извинните, сегодня пришлось побудить.

И отец тут же.

— Машенька, вставайте. Сегодня уж приходится вас будить.

Она встала, оделась, но не так, как положено к венцу. Ставит средь зала стол и говорит.

— Я у вас одна дочь и хочу, чтоб вы меня отправили из дома из-под выстрела.

Поставили возле солдат с ружьями.

Тогда Маша и говорит:

— Вот, дорогие мои, сегодня для своего день-судьбы какой сон я видела. Доезжаю будто я до густой чащи, добегаю до большого дома. Будто много собак там, и я всем по куску дала. Забегаю в избу, и лежит там наша Анисьюшка неживая. Стоят там сорок коек, а сороковая стоит неспаная. А в спальне висит костюм мужской. Заглянула я в печь — там женские пальцы да груди. И наехали в ограду сорок разбойников. Я заметалась и залезла под койку, которая немаята...

И все подробно рассказала.

Тут подошла она к столу и палец, и браслет, и гребенку выложила из кармана. Потом обратилась к солдатам и говорит, показывая на разбойников.

— Вот они, выводите их по одному и расстреливайте.

Потом Маша эту бабушку к себе привезла и до смерти за ней ходила.

15. СЧАСТЬЕ

В одной деревне жили два брата. Один брат жил хорошо, другой плохо. Год от года хуже, а другой все лучше. У одного брата — стеной хлеб, а у другого ничего не родится. Земля голая. Бедный мужичок побежал однажды всходы посмотреть. Смотрит — ходит по полю старичок, выкапывает корешки и на братову пашню таскает.

— Чо делаешь, дедка? У меня и так ничо нет, а ты еще последни корешки таскаешь.

— Я не виноват. Я есть счастье твоего брата.

— А мое где счастье?

— А твое счастье под липой со сна опухло. Я счастье твоего брата в хлебопашестве, а твое в торговле. Беги по этой дорожке. Там мурина, в мурина липа, под липой койка с постелью, там старик твой спит.

Побежал туда бедный брат, стал старика расталкивать:

— Ты мое счастье?

— Да, я есть твое счастье. Но ты мне работы не даешь, я чо буду делать?

Дал ему мужик пять копеек, говорит:

— Иди на базар, чо тебе первое попадет, то и покупай.

Бежит он на базар, видит, идет ему навстречу старичок седой с уткой под мышкой.

— Сколь стоит?

— Пять копеек.

Купил он утку. Принес ее домой, отдал своему хозяину. Обрадовался тот: вот будет еда моим ребятишкам.

А тут ребята его Митя и Ваня увидели утку, подбежали:

— Ты, тятя, где уточку взял?

— На базаре купил.

Наутро (как ребятишки да ребятишки есь) бегут к шестку и видят золотое яйцо — утка снесла.

— Ой, тятя, мама, посмотрите — золотое яичко.

Отец его в карман — и на базар. На базаре он его продал, чо надо купил, принес: на, баба, вари.

Вот мужик стал все лучше и лучше жить.

Посадили уточку в спальню, припрятали, ребятишки сделали клеточку ей. В клетке ее хранят. Вот уж мужику некогда стало, у него уж работнички — большо хозяйство развелось.

А бабочка завела уж себе полюбовника — ему-то некогда. А у нее кухарки, стряпки. Полюбовник был у нее нерусский, поляк.

Вот ладно. Заделался уж этот поляк полным хозяином. Если пан

день не придет, барыня (она же как барыня стала) отправляет горничну по него.

Одно время пан у ней гулял, гулял, зашел в спальню, смотрит — уточка сидит. Вытащил ее и вертит в руках. Какая же интересная, почему же одна тут сидит? Поднял крылышко, под ним надпись: «Кто съест головушку у утки, тот будет царем, а кто съест кишки и сердце, тот будет бирлянтом плевать и чо вперед, чо взаде — все будет знатъ».

Этот пан и говорит:

— Вы заколите мне эту уточку — так я хочу свежего мяса поесть, утятинны.

Она говорит кухарке:

— Поймайте и изготовьте ему каку-нибудь утку.

Он говорит:

— Нет, только лишь эту.

Хозяйка и так, и так. Он уперся:

— Нет, если не заколешь, я к тебе ходить не буду больше.

Ушел он. День не идет, два не идет, три не идет. Она без него быть не может, отправляет опять горничну за ним. Пришел он, она решилась унести уточку на кухню:

— Изготовь эту уточку отдельно, особенно кишки и головушку.

Повар изготовил. Кишки — потрошки, головушку на сковородке поджарил.

Только обед был готов, прибегают из школы Митя и Ваня. Забежали к повару, съели — один головушку, другой — кишки.

Пришла хозяйка.

— Подавайте нам обед.

Он говорит:

— Утка-то сохранилась, а вот дети пришли из школы, кишки съели и головушку.

Повар пану принес уточку и говорит:

— Утка-то готова, а вот голову и кишки съели дети.

Пан хозяйке говорит:

— Вот теперь нарежь ребятишек своих, вытащи то, что они съели, тогда я буду к тебе ходить, а то больше не буду.

Ушел пан от нее, осердился. День не идет, два и неделю не идет к ней. Хозяйка опять горничну отправляет:

— Веди его, зови.

Пан приходит.

— Ну, я решусь уж детей заколоть, только ты ко мне ходи.

Митя с Ваней одно время уроки учат, Митя и говорит (он уж стал все знатъ):

— Сегодня повар придет нас колоть.

Ваня не верит:

— Ты чо, Митя?

— Вот правда. Сегодня повар придет нас резать.

И правда: того вечеру заходит повар к ним и говорит:

— Ребята, так мне вас жалко. Но мать кишочки и сердце уточки велела из вас достать. А мне вас жалко. Вы бегите лучше бродяжить. А я из собаки вытащу, изжарю ему.

Ребятки ночью собрались, в окошко вылезли и ушли бродяжить.

Бегут и день, и два, и больше.

Отец приехал, спрашивает:

— А где ребята?

— Ребята потерялись у нас.

Ну чо же, где их будешь искать? Отец-то у них в то время стал раб-
ботником, а пан — хозяином. Заселился, значит.

Эти ребята бегут бродяжить. Зашли на какую-то пустошь, легли и уснули.

А на ребят одно время наехали сорок разбойников (раньше много разбойников ездило). Ваня как спал, у него слюнка протекла, и бирля-
тики выкатились. Разбойники говорят:

— Не будем трогать детей, а чем они играли, то соберите.

Детей они не потрогали нисколько.

Как ребята проспались, Митя и говорит:

— Ну, Ваня, побежим в город, тут недалеко.

А в городе в это время выбирают царя (старой-то помер).

Долго ли, мало ли прошло времени, забегают эти ребята в город, а выбирают у них царя таким способом: у каждой церкви вынесли иконы и к каждой иконе наставили свечей. И всем этим иконам кланяются. От кого свеча загорится — тот и будет царь. Все кланяются. Ни от кого свет не затепливается. И забегают юноши туда же, где приклад делают к ико-
нам. И до них очередь дошла. Давай они кланяться этим же иконам. Толь-
ко Митя к иконе приклонился — свеча загорела. Народ заговорил: «Вот
теперь молодой царь будет!» Поставили Митю царем. Стал Митя управ-
лять царством. Сколько уж он управлял, долго, мало ли, не знаю. Потом
Митя и говорит:

— Ваня, давай-ка поедem на родину, посмотрим отца: живой ли, нет.

Теперь Митя домой едет царем уж.

Короче сказать, приезжают в ту деревню, где они и жили. Заехали, примерно как мы говорим, в сельсовет, стали спрашивать: где тут, кто ста-
ринные люди живут.

Стали они про отца спрашивать, но не говорят, что это их отец. На-
род стал говорить: дедушка-то, мол, теперь уж у них с гусям живет в зи-
мовье, а пан царствует.

Так, ладно. Пришли они в родной дом и стали мать про ее жизнь спрашивать. Сыновья-то большие уж, она их не узнала и говорит:

— У нас были два сына, да они потерялись. Тут живет дедушка в зимовье, да он ничего не знает.

Они говорят:

— Нам бы этого деда посмотреть да поразговаривать с ним.

Пан хозяйке говорит:

— Ты хоть унеси ему рубаху чистую, а то ему выйти не в чем.

Старик не идет, пана боится: «Меня пан сказнит, чего неладно скажу». Но все же они его призвали.

— Папа, а мы ведь твои дети кровные,— говорят Митя и Ваня.

Позвали повара. Он все тот же был. Спрашивают:

— Вы ведь нас резать приходили?

— Да я приходил, да пожалел и повелел вам бежать бродяжить.

Тогда эти сыновья мать с паном на плитке скоробили, а старика увезли с собой.

16. КОЛДОВСКОЕ ЗЕРКАЛО

В одном городе жило три брата. Жили они по разнице, в отделе. Один брат помер. И у него сынишка остался. Живет мама с сынишком, растит его, учит его.

А дядевья его — купцы. Как лето — нагружают повозки и плывут в другие города.

Вот Ванина мать сидит и плачет:

— Был бы отец живой, и ты бы с ним пошел в другой город... А знаешь чо, Ванюша, однако, схожу я к дядям и попрошу тебя взять с собой.

Пошла.

— Возьмите моего Ванюшку. Он грамотный, торговать поможет.

Один говорит.

— Надо взять.

А другой:

— Не надо, он еще заскучает.

Все же первый настаивает:

— Надо свозить, отца нет. Чо же не взять-то.

Мать пришла домой, стала его собирать, снаряжать. Кладет деньги — десять рублей — и огарок свечи: Говорит:

— Деньги эти я тебе зашью в боковой карман. Если не надо — не бери. Достань их, если что случится.

Поплыли они. Ванюша дядей слушат, все помогают. Приехали в другой город. Дня три в чужом городе проторговали, он сел и заскучал. Тоска навалилась прямо.

— Чо заскучал?— спрашивает дядя.
— Так. Вы отпустите меня погулять.
— Ты чо? Мы всегда плавам, да никогда не гуляем. Ты еще куда девашься, мы чо матери скажем?

Но отпустили все-таки вот до такого часа.

Идет Ваня, смотрит, думат, что за город за такой: никто не догоняет, не обгоняет, навстречу не попадает. В нашем бы городе тыщам были.

Вдруг идет старик седой-преседой и девушку ведет. А у нее глаза завязаны.

— Почему у ней глаза завязаны?— спрашивает Ваня.

— А коли тебе ее жалко, так купи.

Ванюша расшил кармашек, деньги достал, купил. А дедушка как растаял.

Девушка говорит:

— Скорей развяжи мне глаза.

Он развязал.

— У тебя крест есть? — спрашивают.

— Есть.

— Надевай на меня. Я заклята была три года. Срок вышел, меня дед и повел продавать.

— Ну пойдем теперь на свой корабль к дядям,— говорит Ваня.

— Нет, чего же мы к дядям-то. Пойдем лучше свою жизнь искать,— отвечает девушка.

Вот уж и день прошел. Ждут — пождут дяди, а Ванюши все нет. Дяди давай ругаться:

— Чо матери теперь скажем?

— Скажем потерялся и все. Убежал.

А Ванюша с девушкой сняли квартиру. Она хозяину и говорит:

— Дайте сто рублей денег. А ты, Ванюша, иди на базар, купи сто лопат и сто кайл и найми, чтоб тебе их сюда привезли.

Ванюша купил, что она велела, и привез на квартиру.

— Теперь пойдем по народ.

Собрали людей, сто человек пришло. Она им и говорит:

— Вот я вам сразу деньги не дам, а потом рассчитаю. Кто сколь сможет, тот столь и унесет.

Отмерила им пустыню.

— Вот тут копайте. Как дойдете до чугунных дверей, кончайте и меня зовите.

Сама пошла обед варить.

Копали, копали и скоро дошли до чугунной двери (ведь сто человек — быстро). Прибежали, сказали ей. Она посадила их обедать. А сама

с Ваней пошла. Первые двери открыла. Там бочка, на бочке вино стоит.

— Это нам не богатство, Ванюша.

Вторые двери открыла — денег не вывезти.

— Это тоже нам не богатство.

За третьей дверью сидит на брусу трехглавый змей — ее брат, он тоже заклятый был. Сидит — блюдо с волшебным кольцом охраняет. А в том кольце вся сила и все богатство.

— Вот я, братец, пришла с тобой богатство делить. Сейчас я выйду на улицу, потом открою дверь, и кто первый добежит до кольца, схватит его — того и будет.

Потом вышла к Ване и говорит:

— Как я тебе дверь расхлобысну, беги в подвал, хватай колечко и вобрат выскакивай.

Расхлобыснула дверь, Ваня забежал, кольцо схватил, обратно побежал. А змей с бруса сорвался, крылом ему волосы опалил, больше ничо не успел.

Сестра и говорит змею:

— Трижды ты заклятый, еще здесь сиди.

Вернулась к людям:

— Пойдемте я вам расчет отдам. Кто что может угащить, тот то и тащите за вашу работу.

Народ кто вино бочку катит, кто деньги мешком тащит. Всем расчет отдала.

— Ну, Ванюша, геперь поедем дядей догонять. А то дяди приедут, а мать-то что сдумат?

Он пошел спать. А она на крыльцо вышла, кольцо с руки на руку перебросила и говорит:

— Пусть будет корабль в золоте и серебре и нагружен золотом же.

Состроили ей невидимые работники в ночь корабль.

Ванюша утром встал — корабль горит и блестит, золотом и серебром нагружен.

Короче сказать, поплыли в свой город. Долго ли плыли, коротко — догоняют дядей. Дяди смотрят: то ли неприятель, то ли кто? Одно время в подзорну трубку рассмотрели: это чо? Ванюшка наш, а мы его бросили. Позор какой.

Стыдно им стало, что Ваня весь золотой корабль ведет, и решили его потопить. Стрелили они по нему из пушки. А девушка взяла да по дну корабль пустила. А дяди думают, что разбили корабль.

Приплывают домой. Встретили их жены.

— А Ванюшка где-ка?

— Ой, Ванюшка убежал.

Услышала Ванюшина мать, что дяди приплыли, прибежала.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Где Ванюшка?

— Нету Ванюшки. Говорили не братъ. Вот он от нас и убежал.

Мать прибежала домой, упала на окошко, плачет, убивается: «Ой, один ты у меня был, зачем я тебя отпустила?»

Долго ли, коротко ли плакала. Уж и вечерок стал. Смотрит: это чо же, будто мой Ванюшка идет? Вот ближе, ближе... Да и вправду — он! И каку-то девку еще ведет... — это она сама про себя говорит.

А они вслед за этим кораблем шли. И девушка одела такой траур на этот корабль: худенький, лахматчатый он стал.

Пришли к матери. Она плачет:

— Где же ты был? Пошто от дядей убежал? Жениться-то не обробел, а вот мать бросил.

Ванюша говорит:

— Дак вот пустишь ли нас ночавать-то, нет?

— Идите вон в зимовьюшку к гусям, да и ночуйте там, — осердилась.

Зашли они в это зимовье. Ванюша говорит:

— Наташа ли, Маша ли, идемте на корабль, что мы здесь с гусям будем?

А она:

— Нет, где родная мать приказала нам перву ночь ночевать, там и будем.

Взяла она веничек, огмела — вот здесь мы с тобой, Ванюша, ночь и проведем.

Мать все-таки ужну им принесла — мать она мать и есть — чо уж...

Ночью Маша вышла, с руки на руку колечко перекинула — корабль золотом горит. А невидимым слугам приказала:

— Состройте дворец, чтоб царский супротив моего, как стайка стоял. И выстройте стерлиновый¹ мост от корабля и до дворца и чтоб под ним бела рыба ходила, и чтоб ее сквозь мост видать было.

На утро дяди встали:

— Это чо же, брат, Ванюшкин-то корабль тут. Теперь чо же мы невестке-то говорить будем?

Магь стала:

— Это чо же тако? Никогда такой диковины у нас не было. Все горит и блесит!

И Ванюша ее в таком царстве погуливает-похаживает. Ну и простила она их.

¹ Стерлиновый — стеариновый.

К сказке Р. Е. Шеметовой
«Протусей Прапорицы»

...и свадьбу строить. Ванюша с Машенькой венчаться будут. По-
свадьбе, свадьба прошла. Все хорошо.

Вот на утро Ванюша встал, да что-то заскучал.

— Пойдемте, — говорит Маша, — на море.

Легкую шапочку взяли, катаются. Видят, над ними два голубя за-
летали, заделали, закружились. Подхватили Машеньку и унесли.

Ванюша остался один, грустный приходит домой, собирается в поход
ее отыскивать. Мать, дяди его уговаривают.

— Зачем тебе ее искать? Ведь она же ничо не унесла. И дворец, и
корабль тут — есть чем жить.

Но не могли они его ни убавить, ни уговорить.

— Ничего мне не надо без нее: ни дворец, ни корабль. Только ее, лю-
безную, надо.

Взял с собой ранец Ванюшка, пошел.

Идет долго ли, коротко (конечно, он не коротко шел, а долго). При-
шел в чужой город. Проголодался. Потряс ранец, вытряс корочку. Пошел
к морю помочить ее. Только хотел ее помочить в море, прибежала кит-ры-
ба, хват и унесла. Иван и говорит:

— Ешь, кит-рыба, да не жалуйся на меня.

Идет дальше. Сова-птица сидит. Винтовочку взял, хотел стрелить, она
и говорит:

— Не стреляй, Иван-купцов сын, я тебе еще пригожусь.

— Ладно, Сова-птица, не буду тебя стрелять.

Идет дальше. Дом стоит, частоколом обнесен, и на каждой тынинке
человеческая голова. И одна лишь свободная. «Тут моей голове быть», —
подумал он.

А в этом доме жил волшебник — отец Машеньки. Он уж открыл вол-
шебную книгу, прочитал и все знал о Ване и Маше. Он это голубков и
послал по Машу.

Волшебник его встретил, приветил.

— Сегодня отдохни, а завтра загадки загаду.

Утром волшебник говорит:

— Ты видал тын? Вот, там одна тынинка свободна. Смотри, чтоб
твоя не стада. А сейчас будешь от меня прятаться. Спрячься три раза, два
раза найду — ничего, третий раз ежели найду — голову с плеч. А не най-
ду — Машу тебе отдам.

Ну куда Ване спрятаться? У волшебника же волшебная книга и вол-
шебное зеркало было. Куда тут спрячешься? Все видит. Печальный пошел
Иван... Пришел на берег моря. Выплыла кит-рыба.

— За то, что я у тебя последнюю корочку из рук вырвала — помогу
тебе. Сиди на меня.

Иванушка сел, и она спустила его на желта песка на дно морское.

На утро взял волшебник свою книгу, раскрыл, прочитал в ней все.
— А, Кит-рыба, выноси Ивана-купецкого сына.

На другой день снова надо спрятаться. Откуда ни возьмись слетела к нему Сова-птица.

— Садись, Иван, я тебя под облака занесу.

Иван-купецкий сын сел на эту птицу, она его занесла под облака.

На утро этот волшебник встал, позавтракал, книгу открыл:

— Фу, Сова-птица, сноси купецкого сына.

Осталось Ване один раз спрятаться. Лег он спать. Но не спит, не может. Вдруг: «Жу-жу-у,— муха прилетела.— Жу-жу»,— муха ему под ухо.

— У, ты негодная: не до тебя мне сегодня.

Второй раз прилетела муха. Он ее опять прогнал. Третий—прямо прижалась к самому уху. Что-то ему шепчет. Ударилась об пол, сделалась Машенькой и говорит:

— Ты видал тын. Это все мои женихи. Но тебя я полюбила и помогу тебе.

Сделала его мухой:

— Сейчас ты лети не по дверям, не по стене, а лети в кухню по трубе и сядь за волшебное зеркало. Он книгу перелистнет, ничо не увидит. Ты сиди—молча. Звать будет—сиди молча. Он хоть сколько книгу будет перебирать—не выходи. Он сожжет ее. А когда зеркало разобьет, ты ударься об пол—человеком станешь.

Так и было. Берет волшебник книгу. Раз пролистал, ничо не выходит. Разозлился, схватил книгу, сожг. Схватил зеркало, снял, бросил об пол—тогда Ванюша-купецкий сын ударился об пол, сделался молодцом.

— Ну,—говорит колдун,—сумел ты мою дочь взять.

А Ванюша с женой приехали домой и стали жить хорошо.

17. НУЖДА

Вот в одной деревушке жил старик со старухой. Да они не так, что уж старики. У них вот такой мальчуган был.

Ладно. Одно время спать они с бабой на печку лезут. А у них ни постелить, ни поесть—ничо не было. Чо снял с себя мужик—то и в голова кладет и говорит:

— Ох, нужда ты, матушка! И парнишка-то с нам мучится.

А Нужда из-под печки ему отвечает:

— А?

А мужик-то был докой.

— Нужда!

— А?

— Ты где?

— В кукшине!¹

Мужик слезит с печки, достает этот кукшин (а раньше кукшины глиняны были) и спрашивают:

— Нужда!

— А?

— Ты где?

— В кукшине.

— Ты вылезь-ка оттуль, я тебе тряпочку подстелю.

Нужда вылезла, он тряпочку ей подстелил и опять спрашивают:

— Ты где?

— В кукшине.

Мужик взял заколотил этот кукшин хорошей пробкой, утащил и утопил его в реке.

— Лежи тут, а то ты меня задавила совсем-ка.

Вот с того время стал мужик получше жить: как же, Нужду утопил!

А брат его богатый видит это и Наде своей говорит:

— Чо-то братан-то стал поправляться. Хлеб у него появился и одёжонка. Дай-ка схожу — узнаю.

Приходит.

— Здравствуй, брат.

— Здравствуй, здравствуй, брат. По чо пришел?

— Да вот я такой довольный теперь, что ты стал хорошо жить. И хлеб. и одёжонка у тебя теперь есть. И что это тебе мешало жить?

Ну тот брат, как своему, по-честному и стал рассказывать ему все.

— Одно время,— говорит,— ложусь я спать и говорю: «Ах, нужда ты, матушка! Не поесть, не попить и не поспать». А она мне и отвечает! Я и вылез с печки, этот кукшин заколотил да и в реке утопил. И вот с тех пор я и стал лучше жить.

Этот брат позавтракал.

— Ну, братец, до свиданья!

— До свиданья.

Прибежал богатый брат домой, взял багор (раньше больше багры были, как клюка), побежал к реке, вытащил кукшин, выбил из него пробку и кричит:

— Нужда!

А она там уж подыхат:

— А-а-а...

— Где ты?

— В кукшине-е-е...

— Иди к брату моему — живи.

¹ Кукшин — кувшин.

— Ой, нет. Я к тебе теперь на шею повешусь.
Повесилась к нему и не отстала. Так она его и задавила эта Нужда.
Вот какие ехидны люди бывают — братьям родным не хотят хорошей жизни.

18. БЕСПУТЫЙ СЫН

В одной деревушке жила старуха-мать, и у ней был парень. Этот парень дураковатый был. Ничо не делал. Мать чо мало-мало подрабotaет и его кормит. Говорит:

— Ванюшка, что же ты, хоть бы чо-нибудь работал.

— Но завтра начну, мать, работать.

Вот сегодня, завтра, послезавтра — ничо Ванька не делат. Только дурачит: где надо хорошо сделать — он худо сделает, где надо худо сделать, он хорошо сделает. Мать прямо измаялась с ним.

— Ну, делай же, Ванька, чо-нибудь!

— Ладно, завтра.

Вот завтра встал, говорит:

— Дай-ка платок, мать.

— А ты куда с платком-то хочешь итти?

— Я пойду воровать учиться.

Мать думат: да хоть бы ты куда вовсе заблудился, ушел бы от меня.

Дала она ему краюшку хлеба, в платок завязала, Ванюшка и убежал.

Вот зашел в густу-густу чащу, эту краюшечку положил на пенек. Сам убежал в сторону и завязал глаза себе: «Вот прямо ежеле я к этой краюшке приду — то буду я вор страшный».

Шел-шел с завязанными глазами, пришел прямо к этой краюшке. «Вот теперь я начну работать», — думат.

Назавтра поел, побежал в город. А его все в городе знали, что Ванька-дурачок везде бегат.

Вот едет барин на фаэтоне, увидал его:

— Куда, Ванюшка, бегал?

— А в город, барин, ходил я.

— Чо работал?

— Воровать учился. Надо мать кормить.

— Садись со мной, я тебя подвезу. (Сам думат: я хоть с ним, мол, побалагурю).

Едет и говорит:

— Знаешь, Ванюшка, раз ты воровать научился, украдь у меня этого Виноходку.

Красивый жеребец Виноходка!

— Украду, барин, украду.

— А когда ты воровать будешь?

— А-а, барин, не укажу число. Дак только я украду, ты у меня коня возьмешь и все!

— Нет, Ванюшка, ежели ты у меня Виноходку украдешь, я тебе сто рублей денег тут откачу. А не украдешь — ты мне сто рублей.

— Ладно, барин.

Вот заехали они дорогой к барину, Ванюшка и говорит:

— Ты мне, барин, дай взаймы три рубля. Я потом с тебя возьму и тебе заемные отдам.

Ну чо же: то ли дать, то ли нет? Барыня и говорит:

— Дай, барин, пусть он хоть покурит, пошикарит.¹

Ладно. Ванька убежал, а барин и говорит конюхам своим:

— Знаете, ребята, вы теперь Виноходку покрепче держите, ночью замыкайте, в поле одного не отпускайте.

— Ладно.

День, два и неделя, может, прошла, и про все забыли это.

А Ванька все мечтат.

Вот одно время он забежал в магазинчик, взял четверть вина, при- тащил домой.

А кроме Ваньки, были у него два брата — те умны были. У старшего брата Ванька одну кобыленку украл худеньку. Вечером все прилеглись спать, Ванька эту кобыленку запрег, вытащил кожану сумку, четверть в нее поставил, деревянну чашку в сумину бросил и поехал в поле. Приез- жат в поле, а тамако зыбу-ун² — одно место такое, и видит: во-он конюха бариновы спят.

Тогда Ванька нарочи³ заехал в эту грязь, кобыленку завязил и кри- чит:

— Э-эй, ребята, пособи́те!

Конюха и говорят:

— Ребя, это ведь Ванька где-то кричит... Где-то Ванька кричит, паря.

А он еще пу́ще кричит:

— Пособите-е-!

— Сбегам, он чо там Ванька делат?

Конюха бариновы прибежали, а Ванька плачет стоит:

— Ребята, пособи́те мне кобыленку вытащить.

— А ты куды, Ванька, ездил?

— А мой брат Степан собирается завтра печку бити,⁴ отправил меня

¹ Пошикари́ть — попиловать, пошиковать.

² Зыбу́н — болотистое место.

³ Нарочи́ — нарочно.

⁴ Печку би́ть — делать глинобитную печку.

по вино, и я вот ехал, ехал, неладно заехал, кобылу завязил. Вытащите меня, ребята.

Эти ребята кобыленку подхватили, вытащили. Он ее оттер от грязи.

— Ну, поедemте, ребята. Вы где-ка спите?

— Да вот наш огонь, Ванюшка.

Подъехали к огню, тащит Ванька сумину, вытаскиват четверть вина, вытаскиват деревянну чашку, наливат.

— Пей, паря! Спасибо, что вы мне кобылу вытащили.

Ну, и поит этих двух конюхов. Четверть вина — трехлитровая. И напoил в дрезину конюхов. Свалились они, спят. Ванька эту кобыленку отпустил, Виоходку поймал, повел домой. Привел баринoву Виоходку, привязал под завозню,¹ сам на печку залез.

Утром конюха проспались:

— Тот конь, другой конь здесь, а где же Виоходка?

Бегают, бегают — нет Виоходки.

— Наверное, домой он ушел, — говорят. Прибежали домой: — Ну, барин, нету Виоходки.

— А где вы его потеряли?

— Вот в поле ночевали, караулили коней, и Виоходка потерялся.

Барин говорит:

— Ступайте к Ваньке. Значит, он у Ваньки.

Один конюх побежал к Ваньке, в ограду зашел — стоит Виоходка.

— Ваня, ты пошто у нас Виоходку взял?

Отвязывают Виоходку, а Ванька не дает:

— Я сам поведу к барину.

Сел Ванька на Виоходку, поехал к барину.

— Плати, барин, деньги.

Нечего барину делать — заплатил. А самому жалко. Как бы, думает, вернуть их?

— Давай, — говорит, — Ванюшка, договоримся, украдешь с меня нижнее белье — плачу тебе двести рублей, а не украдешь — ты мне мои возвращаешь.

— Ладно.

— А когда будешь, Ваня, воровать?

— А-а, барин, число не указано.

Ванюшка крепко думат: как же я буду белье с барина воровать? Думал-думал день-два, вздумал. Пошел Ванюшка, купил бутылку дрожжей, скотский пузырь свежий и маленьку пикулечку. Дрожжи поставил на печку, чтоб теплы были, а сам пошел к барину на кухню — узнать чо да как. И услышал, как там говорят:

¹ Завозня — навес у сарая для хозяйственного инвентаря.

— Сегодня у нас барин с барыней пойдут в гости.

Вот Ванька вечером прихватывает эту бутылку дрожжей под пазуху, берет пузырь скотский и пикулечку и пошел к барскому дому. А барин с барыней собрались в гости и слугам наказывают: пока, мол, мы в гостях будем, так вы нам комнату тут проветрите, чтобы воздух свежий у нас был.

Служанка окно в комнату открыла, проветривает, сама прибирается. Только в другую комнату ушла, а Ванька залез в комнату и под кровать. Сидит.

Темно стало, барин с барыней из гостей пришли, прилегли спать и крепко уснули. Слышит Ванька, крепко спят барин с барыней. Тихонечко вылезает из-под кровати и им в середочку вылил эти дрожжи.

А стряпка да экономка спали рядом неподалеку в комнатке другой. Ванька поднадул пузырь и положил им в середку тоже.

А два конюха спали в сенях. Волосы у них больше. Ванька взял да и связал их.

Старушонка еще там на топчанчике¹ спала у них, Ванька ей и вставил пикулечку.

Вот ладно. Барыня разбудилась:

— Ой, запах какой же! — дрожжи-та кислы. — Ой, барин, у вас живот болит?

— Нет, барыня, у меня живот не болит. Может, у вас болит? Ты укостилась?²

— Нет, барин, ты.

Хотел барин свет зажечь — спички на комодѣ не может нашарить. Экономке давай кричать.

— Клава, подай нам спички!

Разбудились стряпка да экономка:

— Ой, ты родила! — у них там пузырь-то мягкий катается. — У тебя брюхо больно было. Ты родила!

— Нет, ты родила.

Пузырь пощупают — он мокрый и опять друг на дружку. Не может барин спички дожидаться, кричит конюхам:

— Вы там, Коля или Миша, подайте нам спички!

Стали конюха подниматься, а они связаны.

— Отпусти, паря!

— Нет, ты меня отпусти!

Не может барин спичек дожидаться — что за беда! Кричит:

— Бабушка, подай нам спички, пожалуйста!

¹ Топчанчик — деревянная скамейка, койка.

² Укоститься — объесться.

Бабка вскочила:

— Ой, не знаю, где спички. Я вам лучше огонь вздую — лучиночку. Старуха начала огонь раздувать, а у ней пикулька играт.

— Ой, барин, я разладилась, не могу лучинку вздуть.

Вот все шуматились,¹ шуматились, барыня и говорит:

— Давай, барин, снимем все это, в простыню завернем.

Пошарила в комоде чистое белье:

— На тебе, барин, а это в простыню завернем, завтра разберемся.

Все сложили и под кровать бросили, а сами заснули. Ваня все завернул крепко, под пазуху спрятал, в окошечко вылез и убежал. Украл. Все украл и даже простынь из-под них украл. Вот как.

А утром в барском доме разобрались — белья нет, чубы связаны, у кого пузырь лежит...

— Барин, это ведь Ванька, наверное, был у нас.

Опять отправляют слугу:

— Лакей, сходи за Ваней.

Барыня ругат барина:

— Вот связался с кем, это чо тако?!

Пришел Ванька, тащит узелок.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. Ну, чо, Ванюшка, украл?

— А не украл, так не принес бы. Вот вам. Даже и простынь ваша здесь. Не только белье.

Но, Ванюша, не шути, отдай.

— Нет, каки шутки! Плати деньги мне и все.

Ой, барыня ругат барина:

— Связался ты с кем!

А делать нечего — крутились, крутились, — выложили двести рублей, отдали.

— Ну, ничо, барыня. Мы выкрутим у него это.

Вот и день, и два, и три Ванька шикует — деньги есть у Ваньки.

Опять лакея отправляют:

— Иди, лакей, по Ваньку.

Пригласили этого Ваньку, закусили, подвыпили.

— Знаешь чо, Ваня, ты уж начал с нами куролесить,² так докуро-
лешивай.

— А в чем дело, барин?

— Ночуй с моей барыней.

¹ Шуматиться — суетиться, создавая шум.

² Куролесить — озорничать.

— Ой, барин, я не учился с твоей барыней ночевать. Вот украсти я украду у тебя.

— Ну, Ванюшка, выпей давай,— угостили еще.— Ночуй, Ванюшка.

— Ночую, барин.

Барыня ругается.

— Ну, барыня, деньги-то ведь надо же выкрутить с него.

— Знаешь, Ванюшка, ежели с моей барыней ночуешь, то тебе триста рублей, а не ночуешь, то вот эти же мои деньги мне отдай.

— Ночую.

— А когда ты, Ваня, будешь ночевать?

— Не указано число.

Неделя две, три идет, Ванька смекает. А тут неподалеку в соседях товарищ у Ваньки болел. Вот он все в больницу к нему бегал. Прибежит, спросит:

— Ну чо, товарищ мой выздоравливат, нет ли?

Ему няни говорят:

— Нет, Ванюшка, твой товарищ скоро помрет. Не седня-завтра помрет.

А дело уж было к осени, холода начинались. Ну, вот Ваня услышал — товарищ умер у него, товарища хоронят.

Сходил Ваня в магазин, купил пару белья хорошего, флакон деколону.

Ночью сбегал Ванька на кладбище, этого покойника откопал тихонечко и притащил, а он уж замерз — дело осенью, холод. Притащил Ванька покойника барину в заулок и где-то спрятал. Сам поднарядился, обмылся, белье ново чисто надел, весь надеколониhsя, пошел.

А барин с барыней лежали, комната проветривалась, и окно было открыто. Они лежали, лежали и уснули. Ванька подкрался, слышит барин с барыней спят крепко. Он этого покойника наперекося в окне поставил, а сам за угол стал. Барыня разбудилась:

— Ой, барин, Ванька лезет.

Барин рукой дотронул:

— Ой, он замерз уж! Чо делать теперь будем?

Взял да рукой толкнул его, тот и упал. Надеват барин плащ, тапки, а до этого он всем наказал — конюхам, на кухне — всем, чтобы никому ночью не отлаживать. Оделся барин и говорит:

— Барыня, я его оттащу вот к Ангаре. Брошу его там.

Пока он его наваливал, да в реку таскал, Ванька в этот момент раз — в окошко и к барыне.

Барыня — ну чо же, она набоялась — поймалась за Ваню крепко-на-крепко, думат, муж это.

Тут барин прибежал, зыкается в окно.

— Барыня! Барыня!

А Ванька ей тихо:

— Молчи, это Ванька прибежал.

Вот барин уж замерз — чо же в тапках осенью. Бегат стучит:

— Откройте мне, откройте!

— Ничо не откроем. Нам барин не велел никому открывать.

Бегал, бегал барин и в конюховску, и сюда, и туда — никто ему не отлаживает.

Утро настало — Ваня с барыней, а барин все бегат.

. Нечего делать — откочевали барин с барыней из этого города, чтобы от Ваньки отделаться. Шибко он им насолил.

19. НИЩЕНКА

Вот в одном городе жил царь. Царь этот был молодой, холостой. Этому царю надо было невесту, но он никак нигде не мог облюбовать невесту.

В одно прекрасное время сидел царь и думал, каким бы путем ему невесту выбрать. Придумал: дай же я прикажу, чтоб из каждого города и из каждой деревни мне девушки свои карточки выслали.

Вот такой приказ царь везде разослал, и стали все девчонки и богаты, и бедны сниматься и царю карточки отправлять.

Наполучал царь карточек триста штук. Вот на балконе их разложил все эти карточки, смотрит. Все перебрал, все пересмотрел — никакая ему к душе не лежит девушка.

Вот сидит и думат: эту к примеру бы девушку взять, так она к сердцу холодна будет, не смогу я ее любить.

А в ихнем городе жила одна старушка с дочерью. Та дочь ходила милостыньку собирала и кормила мать и сама питалась.

И вот когда однажды сидел царь на балконе, девушка эта, нищенка, и вышла из его кухни, где ей только что подали. Идет она с мешочком, царь на нее смотрит. И так этому царю она полюбилась, так на сердце и легла.

Он говорит:

— Денщик, иди вороти эту девушку.

Денщик воротил эту девушку — ее Машенькой звали.

— Машенька, тебя ваше величество зовет.

Девушка говорит:

— Зачем я царю? Я побывала у вас на кухне, но ничо не украла. Зачем меня царско величество зовет?

Денщик берет девушку за руку — ведет. Заводит ее к царю. Машенька ставит свой мешочек к порогу и говорит:

— Зачем меня, царско величество, звали? Я у вас на кухне побывала, мне кухарки кусочек хлеба подали, я и пошла. Я ничо не украла у вас.

Он ей ставит стул и сам с ней садится, говорит:

— Вы теперь будете моей женой.

Машенька заплакала и говорит:

— Ваше царско величество, вы бы лучше над кем-нибудь посмеялись, а над нищенкой смеяться нечего.

— Я над вам,— говорит,— не смеюсь, я всю правду говорю. Я вас так полюбил, вы мне на душу легли.

Царь приказал запрягчи лошадей и отвезти эту нищенку домой. И надел ей свое золото кольцо на руку и кучеру тихонько сказал:

— Ваня-кучер, вот отвезешь нищенку, обязательно зайдя к ней в землянку и послушай, чо эта Маша будет матери своей говорить.

Кучер посадил Машу и попер по городу. Зашел кучер за Машей вслед в эту землянку. Мать спрашивает.

— Где же ты сегодня была, Маша, до этих пор? Я тебя дождать не могу.

— Я, мамаша, у царя в гостях была (а мать слепа у ней).

— Ты как же, Маша, к царю попала?

— Я, мама, просваталась за царя,— это Маша матери говорит своей. — На-ка, мама, пощупай-ка — он мне перстень подарил свой.

Мать пощупала.

— Ты где-то, Маша, украла это колечко? Где украла, туда положи, унеси. Царь над тобой посмеялся, дура, над нищенкой.

— Нет, действительно, правда, мама, вот скоро он по меня придет.

Кучер приехал к царю — рассказывает. Вот так и так мать ее отругала: царь, мол, над тобой посмеялся, над нищенкой.

Ну и ладно. Собрал царь поезд, поехал по Машу.

Приехал к Машеньке. Забрали Машеньку и старуху эту взяли с собой. А царь одному из слуг приказал:

— Ты тут останься и сожги эту землянку, Чтоб следу не было. Для того, говорит, сжигаю я землянку, чтобы мое сердце не болело, что из землянки взял я себе жену.

Привез Машеньку, пошли танцы да плясы. Машенька так хорошо танцует! Царь думает: «Как же это Машенька вон в каком положении жила, а где ж она танцевать научилась?»

Вот они отстоловались, отпировались — стали жить. Так они хорошо зажили.

В одно прекрасное время царь чо-то загрустил. Машенька спрашивает:

— Чо вы таки грустные стали? То ли я вам не нравлюсь, что вы меня из бедного положения взяли, то ли сами больные стали, чо тако?

Он и говорит:

— Я расскажу, Маша, почему я такой. Я, — говорит, — холостым был и каждый год плавал в другой город.

— А почему же, — говорит, — нонче вы не сплаваете. Чо же вам мешает?

Он говорит:

— Так плыть-то не штука, вот как я вас-то оставляю. Таки вы молодые, таки красивы, чо бы у вас не получилось, мол.

Ну Машенька давай мужа собирать, снаряжать.

— Ничего, ничего. И вы хорошо проплаваете, и я без вас процарствую.

Поплыл царь. Машенька осталась дома.

Приплывает царь в чужой город. Стает там в ресторан ли, в буфет ли, где в карты играют. Обычно он и раньше туда всегда заходил, там нашлись товарищи у него. Вот они играют, выпивают и завели разговор о женах. Там, может, человек пять-шесть собралось — все молодые. Кто хвалит свою жену, кто ругает. Ну и этого царя давай зудеть: мол, вы чо-то молчите, не похвастаетесь.

— Ну, — говорит, — у меня верная жена. Она ни на чо не сомуситится.

Один офицер так к нему и прилип:

— Вот вы так говорите, а давайте я к вашей жене съезжу — посмотрим, чо будет. А вы напишите ей бумагу, али телеграмму отбейте, мол, гость едет. Вот и увидишь: я тебе знак памяти привезу, что я с ней там подружился.

Ну, раз дело за спором вышло, сделали они бумагу, заверили сельским советом, мол, так и так, если чо я с твоей женой сделаю — тебя на висельницу.

Отбил царь телеграмму: «Дорогая жена, встретьте гостя моего».

Маша получила телеграмму от мужа и подумала: мой муж, наверное, мной похвастался.

Долго ли, коротко ли, приехал этот офицер — этот гость по адресу. Маша встретила, угостила его. Вот сидят они за ужиной. Он и начал ей чо-нибудь другое говорить — все про любовь. Сидели они, беседовали, остался он у ней ночевать, этот офицер. Когда это у них все разговоры прошли, она будто согласилась с ним ночевать: я, мол, ничо не имею — ночуем. подружиться мы с тобой. Только у нас, говорит, такая поверья: что при огне спать не ложиться.

— Ладно, — отвечает, — мне причем огонь-то. Какая поверья есть, так и спать будем.

Вот постелила Маша постель, говорит:

— Можете застилать, а когда свет погаснет, я к вам приду.

Она убежала на кухню. А у них горнична лет пятнадцать одна жила.

Маша этой горничной говорит:

— Спаси мою жизнь, ночуй с офицером. Я полцарства тебе отдам. Эта горнична согласилась царицу спасти. Царица ее аж душит от радости. Надела на нее свое белье и суперик свой дала.

Огни потушили. Пошла горнична к офицеру ночевать. Давай он ее обнимать, целовать. Уж время ей от офицера идти, а то светло будет. Он и говорит:

— Я, Машенька, еще колечко с вас содеру. А то я знак-то памяти какой же мужу твоему привезу.

Он кольцо с нее снять никак не может. А уж время подошло идти ей. Он взял пирочиный ножик и обрезал кольцо вместе с пальцем.

Я,— говорит,— не только суперик, но и палец твоему мужу привезу.

— Ой, ой,— побежала к хозяйке эта горнична.— Ой, чо он со мной сделал!

Хозяйка горничну в больницу увезла, а свою руку забинтовала, завязала и на тепляк¹ привязала.

Приходит в комнату к нему. У ней рука на тепляке завязана.

— Вот вы чо со мной седни сделали.

— А не будут ваши мужья шибко в вас вверяться. Я ему даже палец ваш с супериком привезу. И его повесят, чтоб шибко не вверялся. До свиданья.

Вот после этого Машенька сходила в больницу и справку взяла и метрики свои взяла, следом за офицером поплыла на легкой шлюпочке. А переоделась в мужчину.

Значит, офицер этот плавает, и Маша плавает туда же. Офицер приплыл первый. Заходит к этому царю.

— Вот ты своей жене вверялся, суперик-то чей?— Твоей жены и вместе с пальцем.

Посадили царя в тюрьму и присудили к смертной казни.

А за офицером Машенька туды же приплыла. Давай это Маша спрашивать, где, кто и как, своих искать. Зашла в буфет, ей все там рассказали, что его, мол, уж завтра на висельницу повезут, твоего товарища (так как все думают, что она мужчина).

Тогда побежала она в тюрьму, где он сидел. Ей говорят, что сейчас его поведут в баню и на висельницу (почему-то раньше перед висельницей в баню водили).

Ну и побежала эта Машенька караулить у бани, как ее мужика поведут. Вот видит Машенька — ведут ее мужика в баню. Она банщика перепросила:

¹ Тепляк — темляк, лямка.

— Я вам щедро уплачу. Пустите меня к этому товарищу ненадолго поразговаривать перед смертью.

Банщикам она заплатила — они впустили ее. Вот забегает она к нему в баню. Его будто бы вперед пустили, а ее позадах. Поздоровалась. Он такой сердитый и нисколько ее не узнал (она-то еще волосы с себя сняла под мужской лад).

— За что ж ты, молодец, попал? — спрашивает Маша.

Он ее к такой матери отправил:

— Мне и так не до тебя.

А она опять:

— Ведь это самая я. Ведь у меня руки-то целые. Не бойся ничего. Ты к висельнице, как к куме на именины сходишь.

А она уж все обхлопотала и документы все оформила, и форменную расписку взяла. Да и горничную туда же привезла. Царя и оправдали, а офицера повесили, да еще и приговорили: тебе бы, мол, корову ночью-то привели, ты бы и с коровой ночевал?

Потом Машенька с царем вернулись домой, стали жить-поживать и добра наживать.

А горничную они так век и кормили — беспальную.

СКАЗКИ М. М. БОЛДАКОВОЙ

Нелегкая жизнь выдалась у Марии Марковны Болдаковой. Родилась она в 1888 году и почти все свои восемьдесят лет прожила в приленской деревне Грузновке. «Жили-то богато, дом на девять сажень, и лошадей, и коров, и овец — всего много было. Да только я, грешная, добра не видела, все чертомелдила». Мать была хорошая, а отец «злючий, чуть маленько не так — захлестнет...» Утром, темно еще, только вскрикнет: «Вставай!» — так горохом с постели соскочишь, а мне шесть лет. Соскочишь и скорее за прялку. «Кто прялку изломат — тому голову изломаю», — скажет, бывало, тятя».

Не видывала «добрых дён» Марковна и в девках. Гулять времени не было. Вместе с отцом охотничала: белок, соболей добывала. «За сободем-то и день, и ночь идешь. Уставать тут некогда». В зимовье одна неделями жила — не боялась. Зимовья стояли далеко в тайге, за пятьдесят-семьдесят и более километров от деревень. Ставили их высоко, на столбах, чтоб уберечь от весеннего половодья. Иначе нельзя: в зимовье годовая провизия — кадушки — дублянки с сухарями, крупой, солью; там же ловушки,

и режь¹ и сети, и невода. «Не страшно, скучно ночью только. Так я мышам крошечек покрошу, чтобы бегали», — вспоминает Мария Марковна. Осенью и зимой били зверя, летом — брали ягоду — «брусницу, горстью зачерпнешь, так в горсть-то не входит»; ловили рыбу. «По одному плеску раза два протянешь — и мешок рыбы. Ее ко ключику, яму выкопаешь и в яму, чтоб не пропала. А когда лень за ней лодку выплавлять, так и идешь выюшным, мешка два рыбы несешь... Я все больше пешком бегала. С тангусской котомкой, так меня тангуской и звали». Марковна и впрямь чем-то походит на тунгуску, с чуть раскосым разрезом глаз, с серьгой в одном ухе, продетой вместе с пучком гусяного пуха. Она в свои восемьдесят один очень подвижна: и сейчас ходит по много километров пешком». Глаза только худые, а то бы срезала и белку: рука еще крепкая, не дрожит».

Места, в которых прошли молодые годы Марковны, были беспокойны: «много здесь

¹ Режь — вид сети для ловли крупной рыбы.

бродягов, разбойников было». Некоторых свои же односельчане «впоталя» держали, да кое-кто из местных «пошалывал». «Эй деревеней наций «Покойный» ручей есть, — рассказывает Марковна. — Однажды деваку разбойники поймали там (она брату тащила хлеб на покос). Наталкались, а потом береву соизлили, да косам к вершине и привязали, берева выпрямлять — лист всю ее обнял и скрыл... Люди ее нашли потом уж, по запаху, когда пропадать стала... С той поры тот ручей «Покойным» зовут».

Страшные истории из далекой своей молодости помнит Мария Марковна Болдакова: и о разбойнике Петре Кормиловиче, который всею семьей вырезал, и об односельчанине Егории. «Корявый он был, черный, глаза с кровью ходили... Сам здоровуший, а жена — во како озеретшко. Приащит он ей три прищоршки земли: «Съешь, Таня, — жить хорошо станем». Она съест, а он опять такой же... Тоже разбойник был, сколь людей погубил, а потом и сам задушил».

Особенно страшно было в двадцатые годы, когда белые шли. «Придут в ограду: «Давай молока, того, сего, а нет — титки обрежем».

Груановка стоит на самом берегу Лены, единственной дорогой, связывавшей раньше волотые прищиски и поселения каторжан с «большой землей». Много разного люда проходило и проплывало мимо этого большого приленского села, «Всячина тут бывала... — вспоминает Марковна. — По Лене плыть — под пулю идти, говорили у нас в старину».

Но однажды по зимней ленской дороге пришел в семью тогда еще совсем молодой Болдаковой человек. По деревенскому обычаю первым делом предложили «странно-му»¹ поесть. «Дак он и спасибо не скавал, скачком скокнул к столу».

— Ты чо больно прыток и спасибо не говоришь? — нахмурился отец.

— Дак опасасюсь... Пришел я ноне к одной отдохнуть, ну хозяйин, как ты же, и говорит хозяйке: «Тащи, старуха, прохожему поешь». Я, как водится: спасибо, мол. А он: «Тащи, старуха, щи обратно. Мы к нему

с хлебом-солью, а он — бродягой тащется». Я как обиделся, от стола и вышел».

Время «то»² прошло, войны были: «Тащи, старуха щи!» О, уж тут я сидела за стол и скан. Приел и говорит: «Спасибо». «Вот тапер» и говори, — отвечает хозяйка. — А то мы к тебе с хлебом-солью, а ты с бродягом торгуешься».

— А ты заливало, — ухмынулся отец.

С тех пор «заливало» и поселился в семье Марии Марковны Отменным пшеником и сказочником оказался прохожий. Жил всю зиму в бане, катал валенки и скачивал сказки. А по весне ушел, как растаял».

Вот от него-то и переняла много сказок Мария Марковна Болдакова и еще от местного дедо-пастуха, с которым они вместе скот за реку конили. «Ране-то я си, а может, и боле сказок знала. Плету сети да и рассказываю. Вечере-то дожи. Мы все с дочкой сидели, еще и в войну с дочкой: «стерлянових-то не было». Марковна и сейчас плетет сети, подрабатывает. За этих зимних мы и застали ее, приплыла в Груановку».

Свои сказки Болдакова перемежает бесконечными легендами, побывальщинами и просто «страшными» историями, частично домысленными, частично действительно имевшими место на Лене в те давние годы.

Не они ли, эти печальные, а порой и трагические события, которые в дореволюционные времена имели место в некоторых приленских селах, а также тягостные впечатления детства и молодости в родительском доме наложили особую печать на сказки Марковны? Не потому ли в них так часто врываются моменты жестокости, так редки теплые дружеские отношения между героями:

«У одной матери было двенадцать сыновей, а тринадцатая — дочь. Ну, братево, известно дело, се обижают. Они, чо же, по разу ударит — двенадцать побатух-то! — так начинается Болдакова сказку «О двенадцати братьях».

И незвольно всплывает в памяти один из эпизодов далекой молодости сказочницы: «С коням-то горюшка я хлебнула! Сколь побатух из-за них видела. На конюшню-то

¹ Странный — странник.

² Побатуха — оплеуха, удар.

К сказке Р. Е. Шеметовой
«Ниппенка»

отец или брат разве поедут коней перевязать? Не-ет, все я. Однажды конь отвязался да и убежал. Так я до Дядино за ним бежала (а это километров семьдесят!). Вернулась, мать говорит: «Ой, уходи скорей: отец-то злючий—убьет, пересиди где-нибудь, пока остынет...»

Сказка о двенадцати братьях, превращенных злой мачехой в птиц, и сестре, разыскивающей их, хорошо известна в международном сказочном репертуаре. Читатели прекрасно помнят нежную и мужественную девушку, самоотверженная любовь к братьям которой рассеивает колдовские чары. Трогательной заботой платят ей и братья. И я, пожалуй, не ошибусь, если скажу, что из всех известных вариантов этой сказки только в устах Марковны традиционно дружеские отношения между родными людьми окрасились мрачным настроением вражды. Притом сказочнице и в голову не приходит порицать такие отношения сестры и братьев, для нее это — «известное дело» и по-другому быть не может.

И проклинает братьев, обращая их в голубей, не мачеха, как это обычно случается в подобной сказке, а родная мать, невзлюбившая сыновей за их грубое обращение с сестрой. Но сестра все-таки пошла их разыскивать, но пошла потому, что «мать старая стала» и «в хозяйстве помочи нет». Однако вражда братьев к сестре не прошла и за несколько лет разлуки: «Это не сестра ли, наша злодейка, здесь?» — говорят они, почуяв постороннего в их «дыре», — «чичасы разорвем ее».

В сказках Болдаковой вообще часто находя отражение жестокие семейные отношения, имевшие место в некоторых сибирских кулацких семьях. «У старухи было два сына. Не дадут старухе кусок — голодовать должна, — начинает Марковна сказку про старуху-ворожею. И, помолчав минуту,

добавляет: «Да у матери сердце в дите, а у дети — в камне».

В сказках Болдакова показывает и удачливого хозяйственного человека, явно сочувствуя ему. Так заканчивая сказку «Смелый» — о ловком деревенском парне, сумевшем и жениться выгодно, да еще и ограбить разбойников, сказочница говорит: «Ну, а ему чо? И свои воза наторговал, и у разбойников деньги забрал... Чем плохо?»

Сказки Болдаковой предельно приближены к жизни, притом далеко не к лучшим ее сторонам, а именно тем, с которыми столкнулась сказочница неудачливая ее судьба. И основной интерес в сказках Марковны прикован к тем или иным проявлениям быта. Может быть, именно потому сказки ее почти лишены обрядности (за редким исключением). В них нет традиционных зачинов и концовок и других сказочных канонов. Начинаются и кончаются они обычно какой-либо сентенцией: «Вот ее верность, и вот ее право», — так заканчивает она сказку о Семилетке, взявшей верх над мужем хитростью и любовью.

Еще любопытнее звучит конец сказки о старухе-ворожее, вся сила которой заключалась в исключительном умении к месту сказать меткое народное слово. «Вот что значит приговора-то — в них вся правда. Так раньше многи кормились приговоркам — в них вся правда, а не в картах — в них я не верю!»

Характерной концовкой для сказок Марковны являются какой-нибудь житейский «страшный» рассказ, бывальщина или даже ее фрагмент. Помирились братья со своей сестрой и полетели все вместе домой. «А пока они летели, — говорит сказочница, — мать за них богу молилась и замолила их. Вошли дети домой, она на них взглянула и на песок рассыпалась».

Таковы некоторые особенности сказок М. М. Болдаковой.

20. ЧЕРНЫЙ УЖ

одной деревне были три девушки-подружки. Пошли они как-то к морю купаться. Одна и спрашивает другую:

— У тебя какой жених?

— Такой-то,— отвечает та.— А у тебя?

— А у меня такой-то.

— А у тебя кто?— спрашивают они третью.

Она и отвечает:

— А мой муж — черный уж.

Вот те двое искупались, оделись, а третья-то вылезла из воды, смотрит — на белье ее уж лежит.

— Отдай мне белье, уж,— говорит она. А он ей человеческим голосом отвечает:

— Пойдешь за меня замуж — отдам.

— Пойду.

Он белье отдал и говорит:

— Иди домой, собирайся, с отцом-матерью попрощайся, приходи сюда на берег и скажи: «Уж, я — здесь».

Она все так и сделала. Простилась с отцом-матерью, пришла на берег с узелком и сказала: «Уж, я — здесь». Он выплыл в легкой шляпочке, посадил ее и уплавил в синее море на дно.

Там прожила она с ужом пять лет. У ней уж девочка большенька и мальчику третий годок. Захотелось ей к своим родителям в гости съездить. Стала она проситься у ужа: отпусти да отпусти тятку с мамкой проводить.

Он говорит:

— Ладно, отпущу вас. Только вы меня не сказывайте, как живу и где.

Выплавил он их на берег, пришли они ко своим. Она-то как разоделась, что сестрам и во сне не снилось, не грезилось. Вот пьют все, гуляют, — оборони бог, как! Как ее ни спрашивают про мужа — она ничо не рассказывает.

А сестры хитры. Взяли да девочку-то и облестили.¹ Она и рассказала все:

— В синем море, на дне морском, живем мы. А наш тятка — черный уж.

— А как домой-то вы попадете?

— А мы придем на берег да скажем: «Уж, мы — ево!»² Он и выплывет за нами на легкой шляпочке.

Вот сестрыны мужья ей ничо не сказали, пошли сами к морю да и выгаркали³ ужа. И так избили его — он чуть живой в море уполз.

А жена его не знает ничо. Отгостила, собрала детей, пришли к морю, она и крикнула: «Уж, мы — ево!» Он выплыл еле-еле и говорит:

— Ведь наказывал я вам обо мне ничо не сказывать. За эту вину ты, сын, век будешь соловьем летать, а ты, дочь, век порхатъ будешь крапивной пташкой, а ты, жена, кукуй кукушкой! И своего гнезда у тебя не будет и детей знать не будешь, так кукушкой и изведуешь, изоднишься.

Оборотил их всех, кем сказал, сел сам в легку шляпочку и уплыл в сине море.

21. [ЖЕНА-ОБОРОТЕНЬ]

Мать с сыном жили. Задумал сын жениться. Взял девушку из одной деревни.

Прошла свадьба. Живут. Мать направит кушать⁴. Она ничо не кушает. Хлеб не кушает — вот чо! А вытаскивает из кармана ложкой рис и ест его. Неделя, другая проходит. Она все рис да рис ест.

¹ Облестить — обольстить.

² Ево — тут, здесь.

³ Выгаркать — вызвать, выкликать.

⁴ Направить кушать — приготовить, накрыть на стол.

Сам-то пошел к одному старичку:

— Ты скажи, чо делать, дед? Я вот женился, а жена у меня ничо не кушает. Хлеба-то не ест, а один рис.

— Я сказывать тебе не буду,— говорит дед.— Ты сам подсмотри.

Вот ладно. Настала ночь. Легли все спать. Он захрапел, буд-то спит, а сам слушает. Вот она соскакивает с постели. Одним ухом к нему приложилась, другим приложилась — спит. Надела на себя все белое и побежала на кладбище. Он — за ней. Спрятался там на угоре.

А ночь светлая, месяц — вот такой! Все видать. Смотрит: она могилу свежую разрыла и давай покойника жрать. Потом, когда уж зарывать его стала, муж домой вернулся, лег и притворился сонным. Она прибежала, тем ухом к нему приложилась, другим приложилась — спит.

А утром опять то же. Мать на стол собрала. А она опять в уголке сидит да рис ест. Муж ее и спрашивает:

— Ты чо, жена, хлеб не ешь?

— Не хочу.

— Видать, покойник-то тебе вкуснее?

Она как схватит флакон одеколона, sprysнула его с головы до ног и сказала:

— Был ты молодцом — сделайся кобелем.

Он тут же сделался кобелем и побежал. Бежал, бежал. Прибежал в другую деревню. Ну чо же? Собаки его крутят, рвут, а он кушать хочет. Ум-то у него человечесий!

Забежал в один двор. Там на нижнем этаже сидит купец, паужинает. (Купцы-то они всегда паужинают.) Он подбегает к нему и смотрит на купца. «Чо это за собака? — думает купец. — Такой у нас не было». Бросил ему кусок сырого мяса. Но чо же он будет есть сырое мясо? — ум-то у него ведь человеческий. Он и отодвинул лапкой кусок. Купец подумал и ломоть хлеба бросил ему. Он хлеб съел и лапкой вот так сделал и головкой покачал — поблагодарил, значит.

Купцу очень понравился этот кобель. Какой-то на других не похожий. Он взял его и заманил — у себя оставил. Ну кому же такая собака не поглянется — ум-то у него человечесий! Все понимает. Куда хозяин ни пошлет его, все сделает, как надо все справит.

Теперь пришел к этому купцу один бродяга, принес фальшивые деньги — двадцать копеек.

— Худые это деньги,— говорит купец.

— Нет, хороши,— спорит бродяга.

— Ты чо со мной споришь? Я сейчас своего кобеля позову. Он у меня все понимает.

Сгаркал¹ кобеля. Тот прибежал, лапкой так и так повертел монетку-то и бросил бродяге: худые, мол.

Тут молва прошла: у купца необыкновенная собака есть — все понимает.

А в той деревне старушка жила с дочерью. Вог ей, старушке-то, и подозрительно стало: чо это, мол, за собака, уж не оворотень² ли какой? Пришла она к тому помещику во двор, пристально так посмотрела на того кобеля и зачала его так тихонечко манить. Приманила к себе в дом и говорит своей дочери:

— Это оворотень. Прыскни на него вот из этого флакончика и скажи: «Был кобелем, сделайся молодым».

Она прыснула на него и сказала, как мать велела. Тут же он сделался снова человеком.

— Кто же это так изурочил³ тебя? — спрашивает старуха.

— Жена, — отвечает он.

А старуха и говорит:

— Ишь кака молода свистунья. Она ведь у меня училась. Вот мы тебе дадим два флакона. Из этого наперед прыскни на нее и скажи: «Была молодница, сделайся кобылицей». Только мигом делай это. Если же оробеешь, она тебя опять кем-нибудь оборотит.

Приходит он домой — она за столом сидит. Ой, и оробела же она, прямо ужаснулась, как мужа увидела. Он быстро прыснул на нее и пересговорил:

— Была молодница, сделайся кобылицей.

И тут же стала она кобылицей. Он пошел в кузницу, сковал три прута: железный, медный, и стальной. Потом давай ее по деревне гонять, да прутьями этими стегать. Нагоняет, нагоняет, устанет — к столбу привяжет, пойдет покушает, чаю попьет и опять. Все прутья об нее исхлестал. А старуха ему сказала:

— Ты до тех пор ее гоняй, пока она не упадет на колени, голову на плечо тебе положит и заржет. А до тех пор не попускайся, все гоняй и бей.

Так он ее и гонял. Наконец, она упала на колени, голову на плечо ему положила и заржала. Он взял тогда другой флакон и прыснул на нее. Она человеком стала и сказала:

— Отныне и до века ничо худого я больше делать не буду.

Все-таки доконал он ее.

¹ Сгаркать — позвать.

² Оворотень — оборотень. По суеверным представлениям, человек, колдовством превращенный в животное или предмет.

³ Изурочить — по представлениям суеверных людей, причинить зло словами.

22. ЧЕВРЯЧОК

Старик со старухой жили. Детей у них не было. Вот как-то раз был старик на работе, а старуха пошла дрова колоть. Расколола одно полено, а там чеврячок. Вот тебе и на: чеврячка из полена выколола. А этот чеврячок-то и говорит ей человеческим голосом:

— Возьми меня, бабушка, и в печурку положи. Я тебе сыном буду.

Приехал вечером старик. Она бежит к нему:

— Ой, старик, старик, я тебе сына нашла!

— Как?

— Колола дрова и из полена чевряка выколола. В печурке лежит.

Старик посмотрел — правда: лежит в печурке чеврячок. Он день лежит чевряком, а ночью такой молодец делается и им все делает, помогает по хозяйству.

И вот сколь-то времени проходит, он и говорит:

— Дед с бабой, я жениться хочу.

— Да на ком же, сынок?

— А у царя три дочери есгь. Ступайте к нему, только сватайте за меня младшую дочь.

Они поехали и высватали у царя младшую дочь. Царь сказал им:

— Одну условию я только ставлю: чтоб от меня и до вас был хрустальный мост и по ту и другу сторону он него текли реки серебряны. и балесник был бы, и всяки ягоды росли.

— Все исправим, — сказали дед с бабой. — Только ты свадьбу делай скорей.

Вот сделали свадьбу, отгостили, отгуляли. Живут.

Через какое-то время приглашает их царь в гости.

— А как же я тебя-то повезу? — спрашивает чеврячка жена.

— Заверни меня в полотенце и в карман, а там пусть меня в тарелку положат.

Приезжают они к царю. Царевна вытаскивает его из кармана и на стол в тарелку.

А сестры ее говорят:

— Эх ты-ы! И за кого же ты замуж вышла — за чевряка!

Она отвечает:

— Это он только день в курлупке-то,¹ а ночью такой красавец да работает-то во как!

— Да ты погляди, куда он курлупку-то положит да и сожги ее.

Вот приехали они домой. Легли спать. Она и подглядела, куда он курлупку-то клал. А как уснул муж, она встала да и сожгла его курлупку. Он

¹ Курлупка — скорлупка.

утром встал, а курлупки-то нет! Тогда он взял чугунное платье на нее надел и сказал:

— Когда ты снимешь с себя чугунное платье, тогда и меня найдешь. Сказал и исчез.

Она и с избы-то прыгала, и так, и сяк билась — ну мыслимо ли дело чугунное платье разбить? Разбила все-таки. Сняла его с себя и говорит деду с бабой:

— Вы как хотите, а я пойду мужа искать.

А он уж в чужой державе. И женился уж там.

Вот она шла, шла, шла. Вот и свою землю проходит. Надо ей ночевать где-то. Она зашла к одной старушке и говорит ей:

— Бабушка, пусти меня ночевать.

А та:

— Да кака ты, да чья, да куда, да откуль?

— Нет, бабушка, ты прежде меня напои, накорми, а потом и спрашивай.

Накормила, напоила ее бабка и снова пытается:

— Ну чья ж ты и откуль?

— Я пошла мужа разыскивать. Не знаешь ли ты чего о нем?

— Я-то не знаю, а сестра моя знает. Я дам тебе клубочек. Куда он покатится, туда и ты иди.

Клубочек катился, катился и ко крыльцу прикатился. Она взошла на крылечко, постучала:

— Бабушка, можно ночевать?

— Да кака ты, да чья, да куда, да откуль?

— Нет, бабушка, ты прежде меня накорми, напои, а потом и спрашивай.

Она ее накормила, напоила и спрашивает:

— Ну чья ты, куда идешь?

— Я мужа разыскиваю. Не слыхала ли ты чего о нем?

— Да знать-то я его не знаю. Но слышала кое-что. Иди-ка ты к младшей сестре, она укажет.

Подала бабушка ей опять же клубочек, и она пошла за ним.

Пришла к младшей сестре.

— Бабушка, пусти ночевать.

— А кто ты, да чья, да куда, да откуль?

— Ой, бабушка, ты прежде меня напои, накорми, а потом и спрашивай.

Она ее напоила, накормила. И царевна все ей рассказала.

— Я знать знаю, где он. Но тебе трудно будет его достать. Он в такой крепе¹ сидит, что никто туда не проходит.

¹ Креп ь — крепость.

Но она пошла все-таки. Заходит в тот город, где та крепь стоит. Дожила в нем до воскресенья, а в воскресенье пошла в церковь. И в ту же церковь пришла та жена, на которой он теперь женился. Эта баба-то богу не молилась, а все на царевну смотрела. И не столько на нее, сколько на ее платье. Шибко красивое было платье на ней, вот та и обзарилась.¹ Подходит потом к первой-то жене и спрашивает:

— Продажно платье ли нет?

— Нет, оно не продажно, а заветно.

— А в чем завет?

— А в том, чтоб с мужем твоим ночевать.

— Ладно.

Стал вечер. Она пошла к нему. Да ей надо не ночевать, а лишь его узнать и чтоб он ее узнал.

А эта-то змеевка пришла из церкви и напоила его сонными каплями. Ну чо же, он и лежит, как мертвое тело. Запустили законную жену. Она его и будила, и плакала, и целовала, и добудиться не смогла.

Прошла ночь, приходит втора жена и говорит:

— Ну, сука, от кобеля долой.

Она заплакала и пошла прочь.

В другое воскресенье опять пошла она в церковь. Еще лучше платье надела. Та опять же обзарилась на него, пристала к ней:

— Продажно платье?

— Нет, заветно.

— А в чем завет?

— С мужем твоим ночь ночевать.

Ну та опять так же опоила его сонными каплями. И все опять так же было.

Он потом прислуге и говорит:

— Чо это со мной? Я ничо не делаю, а у меня все тело болит.

Прислуга отвечает:

— Я ничо тебе сказывать не буду. А вот когда жена из церкви придет, обед приготовит и в рюмке винца тебе поднесет, ты то вино не пей — тогда сам все узнаешь.

Ладно. Вот пришла его жена из церкви. Подает ему рюмочку. Он незаметно ее вылил и притворился, что спит. Тогда она ту законную жену запустила. Он открыл глаза, она заплакала и говорит:

— Я уж сколь времени тебя ищу. Уж три платья отдала.

Так они всю ночь проплакали и проговорили.

Утром та заходит и говорит:

— Ну-ка, сука, от кобеля долой.

¹ Обзариться (на что-то) — страстно привязаться глазами, влюбиться.

А он и отвечает:

— Ты-то вот сука, а она законная жена,— уехал с ней. А та осталась без ничего.

23. СТАРУХА-ВОРОЖЕЯ

У старухи было два сына, да обои лени. Не дадут старухе кусок — голодовать должна!

Но и сидела старушка голодовала-голодовала, думала-думала и удумала:

— Сыновья, коновязь-то у купца в березняке. Сходите-ка туда. Коней-то возьмите да за город к пенькам и привяжите.

Они это живо сделали. Побежали, коней барских отвязали от коновязи, к горам завели да там и припутали.

Работники пошли коней-то перевязывать — а их нету. Прибежали работники к купцу и говорят:

— Кто-то коней увел. (А ране все цыгане уводили.)

А эта старуха свое дело знат. Села на завалинку и сидит-посиживает. А купец бега-а-ат! — коней ищет. Пробегает мимо ее, а она ему и говорит:

— Ты чо, батюшка мой, запечалился?

— Да не говори, бабушка, кони потерялись.

— Дак ворожить надо.

— Надо бы. Да кто же сворожит?

— Да я мало-мало умею.

Разложила карты.

— О, батюшка мой, они вот в таком-то месте к пенькам припутались.

И вот пошла слава: старуха-то правду ворожит!

Пришла зима. У купца шкатулка с деньгами потерялась. Чо теперя? Этот купец говорит:

— Старуха-то правду ворожит. Надо съездить за ней, чтоб сворожила.

Но все-таки решил проверить ее и работникам наказывает:

— Убейте ворону да в печку запихайте. (Старуха, мол, узнат или нет.

Если правду ворожит, то должна узнать, что в печке ворона.)

А старуха-то эта все с приговоркам. Она отродясь в халупочке жила, в таких хоромах-то и не бывала. Зашла, оглянулась так вот по сторонам и говорит:

— Ох ти, мнешеньки! Залетела ворона в царски хоромы.

А купец и смекнул: ишь, догадалась старуха, узнала правду-то:

— Выгаскивайте скорей ворону! (А это така приговорка у ней была — она ничо не знала.)

Ну истопили старухе баню. Сегодня, мол, уж ворожить не будем. Сходи, мол, сегодня в баню. Она в задний жар залезла на полочку.¹ А мужик, который украл шкатулку, стоит за дверью и слушает: чо, мол, она скажет, то мне и будет. Старуха парится да приговаривает: «А чо будет спинке, го будет и горбинке».

Вор-то думает: «И правда — мне будет спинке и горбинке — ведь меня изобьют».

Выпарилась старуха. Выходит из бани, а вор-то и пихат ей шкатулку: — На, бабушка, возьми. Только на меня не сказывай.

Она взяла ее и загребла в одном месте под снег. Ночевала, а утром стала ворожить: «Да чо туг — она в таком-то месте в снегу затоптана».

Купец пошел — ну верно! Опять старуха всю правду сказала. А платить-то ему жалко. Вот он и удумывает, как бы обмануть ее. И наказывает работникам:

— Нагребите ей воз шавлей² конских и воз хлеба.

Работники нагребли два воза и поставили рядом. Она оделась, идет, садится на конски говна и опять с приговором:

— Садилася Домна на конские говна.

Купец-то и кинулся к ней:

— Ой, бабушка, неладно сядишься-то. Вот твой воз. Сюда надо!

Так и выворожила старуха воз хлеба.

Вот что значит приговорка-то — в них вся правда. Так раньше многи кормились приговорам — в них правда, а не в картах — в них я не верю.

24. КРАЮШКА

В одной деревне жили два брата. Один богатый, другой бедный. У бедного брата ребят шибко много, а у богатого сколь есть, но он богатый!

Бедный брат бился, бился. Ну совсем с голоду пропадат. Однажды и говорит своей жене:

— Ты, жена, оставайся, одна майся, а я свои глаза скрою.³

Убежал, чтоб горя своего не видеть.

Шел, шел и пристал. Смотрит — стоиґ наклапая листвень.⁴ Сел под нее, отдыхает. Вдруг видит какой-то старичок стаю волков гонит. Он испугался, залез на листвень и сидит.

¹ Полоч — в русской бане в углу возле каменки сооружается помост, на котором парятся.

² Шавлей — шавли — замерзший конский или коровий помет.

³ Скрыть глаза — уйти, убежать.

⁴ Наклапая листвень — склонившаяся лиственница.

А старичок подогнал стаю к этой листвене и давай их хлебом кормить. Накормил, а краюшка-то осталась. Он подает ее бедняку и говорит.

— На, мужичок, это, стало быть, твоя краюшечка,— и погнал стаю дальше.

Слез мужчина с дерева, ел, ел, а краюшечка все цела. Он думат: я-то сыт, а ребята дома голодны сидят. Скорей припустил домой и всех той краюшкой накормил, а она все не убыла. Стала вся семья его поправлять-ся с той краюшечки.

Увидел это богатый брат и раздумался: чо это бедный-то так поправился, пошто лучше меня живет? Побегу спрошу его.

Пришел к бедному брату. Тот его за стол усадил, чаем угощает. Богатый его и спрашивает:

— Скажи, брат, чем ты так поправился? Ты ведь хуже меня жил!

Бедный все как есть и рассказал ему:

— Я бился, бился, а потом и говорю жене: оставайся, мол, одна, а я свои глаза скрою. И вот побежал. А ты знаешь листвен-то наклепая там на расстанье?¹

— Знаю.

— Вот я под нее и сел. Только сел, слышу — шум, гам! Гляжу — старичок с волками. Стал под лиственью и давай их хлебом кормить. А потом мне и говорит:

— Это как же, мужичок,— я давал всем по ровной части, а у меня осталось. Это, верно, твоя?

Наелся я да и сдумал о детях, всех накормил. Вот с той поры я и стал поправляться.

Богатый думат: а-а! Так я завтра тоже побегу.

Утре говорит жене:

— Оставайся как знашь, я побегу, куда глаза смотрят.

Прибегает к той листвене. Скоро и старичок с волками показался. Он залез на дерево, как учил бедный брат. А старичок стал под лиственью и давай волков мясом кормить. Тому, тому, всем дал, а одному не хватило. Он задрал голову и говорит волку:

— Евон-то твой кусок мяса,— волк и кинулся на него. Свалил с листвены, герзал, терзал его, тот еле домой прибежал. Сидит дома. Никуда не вылезит. Смутной² какой-то стал. Потом и говорит своему сыну.

— Сын, свози меня в церкву.

— Как?

— Заколоти в бочку, да и свози.

¹ Р а с с т а н ь е — место, где расходятся дороги.

² С м у т н о й — озабоченный, грустный.

Сын так и сделал. Только выехали они за деревню, смотрят — лежит младенец на дороге и плачет.

— Папа, младенец лежит и плачет. Что с ним делать?

— Давай его сюда в бочку.

Он ему дал младенца. До церкви доехали, сын бочку-то распечатал, а там от отца-то только лоскутья — вот тебе и на! А оттуда волк высочил.

25. СЕМИЛЕТКА

Жили два брата. Один богатый, а этот бедный. У бедного одна-единственная дитя, девочка-семилетка.

И вот как стало ей семь-то лет, она говорит отцу:

— Тятя, сходи к богатому дяде да попроси каку-нибудь худеньку корову или телочка. Я буду за ней ходить.

Пошел он к богатому брату.

— Брат, а брат, дай каку-нибудь худеньку коровенку.

— А кто ходить за ней будет?

— Да дочь.

Но богатый разве когда даст хорошу. Он говорит:

— Я вот на сорище¹ каку-то падлу вывез. Возьми, если она еще жива.

Пошел бедный на сорище, а там корова еще жива. Он взял ее и домой привел.

Девочка зачала ходить за ней. Коровенка оправилась, отелилась и по ведру молочка дает.

Увидел все это богатый, и его жадность давить стала. А раньше судили помещики. Пошел богатый к помещику и говорит. Так и так, мол, отдал брату хорошу корову, а теперь хочу обратно взять.

Велел помещик позвать бедного брата и говорит им обоим:

— Сейчас я вам загадку загану. Кто отгадает, того и корова будет. Вот скажите: кто всех милее, кто всех быстрее и кто всех жирнее?

Пошли братья по домам загадку решать. Богатого жена встречает.

— Что отобрал корову?

— Не-ет, загадку загнул помещик. Кто отгадает, того и корова будет.

— Каку?

— Кто всех милее, кто всех быстрее и кто всех жирнее?

А жена и говорит:

¹ С о р и щ е — место для отбросов.

— Да ты чо это? Да наши-то дети всех милее, быстрее-то всех наш жеребец, а всех-то жирнее наш боров.

— Ой, и правда, жена. Вот мы и отгадали.

Теперь бедный домой идет, запечалился. Чо же выкормил корову, а теперь брат отберет. Встречает его дочь-семилетка.

— Ты чо, гятя, запечалился?

— Загадал мне помещик загадку. Если не отгадаю, завтра корову отберет.

— А како загадку?

— Кто всех милее, кто всех быстрее и кто всех жирнее.

— Ну, эти загадки — не загадки. Ложись спать. Утро вечера мудренее ведь.

Лег бедный спать, а утром дочь и нашептала ему все отгадки.

Идут братовья к помещику.

— Ну как, отгадали?

— Я отгадал, — говорит богатый. — Всех милее наши дети, всех быстрее — наш жеребец, а всех жирнее наш боров.

Барину смешно стало.

— Ну, а ты чо скажешь? — спрашивает бедного.

Бедный и отвечает:

— Всех милее — сон, всех быстрее — мысли, а всех жирнее — земля.

— Молодец, верно отгадал. А кто это так отгадывает у тебя?

— Моя дочь-семилетка.

Тогда помещик дает ему маленькое веретезко пряжи и говорит:

— Скажи своей дочери, пусть она из этого веретезка выткет полотенце, чтоб утираться мне.

Запечалился старик: ну мыслимо ли из веретезка выткать полотенце? Шибко запечалился. Приходит домой. Дочь навстречу бежит:

— Ты чо, гятя, запечалился?

— Да вот дал мне помещик веретезко, чтоб ты полотенце выткала утром ему утираться.

— Не печалься, ложись спать. Утро-то вечера мудрене.

Утром они стали, покушали. Дочь подает отцу три прутика и говорит:

— Унеси их помещику. Пусть он из них сделает кросна,¹ пришву, навои, набелки, сережки, подножки и берда.² Тогда на них я ему и полотенце вытку.

Принес старичок помещику три прута и все сказал, как дочь велела. Помещик и думает: «Ох, кака она!» (а он холостой был), сам же говорит:

¹ Кросна — верстак — старинный деревянный ткацкий станок.

² Пришва, навои, набелки, сережки, подножки, берда — отдельные части ткацкого станка.

— Ты скажи дочери, что я завтра к вам в гости приеду.

Ой, старик पुще запечалился: чем угощать будем? Ведь помещик-то раньше заместо судьи был — боялись его. Встречает дочь тятюку.

— Чо ты, тятя, запечалился?

— Да помещик-то завтра к нам в гости собирается.

— О, тятя, это ничего. Иди спать. Утро-то ведь вечера мудренее.

А утром и объявляет отцу:

— Ты иди, тятя, на работу, а помещика я одна встречу.

Отец покушал и ушел на работу.

Едет помещик. Она его встретила, коня за повод взяла и говорит:

— За чо же я вашу лошадь привяжу — за лето или за зиму? (Это значит за телегу или за сани.)

А помещик-то растерялся и не знает, чо сказать. Она говорит:

— Ну, ладно, хоть за лето привяжу.

Привязала к телеге. В избу заходят, она спрашивает:

— Чем же вас угостить: то ли убытком, то ли прибытком?

Он опять ничо не понимает, чо ей ответить, не знат. Покушал у ней и поехал. На прощанье и говорит:

— Завтра ты ко мне в гости приезжай, но чтобы так: в одежде и без одежды, с гостинцем и без гостинца, не пешей и не конной.

Утром она стала, завернулась в ремежу — невода, поймала козла, села на его, а на гостинец взяла кота. Едет к нему.

Увидел ее помещик в окно и спустил цепных кобелей. Она в ворота, кобели на нее. Она им кота в глаза бросила. Кобели за котом, она в избу прошла.

Помещик и давай угощать ее да сватать. Высватал. Хорошо стали они жить.

Вот как-то раз пришли к ним два мужчины. Нашли они топор в лесу. Делили, делили, никак разделить не могут. Тому и другому надо. Просят помещика разделить. Тот делил, делил, тоже не мог разделить. А жена его стоит смотрит и говорит:

— А позвольте мне попробовать.

— Пожалуйста.

— Сбейте с топора черень и разрубите его пополам.

Они сбили, разрубили. Она одному дала половину, другому — половину, а топор себе взяла. Они вышли и говорят:

— Вот так, паря, помещица.

А ему, помещику-то, конфузно стало: как это баба умней его?! Он на нее осердился и говорит:

— Чо тебе мило, чо тебе любо, забирай и уходи от меня.

— Ладно, — говорит. — Только давай простимся хорошо. Выпьем вместе.

И сполла его до тех пор, что он упал. Крикнула тогда кучеру:

— Но-ка, кучер, запрягай лошадей! Да помоги мне мужа положить на телегу.

Села сама и поехали. Он посередь поля очнулся и закричал:

— А-а! Как я тут?

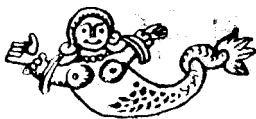
— А как? Ты сам мне приказал взять, чо мне мило, чо любо. Ты мне мил, ты мне люб — я и взяла тебя.

Помещик рассмешился совсем и говорит:

— Но давай заворачивай домой, еще лучше теперь с тобой жить будем.

Так и приехали.

Вот ее верность, и вот ее право.

СКАЗКИ Т. П. ДУЛОВОЙ

Как часто самыми прочными и на всю жизнь памятными оказываются первые впечатления детства: тихий полусвет в доме, запах смолистых поленьев, легкое их потрескивание в печи, песня или сказка матери — и голос, и руки, и лицо ее, склоненное над тобой. Многие годы и впечатления после, как бы ни были они сильны, не смогут заглушить этих первых, потому что в них все то, с чего ты начинаешься.

Так и у Татьяны Петровны Дуловой, шестидесятидвухлетней женщины из сибирской деревни Дальняя Загора, которая «уродилась здесь и состарилась здесь». Когда-то от матери или отца услышала она первую сказку, а потом их было много, потому что родители знали их несчетное количество и не было большей радости, чем слушать чудесные истории, будившие воображение и откладывавшиеся в памяти навсегда.

И, видимо, сумела Татьяна Петровна усвоить этот удивительный дар сказывать, если сегодня со всей округи бегут к ней ребята, чтобы, примостившись на завалинке, часами слушать ее. И, может быть, тем прежде всего трогают сказки Татьяны Петровны, что

проникнуты они прекрасными отношениями человеческой доброты и сердечности, которые постоянно руководят поступками их героев.

Нет нужды искать примеры. Они всюду. Сказка «Царевна-лягушка». Веселый пир, когда царевна вино льет за правый рукав, косточки кладет в левый рукав. Как смеялись над ней снохи в широко известном идентичном сюжете! Как злословили! А здесь? «Сели за столы дубовые... а молодухи... все поглядывают на младшую-то сношеньку — такая уж она красавица». Первая с испугом: «Гляди-ка, наша-то красавица — дурочка! Кости-то кладет за рукав за левый, а вино-то льет за правый». А вторая ей говорит: «Не-ет, это чо-нибудь она так, так. Чо-нибудь да будет».

И когда, подражая волшебному умению младшей, старшие лишь вином гостей забрызгали да костями в глаза попали, то пирующими, совсем не воспринимается это злобно. Напротив: «...было тут и смеху, и радости, и греха».

Такой же теплотой и приятностью проникнуты отношения брата и сестры в сказке «Спящая красавица»: «Все у них по согла-

К сказке М. М. Болдаковой
«Чеснотки»

сию, да по совету... Брат был постарше, сестра помоложе. Да такая уж она умница, да красавица, да добренькая. Всегда-то у них все дружно: ты мой Коля, а ты моя Аня».

По мнению Дуловой, только добро рождает добро, а жестокая неразумность неизбежно приводит к несчастью. «Вот как она ненависть-то до чего доводит. Вот! — объясняет она грустный финал сказки «Морозко». — Погибла доченька-то ее. Так нельзя жить. Надо дружно, да мирно, да в согласии».

Рассказ Татьяны Петровны очень эмоционален и сценичен. Дулова — сказочница-актриса. Она целиком перевоплощается в своих героев, как бы сливаясь с ними в одном переживании.

Отыскивает свою суженую Иван-царевич, «похудел, оброс», но все идет, «упорствует... никакая страсть его не берет». Вот и тот дворец, где томится его возлюбленная: «Ох, как он подошел, да как он ее выглядывал: где она там, за какими столбовыми дверями, да что она там делает? А как увидел, аж ахнул, чуть с ног не повалился. Она у него привязана, прикована, на цепи да к стене. Да бледная какая, худая, измученная. Ой, и закричала она ему...»

Но не только радуется или горюет Дулова вместе со своими героями. Положительные персонажи сказки настолько близки ей, что она делается их страстным «болеющим» и, повествуя, в то же время одобряет и подбадривает их по ходу действия. Спасаются от потопи «змеевых приспешников» Иван-царевич со своей невестой. Махнули платочком, что дала им бабка, и «родилось море, — да и невыносимое!.. и широко и глубоко... Бог мой, какие вы мудрецы-хитрецы! — восклицает сказочница. — Вот что вы сделали. Но ладно. Ступайте дальше».

Сказки Татьяны Петровны зримы и образны. В них и «вкусные красиво-румяные да пышные пироги», «белые и легкие холсты» и сказочная избушка «на курьих нож-

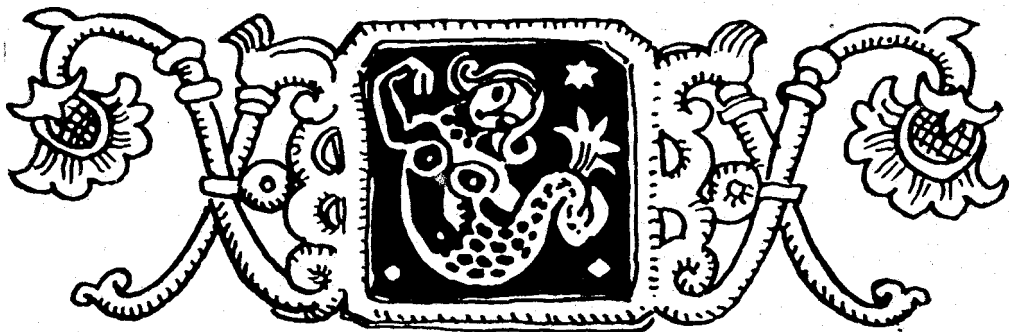
ках, на бараньих рожах», что стоит в «темном-темном лесу... вся мохом обросла. Окошечки-то и те росли в мох — чуть только пеликают»¹.

Дулова любит сказочную образность и дорожит ею вполне осознанно, постоянно подчеркивая это: «как по-обычному», «как по обычаю».

Сказки Дуловой больше всех других, представленных в сборнике, сохраняют каноническую образность и в то же время до краев наполнены соками реальной жизни. Это сочетание составляет, пожалуй, самую характерную особенность сказок Дуловой. Хорошо знакомый сказочнице деревенский быт, а также местные обычаи имеют настолько большую власть над художественным сознанием Дуловой, что порой совершенно меняют те или иные устоявшиеся представления и могут быть своеобразным историко-этнографическим документом. Так, в сказке «Спящая красавица» Чернавка дарит Аннушке кольцо, обладающее колдовской силой. Надела его на палец Аннушка и тут же умерла. И когда родители купца, который привез дорогую ему девушку в стеклянном гробу домой, решили в отсутствие сына похоронить ее, то прежде всего стали снимать с нее драгоценности. Но не корысти ради: «...раньше ведь не хоронили в этом, — поясняет рассказчица. — Говорили, что это грех: ведь кольцо, серьги, браслеты, бусы хорошую цену стоят — деньги». А в сказке «Царевна-лягушка», следуя распространенному в некоторых сибирских деревнях обычаю, согласно которому девушке и парню разрешалось брачное сожительство задолго до свадьбы, Татьяна Петровна меняет даже традиционную последовательность сюжета, перенося свадебный пир из начала в конец сказки.

Так органично сочетаются житейские понятия и сказочная обрядность в повествовании Татьяны Петровны Дуловой.

¹ П е л и к а т ь — мерцать.

26. ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, стоял городок. В городке жил богатый-пребогатый король. У короля у этого было три сына. Сыновья были красивые да богатые. Девушки на них зарились да заглядывались.

Вот однажды приказал отец всем трем сыновьям жениться, но не свататься. Сделал он им по стреле, раскидал в разные стороны и сказал:

— Куда ваши стрелы упали, там ваши и невесты живут.

Собрались братья в путь-дорогу.

Долго ли бродили сыновья, коротко ли бродили сыновья — старший вперед всех свою стрелу нашел, потом средний нашел, а младшему досталось много путешествовать. Ходил он, ходил и набрел на болото. Натывается на кочку, видит — в этой кочке его стрела воткнутая. Чо же это? Расстраивается он — нигде не видит невесты. А стрела — в болоте, да и в кочке. Какая тут может быть невеста? Берет стрелу, поворачивается и идет домой. Слышит: чо-то за ним шлепает. Оглядывается, — а там лягушка! Вот тебе! Он ее и гнал, и прутиком, и всяко. Все равно: как только пошевелится вперед — так и лягушечка за ним шлепает. Шлепает себе да и шлепает.

Долго ли шли, коротко ли шли. Наконец, приходят домой. А лягушечка наперед него — в куть¹ и под печь.

Стыдно ему было прогив своих братьев. На тебе! — всех моложе, всех красивее, а жена — лягушка!

Ну отец, как по-прежнему, задает им задание:

— Снохи мой-сношеньки, мой приказ для вас — закон. Сделайте мне работу, которую я вам задам. Вот вам столько-то муки, столько-то дрожжей, сахара, масла там несчетное число, — пожалуйста, испеките мне пирог, чтоб всем городом можно было покушать.

Зашевелились снохи, заходили, забегали — сколь хлопот! Сколь прислуг было, все помогали снохам. Только одна лягушка ничо не думала. А мужичок ее, Иван-королевич, так пригорюнился: чо же моя лягушка-то сделать может? Да ничего. Так уж и буду я, видно, хуже всех.

Приходит ночь, ложатся все спать. Иван же королевич все печалится. А лягушка ему и говорит:

— Не печалься, Ванюшка, не печалься. Поутру все будет готово.

— Ну как готово, как готово? Чо же ты можешь сделать?

— А я тебе говорю: не печалься — все будет готово.

Подымаются наутро пораньше. А пироги уже готовы — кто каких смог настряпать! Старшие снохи гордятся: вот, мол, мы женщины, как умеем готовить! А его лягушка чо, мол, может? Но когда понесли пироги на престол царю, то оказалось, что у Ивана-королевича жена-мастерица лучше всех. Ее пироги были столь вкусные, красиво-румяные да пышные. Ест царь не наестся, не нарадуется: вот это пирог, на славу всем! То ли благодарности получил Иван-королевич за этот пирог!

Ладно. Идет время, гянется, вперед бежит. Долго ли, коротко ли, но свекор-батюшка снова задает им задание:

— Вот, снохи мой-сношеньки, натките мне полотна столь, чтоб я им этот городок весь бы мог устлать.

Быль ли это была, сказка ли это только, но задание есть задание. Снова снохи работают, ночи не спят — ткут, прядут, белят, толкут холсты. Но и наткали подходяще и напняли также.

Только не шевелится одна лягушка. Ночью она дела справляет, а днем под печкой сидит в коже своей.

Но чо же? Пришло то-времечко, и холсты нужно нести королю-батюшке. Несут в охапках, везут на парах, на тройках. Но лучше холстов не нашли, как у лягушки: и белы, и мягки. Не налюбуеться, не нарадуется! И люди ходят любятются. Торгует батюшка-король холстами, но за лягушкины дороже всех берет. Радуетя Иван-королевич своей лягушке, радуется. И думает: чо бы это мне с ней сделать, как бы это мне шкурку ук-

¹ Куть — кухня.

расть лягушачью-то? Ведь она прекрасная красавица. Снимает же она ночью шкурку-то эту. Прекрасная красавица! Что же ему сделать? Надо ее подкараулить, наверно, и украсть эту шкурку.

Но время идет. Уже надо готовиться к венцу: пиво варить, пироги печь — работы много: три сына надо женить, три свадьбы надо сыграть — ведь все зараз под венец!

Приходит король-батюшка и дает задание:

— Вы мне должны просьбу выполнить — построить мосты хрустальные от теремов своих и до моего дворца.

Ночью вышла жена Ивана-королевича на крылечко, махнула это ручечкой-то:

— А ну, слуги! Батюшка-король задание опять задал. Стройте мосты хрустальные, да крепкие, да красивые!

Ну, строят слуги, колотят. Долго длилось это время. Работы много.

А Иван-королевич все свою думушку думает. И одну ночь, и другую ночь, и третью: «Обязательно украду шкурку, обязательно украду. Уж я свою красавицу всем покажу. Какая же она у меня пригожая да хорошая!»

Ну и пришла эта ночь. Только-то она разделась да крепким богатырским сном уснула, а он в это время да тихонечко, да под печку, да нашел там эту шкурку лягушачью, да вытащил, да скорее на шесток и сожег ее. Как только эта шкурка сгорела, так его красавица и проснулась. И говорит:

— Что же ты, милый Ваня, наделал? Соже-ег! Ведь ты меня больше не увидишь. Вот бы двенадцать-то дней прошло, я бы ее и так сняла. Это же заколдованная шкурка-то у меня, но теперь уже поздно.

Попрощались, поплакали. И она отправилась.

Шла ли она, летела ли — никто ее путь не видал. Только после этого Иван-королевич запечалился. И свадьбы отставили. Пошел он искать свою королеву.

Идет, идет. Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли — ничего не замечает. Только идет, упорствует. Похудел, оброс. И все идет, все идет.

Однажды видит: стоит избушка на курьих ножках, на бараньих рожах.

— Избушка-избушечка, повернись к лесу задом, ко мне передом.

Избушка повернулась к лесу задом, к нему передом. Входит Иван-королевич в сени. Усталый, вялый такой, есть хочет. «Эх ты, как же мне дверь-то найти?» Нашупал в темноте ручку, открывает, входит. Видит: сидит Яга Ягишна, ста-аренькая. Спрашивает он:

— Можно ли к вам зайти?

— Можно, Иван-королевич. За какими делами последовал?

— Да вот не накормила, не напоила, стала расспрашивать.

Ну бабка тут живо развернулась.

— Садись, Иван-королевич, покушай.

Ну, он по обычаю и сел. Наелся, напился и спать увалился. Бабка тут больше его не спрашивала. Когда по обычаю он отдохнул, наутро встал, все рассказал ей. Бабка на дорожку его наградила:

— Ступай, Иван-королевич, на тебе клубочек. Куда он покатится, туда и ты иди.

Пошел Иван-королевич. Куда клубочек катится, Иван-королевич все за ним следует.

Долгий путь был у него, короткий ли, снова подходит к избушке на курьих ножках, на бараньих рожках. Подходит поближе и говорит:

— Избушка-избушечка, повернись к лесу задом, ко мне передом.

Избушка повернулась. Входит в хату. Сидит баба-яга. Да старая-пре-старая, седая, нос крючком:

— Куда, Иван-королевич, последовал?

— Не накормила, не напоила, а стала спрашивать.

Но бабка тоже пошевелилась. Накормила, напоила и спать уложила.

Встал утром Иван-царевич, рассказал ей все, и бабка его в путь проводила. На прощанье дала ему платочек:

— Где трудновато будет, ты им и махнешь.

Пошел дальше Иван-королевич. Клубочек все катится, все катится. Катился долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли. Скоро сказка сказывается, но не скоро делается дело. Идет Иван-королевич, идет. Подходит к темному-темному лесу. Стоит избушка. Вся мохом обросла. Окошечки-то и те вросли в мох — чуть только пеликают. Ну, думает Иван-королевич, чо же: вот их три сестры, и все они уже стары, а эта, наверное, и вовсе древна. Страшно заходить в такую избу. Но Иван-королевич свою невесту отыскивает, никакая страсть его не берет. Подходит к избушке и говорит:

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом.

Избушка повернулась. Входит Иван-королевич. Ох, и старая-то-пре-старая старуха сидит, дак аж мохом обросла.

— Здравствуй.

Ну, и она сказала:

— Здравствуй, Иван-королевич, далеко ли путь держишь?

— Не напоила, не накормила, стала спрашивать.

Ну и как по-прежнему напоила, накормила да и спать уложила.

Наутро Иван-королевич пробуждается и думат себе: ну надо все-таки ее расспросить — как же это, где же моя красавица-то? Когда он рассказал все, она говорит ему:

— Твоя красавица у змея в руках. Он сосет ее белые груди.

Тут ему страшно вато показалось.

— А как же узнать, где его смерть-то?

— А вот уж иди ко своей красавице. Уж она у него выведаёт, где его смерточка.

Ну, пошел. А все-таки старая ему наказала, в какие часы туда идти и в какие секунды идти.

Ох, как он подошел, да как он ее выглядывал: где она там, за какими столбовыми дверьми, да что она там делает? А как увидел, аж ахнул, чуть с ног не повалился: она у него привязана, прикована, на цепи да и к стене. Да бледная какая, худая, измученная. Ой, и закричала она ему:

— Ты куда, Иван-королевич? Ведь он чичас съест тебя, удавит, все что хошь с тобой сделает.

— Ничего,— Иван-королевич успокаивает ее.— Не бойся. Только ты, пожалуйста, помоги мне: расспроси, где же его смерточка?

— Но ты уходи. Ты уходи скорей, уходи, а то он тебя убьет, задавит, что хошь сделает.

Ну, Иван-королевич свое дело сделал: дал ей наказ, а сам пошел.

Пришел к этой же бабке — отдыхает, сил набирает.

А когда прилетел ее змей трехглавый да давай хлестать ее по щекам, кричит на нее:

— Русским ду-ухом пахнет! Кто у тебя был?

— Ой, душенька, никого не было. Ой, душенька, никого не было.

А он раз, раз ее по щекам! — и давай сосать ее груди.

Ну она и приласкалась к нему. И обгладила его, и обнимала его, а все-таки сама-то так ласково и спрашивает:

— Ой, душенька, где же твоя смерточка? Как я боюсь за нее.

— Что тебе моя смерть? Разве что надо тебе от нее?

— Нет, нет! Ничего не надо, ничего не надо. Я только боюсь, чтобы ты жил долго, вечно был мой.

— Моя смерть далеко. На море утка летает. В утке яйцо есть. Вот в этом яичке моя и смерточка. Да что тебе надо от моей смерти?

— Нет, нет, нет. Слава богу, что далеко утка за морем, а яичко в утке. Кто ее может достать? Слава богу, слава богу! Рада я за тебя, рада.

А змей поласкался, погарцевался, да и снова на свою работу улетел. Какую он работу работает, где уж что делает — это неизвестно нам.

Приходит Иван-царевич, подкрадывается, оглядывается — где же она, красавица его?

А она уже ждет. Так ждет, так ждет — все минуточки она свои прощитала. Встретились. И она рассказала ему:

— Вот, Иван-королевич, тебе, наверное, уж не достать его смерти. Ведь за морем утка — где ты ее будешь искать? Яичко там. Дак сколь

приключений к этой утке, к этому яичечку-то! Ой, нет! Ты не выдюжишь, ты ничего не сделаешь. Тут уж я и остануся. Ступай лучше домой.

Но Иван-королевич не такой-то уж слабенький. Справится.

Далек-то этот был путь и долог, но он его одолел. Пришел за море-за океан, нашел утку. Да еще и стрелить-то не из чего. Надо еще и лук приобрести. Какими путями уж он достал его этот лук — неизвестно. Достал утку, вынул яичечко да и оборонил его. Сколько же было гореванья у него, да сколько же было воздыханья — яичечко-то упало в море и укатилось на дно. Вот где несчастье-то, вот где приключение!

Долго Иван-королевич ходит вокруг синего океана-моря и все кличет. А кого кликать-то? Но он нашел такую рыбку Шуку-Милюгу.

— Шука-Милюга, сослужи мне службу!

— Чем нуждаешься, Иван-королевич?

— Да, я нуждаюсь своей судьбой. Сослужи мне службу, отыщи яйцо, то, которое укатилось на дно океана-моря.

Дни и ночи проходили у него все в ожидании. Не спавши, да и не евши, и не пивши. Какой там сон и какая еда, когда кругом впереди препятствия.

Долго ли ждал, коротко ли ждал, слышит — плеск! Шука плещет хвостом по воде, несет яйцо во рту. И подплыла к самому берегу да как хлестнет хвостом — так сразу обкатила его водой! Ну Иван сразу одыбился, похорошел, принял яичечко и пошел. Так оно и шло время у него, катилось.

Ну, наконец, приходит. А змей-то трехглавый там уже хворый. Головушка болит у него, немочь его начинает подхватывать и говорит:

— Что-то я хвораю.

Да сердится на нее, да часто ее похлестывает хвостом.

А как стал Иван-королевич подходить — так он уж и в постели лежит. Вот оно какое дело-то. Будто бы это все страшно, а дело делается.

Ивану-королевичу времечко некогда тянуть. Дошел до этой бабки, отдохнул, подзаправился, поднабрал силы да и пошел к змею. А ведь идти-то надо не с простыми руками. Яичко-яичком, а все-таки надо и оборону. Но лук-то у него с собой и меч где-то приобрел такой, чтоб был емкий. Но подходит.

А вы знаете, ведь змей-то трехглавый! Это одну голову да другую, да третью срубить. Ведь какую это надо силу. А змей совсем расхворался. Стонет лежит, стонет. А как стал Иван-королевич ближе-то подходить, так у него и дух заходит. А Иван-королевич говорит:

— Вот, змей трехглавый, смерть твою нашел.

Ох, он и молил его, и просил его, чтобы оставить его в живых, но разве Иван-королевич это сделает? Ведь это его красавица здесь страдает! А он сам-то разве не страдает? Он тоже уж выболел половину.

Ну, и решается судьба змея. Из лука стрелил — первая голова отлетела. Мечом ударил — вторая голова отлетела. А еще ведь третья голова. Наконец, ка-ак нажал это яичко, оно ка-ак треснет — и третья голова отломилась у змея.

А еще сколь борьбы было! Само-то туловище аж крышу раскрывает, бьется. Не хочется ему умирать-то. Но уж без головы-то и он в бессильи.

Долго ли он тут бился, коротко ли, но все-таки это дело кончилось. Смерточка пришла трехглавому змею.

Как же теперь ему свою красавицу-то отцепить? Ведь на сколь цепях она сидит, да и на сколь замках сидит. Уже хоть в безопасности, но было битвы-то у него и тут. Все замки разбил, все цепи выбил. Дак она, матушка, и на ногах-то не может стоять. Так уж исхудала, что и не выдумаешь. Ну, пошли они. Доходят до этой старушечки. Отдохнули тут. Да еще и наказала бабка-то им.

— Вот кремешок возьмите да чикало. (Как это раньше огонь добывали, ну и этим их на дорожку наградила.)

Пошли. Идут, идут. А чо же? И он-то измучился, худой. И она-то худая. А дорога дальняя, надо торопиться. В пути нельзя мешкать. Путь далекий. Всякое бывает. Идут и слышат: чо-то шумит сзади за ними да гремит. А бабка уж предупредила их, что змеевы-то приспешники за ними будут гнаться. Они и чухают,¹ что погоня это. Чо же делать-то? Вспомнили про кремешок. Иван-королевич как чикнет пряжечкой по кремешку-то — так и сделалась гора. Да высокая, да крутая! Никак они не могут там сзади-то через нее.

А Иван-королевич с невестой бегом, да бегом, да бегом. А много ли набежишь-то? Они и так-то худы, усталые, да еще и гут вот страсть-то какая!

Пока приспешники там били эту гору, да пока ее разломали, а время-то и ушло. Они все-таки вперед убежали.

Слышат — опять погоня. Да какая! С шумом да с грозой! Издалека аж жутко слушать. Вот какая страсть-то! Они уж не знают, чо и делать, да друг за дружку имаются, да и всяко. А потом и вспомнили: ой, бабушка-то нам ведь дала платочек. Ну-ж! Ка-ак махнули три раза этим платочком — разлилось море, да и невыносимое! Море есть море: и широко, и глубоко. А как звуки-то отдаются через это море!

Бог мой, какие вы мудрецы-хитрецы! Вот чо вы сделали. Но, ладно. Ступайте дальше.

Долго ли шли, коротко ли шли. Наконец добираются до своего горodka.

¹ Чухать — знать, чувствовать.

Иван-королевич радешенький. Да и она, красавица, рада. Разве плохо встретиться им. Рады. Уж рады-то какие! Приходят, а тут уж и свадьбы. Братья-то, они ведь тоже их ждут.

Свадьбы играть нужно, к венцу ехать. Ну, идет дело. А тут знаете сколько было всего? И пива, и вина, и закуски, и рыбы, и мяса, и всячины — горы навалены. Масло в бочках накатано. А пива-то уж, пива-то! Дак уж и неизвестно, сколько. Все ждут пира, не только родные, а все горожане ждут, кто в этом городочке жил.

Теперь все и готово. Ну, чо же? Теперь к венцу, Иван-королевич!

Всем подали кареты. Да такие раскрасивые. Да кони-то какие! Да все с бубенцами, да с колокольцами, да с музыкой! А певчих-то сколько! Ведь три сына женятся. Но и поют всем, да и припевают всем. А уж сам-то король-батюшка да разнаряженный с матушкой-то — дак уж и полу-то не слышат, ходят.

Ну, ладно. Снарядились все и поехали все к венцу.

А уж от венца-то иду-ут! — дак народу-то, знаете, сколько было! Ведь каждому и выпить-то хочется, и закусить да и поглядеть-то на таких красавиц.

А вы знаете, ведь мосты-то стеклянные, а сбруя-то серебряная — вот как оно.

Ну, приехали. Давай пировать. Сели за столы дубовые да как начали кушать молодухи, да все поглядывают на младшую-то сношеньку — такая уж она красавица. А рукава-то у ее платья широкие да долги! Чо не пьет, чо не ест — вино льет за правый рукав, косточки кладет в левый рукав. Вот тебе! А эти сидят да перешептываются:

— Гляди-ка, наша-то красавица — дурочка! Кости-то кладет за рукав за левый, а вино-то льет за правый.

А вторая ей говорит:

— Не-ет, это уж чо-нибудь она так, так. Чо-нибудь да будет.

И они тоже также стали делать.

Как покушали да все танцевать пошли. А Иван-королевич разве выдст? Да он со своей красавицей в первые вышел! Танцуют. Как она правой-то рученькой махнула — дак сразу море сделалось, а левой-то махнула — утки поплыли — вот тебе! Ой, сколько же дивушки-то тут было, сколько же тут было любопытства-то!

Ну, а старшие тоже присматриваются.

— Давай, — говорит старшая средней, — и мы с тобой так же.

Как махну-ули — да всех гостей забрызгали, а костями-то всем глаза вышибли. Ну, было тут и смеху, и радости, и греха.

Ну, чо же? Мы ведь тоже погуляли на свадьбе-то. Мед пили, блины ели. Кому блин, а нам башлык. А мы под подворотню да и шмыг.

27. СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

В небольшом поселке жили брат и сестра. Отца с матерью рано они похоронили и остались двое. Вот они растут вместе. Все у них дружно, да по согласию, да по совету. Жили они не так богато и не бедненько: свой хлеб кушали.

Брат был постарше, сестра помоложе. Да такая уж она умница, да красавица, да добренькая! Всегда-то у них все дружно: ты мой Коля, а ты моя Аня.

Коля растет ра растет, да таким касавцем стал! Девушки за ним уж и гонялись. А вот жениться-то на добренькой девушке не пришлось. Попала ему такая бабенка едовитая да самонравная.

Ну, живут год. Как чо Анюшка не делает, жена все наговаривает на нее братцу Коле:

— Смотри, какая у тебя сестра-то: вот чо она делат, вот кака она.

Но Коля не верил ей. А как утром встанет, обязательно к Ане зайдет, о чем-то посоветуется с ней, чо-то скажет или спросит — это уж был закон у них такой. А жене не нравилось: «чо, мол, это он к ней ходит, к сестре-то ко своей. Уж тут не так-то просто». Злючая сделалась.

Стала ходить по бабкам да по дедкам. Вот, мол, у меня золовка — да она такая, да она саякая. Вы мне чем-нибудь помогите да чо-нибудь расскажите, как извести ее. А заплатить-то, мол, деньги есть.

Ну, в одно прекрасное время пришла она к бабке Чернавке. Подарила ей Чернавка зеркальце и говорит:

— Это зеркальце волшебное. Посмотришь в него — сразу все узнаешь.

Посмотрела она в зеркальце, а там друженько так сидят брат-то с сестрой да и советуются. Ой, и взвилась же она. Это чо же? Сколь так можно тянуть времечко? Прибегает домой и наказывает мужу:

— Коля, уведи свою сестру в лес, чтоб мои глаза ее не видели. Убей, а сердце ее мне доставь!

Господи, Коля аж поседел весь. Ведь она сестра ему. Ну, сколь он ни бился, сколь ни ломался, а приказ выполнять надо. Нанимает слуг и говорит:

— Вот чо, мои слуги верные, увезите ее в лес и убейте, а сердце же-не привезите.

Схватили слуги Анюшку, привезли в лес, но убить не убили, а отпустили на все четыре стороны. Сами же поймали козу вынули из нее сердце и привезли его злодейке-жене.

Идет девушка одна по дремучему лесу. Идет и плачет, и тоскует, и медведя боится, и волка боится. Но старых да блудящих ведь никто не берет — ни медведь, и ни волк. Вот она шла, шла и на гору, и под гору, и в лес, и из лесу, видит — вроде тропинка. Пошла она этой тропинкой.

А тропинка все шире и шире. Батюшки! Дом-то какой стоит красивый! Весь обнесен кругом оградой высокой. А псов-то сколь! Да все на цепях. А ворота-то на замках. Как попасть-то, как? Ходила она вокруг, ходила, видит — маленькая калиточка. Она тихонечко подошла, двери открыла и прошла в ограду. Навстречу лохматый-прелохматый псище да здоровущий такой, но не кусается — хвостиком повиливает, повиливает ей хвостиком. Она тихонечко пробралась до избы. Зашла в избу. Там все разбросано, посуда грязна, столы в глине. И обрадовалась она, и жутко стало, потому такой порядок-то разбросанный. Ну, первым делом — чо ей? Голодна она. Живо поела, чо на столе было. Давай скорее посуду мыть. Посуду помыла, постели убрала, все подмела, все поделала и спать легла. Устала же она, бедная, ведь всю ночь ходила, да там и не одну, может быть, ночь, а и несколько дней также. Как легла, так и уснула, дак сладко-пресладко.

Вдруг проснулась и слышит: топот, ржанье коней, лай собак, шум. В ограду заскочили. Батюшки! Она испугалась, да в угол забилась, да и дух притаила. Приезжают. А это кто? Это же грабители приехали, разбойники! Страшные-престрашные, молодые и старые. Заходят в избу и говорят:

— У нас кто-то есть из женского пола. Кто есть? Выходи!

Ой, у нее лоскуточки-то все трепещутся — она вся оборвалась да голая. И волосочки-то шепечут. Бойтся, терпенья нет.

Они опять голос подали:

— Кто же у нас? Выходи. Старше нас — будешь нашей матерью. Младше нас — будешь нашей сестрой, а наша ровесница — будешь супругой кому-нибудь.

Она отвечает да так-ак тихонечко.

— Я ... я голая... выйти не могу. Подайте мне одежду.

Ну, они того же разу соскочили, давай подавать ей платья самые хорошие.

Вышла. Да такая-то красивая, дак одно загляденье. Они и спрашивают:

— За кого пойдешь замуж?

— Ни за кого.

— Ну, тогда будь нам всем сестрой.

И она стала всем сестрой.

Они трясутся над ней, никому рот разинуть не дают. Все ей готово: и дрова, и вода, и мука, и масло, и все чо хочешь, и сладости всякие — вот тебе: ешь, пей, только никуда от нас не ходи. И никого к себе не пускай.

Матушки мои, накатила тут черная туча: невестка ее в зеркало посмотрела. Побежала к Чернавке. Ногами топает:

— Жива ведь она, жива Аннушка! Чтобы не стало ее! Ты мне ее истреби!

— Ну как же я ее истреблю? Она далеко, за темными лесами.

— Истреби, как хочешь, истреби.

Ну вот, Чернавочка-старушка и пошла в путешествие. Вот идет, вот идет. Шла день, ночь. Долго ли, коротко ли. К этому дому пришла. А собаки-то злочие-презлючие. Никак ее не пускают. Она стучается. Увидела красавица Аннушка эту бабушку — обрадовалась, из деревни ведь из их! Охота ей узнать о своем братце: как же братец мой живет?

Пропустила ее. А пес-то близко дотронутся не дает. Ух, она его и так и смят, и ласкает, и кличет — ни в какую! Не пускает близко эту Чернавочку-старушку. Но все-таки привела она ее в избу, напоила, накормила. Чернавка и говорит:

— А я тебе от братца гостинцев принесла.

— Да каких же?

— А яблочку.

Ах, боже мой, пес-то лапами скребет, никак не дает старухе, чтоб она подала эту яблочку, зубами скулит. Но все-таки старуха подала ей эту яблочку.

Только старуха ушла. Аннушка яблочку и поднесла к губам. А пес-то визжит, визжит. Она как голько откусила, а сглотнуть-то еще и не смогла — оно у нее тут близко остановилось — и умерла.

А разбойников долго нету. Ночь прошла, вторая, третья — все нет их.

Наконец приезжают, а Аннушка мертва. Вот они ее туда-сюда. Давай качать, трясти. Как-то трянули вниз ее, у ней яблочко-то вылетело — она и ожила. Говорит:

— Ох, как я долго, братцы, спала.

Живет опять у них, стирает, вяжет, гладит, стряпает. Рада. И она рада, и они рады, что у них есть женский пол.

А Чернавка вернулась домой, дак та, злодейка-то, прыгает от радости, до потолка скачет, что она Аннушку умертвила.

Живет год, два, три Аннушка у этих разбойников. Хорошие ребята все, да столько ей богатства натаскали, да столько ей платьев навозили, да каких только надо, дак чо только нету.

Ну ладно. Заглянула как-то невестка в зеркальце, сдвинулась на дыбы, пошла опять к Чернавке. Ох, и дала же она ей ходу! Злючая-презлючая, да кулаками бьет:

— Жива ведь, — кричит, — жива Аннушка! Денег много тебе дам, всего дам, только истреби ее!

Матушки, и Чернавке-то горе: как она второй раз пойдет? Ну чо? Делать нечего. Пошла опять, пошла.

Время идет, течет. Дело не скоро делается — сказка скоро сказывается.

Подходит к воротам. А пес-то этот и вовсе накалился: да и близко ее не пускает. Вот так, вот так на нее насакивает.

Она кричит:

— Аннушка, заблудилась опять я. В тот раз ягоды брала, а сейчас по дрова пошла.

Хоть и не охото было Аннушке, а пропустила ее. Напоила, накормила и спать уложила. Выспалась Чернавка, всячину наговорила ей, и простила ее Аннушка.

— Вот, доченька, за твою добродетель подарю я тебе золотое кольцо. Надень-ка колечко-то, надень.

Как надела кольцо Аннушка, так сразу и умерла. Но как спит: и румяна и бела, лишь не шевелится.

Приехали разбойники, а она лежит, матушка. Чо делать? И качали ее, и били, и колодили, чо не делали только. Но она спит себе, спит. Как живая лежит, как живая. Сделали разбойники ей стеклянный гроб, вкопали четыре столба, подвесили гроб на цепи. Каждый день ездят к ней разбойники. Приедут, посмотрят. А ведь среди них были и молодые, хотели жениться на ней со временем.

Плакали они, рыдали. Которые жалели ее как сестру, которые как невесту.

Время длится, катится.

Вот как-то раз поехал один барин той дорогой. Едет на тройке лошадей, сидит вразвалку. И вдруг видит: качается гроб.

— Стой, ямщик!

А сам вылезает потихоньку, подкрадывается — кто же в том гробу лежит? Так вот кто! Красавица! Аннушка? (Разбойники-то подписали: «Аннушка».)

Говорит барин ямщику:

— Давай, ямщик, во что бы ни стало снимем этот гроб с цепей.

Сняли, притартали¹ в карету этот гроб стеклянный и повезли домой. Привезли ее уж ночью, внес ее барин в свою комнату и замкнул там. Никого не пускает туда.

Стал он худеть, бледнеть. Родители и спрашивают его:

— Чо же ты, сыночек, бледный?

— Да вот болею чо-то.

А сам оттого бледнеет, что смотрит все на нее. А она уж такая-то красивая лежит.

Отец с матерью все-таки не вытерпели. Однажды, когда уехал сын из дому, сломали замок, залезли в его комнату и ужахнулись. Ох, чо тут есть-то! Гроб стеклянный да с красавицей какой!

¹ Притартать — принести, достать что-либо.

И решили они без него этот гроб убрать, а ее похоронить. Раскрыли гробницу. Видят на ней кольцо, серьги, браслеты. А ведь раньше не хоронили в этом. Говорили, что это грех: ведь кольцо, серьги, браслеты, бусы хорошую цену стоят — деньги. Давай снимать с нее. Бусы сняли, браслеты сняли и кольцо сняли. Как кольцо-то сняли, она как вздохнет: «Ох, как я долго спала!» Стала шевелиться понемногу, потом села и заразговаривала. Вот тебе и пожалуйста.

Долго ли, коротко ли сына не было. Приезжает и сразу в спальню в свою, а там ее нет. Ох, как он заплакал:

— Вы куда ее девали? Зачем зашли сюда?

А они ее спрятали в другую комнату.

Выводят оттуда ее родители. Как он обрадовался!

Ну чо теперь? Свадьбу делать да венчаться надо. Обручались да венчались. И ребятишечки были потом у них.

А невестка уж больше ничего не смогла сделать с Аннушкой. Как она ни рыскала, а найти ее не могла. Далеко увез Аннушку барин: за моря, да за океаны, да за океанские горы.

28. МОРОЗКО

Жил-был в деревушке мужичок. Была у него доченька. Звали ее Машенькой.

Вдруг жена умирает, и Машенька остается годов шести.

Сколько они со своим тятенькой жили — долго ли, коротко ли, но время пришло отцу жениться. Плакала Машенька, плакала, не хотелось ей мачеху в дом брать. Но отец не советовался да и не послушался бы, конечно, доченьки, жениться ему или не жениться. А тут жила на селе одна вдова, он и женился на ней. Ну, на первых порах будто бы ничего: все мирно, хорошо. А как ни хорошо, а все-таки свою-то доченьку она лучше любила. И всегда ей все горяченько, да и чистенько, да и постелька мягонька. А Машеньке-то становилось все хуже. И тятенька-то стал заглядываться больше на мачеху да слушаться ее. Чо бы Машенька ни сделала — все мачеха бранит: вот ты не так, да вот ты не эдак. Да я отцу скажу.

И стала тятя жаловаться.

Грустно Машеньке стало, грустно. Плакать Машенька стала, плакать. В одно прекрасное время мачеха и говорит отцу:

— Ты убирай свою доченьку. Мне она не нужна. Она у тебя нехорошая. Она у тебя язва.

Но отцу жалко стало Машеньку. Однажды мачеха ушла, отец плакал, плакал, приговаривал:

— Доченька моя, не любит мачеха тебя. Но ты потерпи, доченька, потерпи.

Машенька все и терпела. И стало уж ей годов четырнадцать. Подросла — а худенькая такая была, да забитенькая, да грустенькая.

Но чо же? Приходит один день, мачеха и говорит:

— Скажу отцу, чтоб тебя убирал.

Машенька заплакала.

— Не надо, мама, не говори.

— Скажу.

Приходит отец с работы — грустный. Наверное, он уж тоже чувствует, что что-то ждет его доченьку. Мачеха со злости-то и отца не покормила. А Машеньша, наверное, уж и давно не ела досыта хлеба — все ей только корочку. Корочку да корочку. Так уж не сыта и не голодна.

Приказывает мачеха ему:

— Увези свою дочь, увези!

Куда же отцу увезти дочку родную? Подумал, подумал да и говорит:

— Поедем, дочка!

Ну, собрали там маленько картошечек, маленько крупки — хлеба-то не дает! — ну и повез свою доченьку. А куда же он повез ее? В лес, в тайгу.

Ма-аленькое такое зимовье — там посидеть только, чтоб снежком не засыпало. Оставил Машу. Поплакал, погоревал, ну и уехал.

Приезжает домой, а мачеха на таких-то радостях! А дочку-то свою разнарядила! Но, жизнь пошла у ей колесом — избавилась от падчерицы.

А Машенька-то живет, а Машенька-то живет: голодна и холодна. Посидит, поплачет, да потужит, да и опять.

Вдруг ниоткуда возмись баба-яга. Да страшная. Машенька испугалась ее, нахохлилась было плакать, а она ей и говорит:

— Не бойся, девица, меня. Истопи-ка мне вот баньку. Вот тебе решето, натаскай им воды. А не истопишь, я тебя съем.

Ну, Машенька и думает: чо же я решетом натаскаю воды. Ведь оно решето. В нем же не держится вода.

Ушла баба-яга. Машенька пошла по воду. Таскает воду решетом, а вода вся выбегает.

Вдруг ниоткуда зайчик скачет. Да так прытко скачет и говорит:

— Дитя, дитя, не бойся, а потри решето глиной да тинкой, тинкой да глиной.

Машенька обрадовалась, глаза посветлели и говорит:

— Тинкой да глиной?

— Да, тинкой да глиной, — и поскакал в лес.

Маша потеряла тинкой да глиной. Вода-то и стала держаться в решете. Натаскала — да полно корыто ей! Истопила баню.

Пошла яга в баню:

— Но, мой меня!

Давай ее Маша мыть. Вымыла ее, вытерла ее, напарила ее.

— На вот, — тащит корчагу¹ золота ей.

Ну чо же? Доживает Машенька уж последние дни, и золотицо-то ей не нужно. Сидит горюется: хлеба нету ни крошечки. Крупки — только три крупинки. Чо же ей есть-то, чо же?

А старуха — уж времечка много прошло — думает: замерзла она там, замерзла. Говорит старику:

— Поезжай, старик, вези свою дочку-то.

Запрягает он лошаденку, а старуха дает ему еще и мешок.

— На, собери косточки в мешок!

Едет старик — тужит. Как же, ведь подъедет он ко своей доченьке да к мертвой!

Видит: она выходит, да такая рада, да подросла маленько, да освежилася. А как же: хоть маленько и голодно, но зато не ругана. Посадил отец дочку да и попер ее домой.

А старуха дома блины печет, сковородка только шипит у ней.

А собака под столом:

— Тяф, тяф, тяф! Старикову-то дочку в злате-серебре везут, а старухину женихи не берут.

Ой, баба злая рассердилась, как швырнет ей горячий блин. А собака-то жжется, а сама хватает, ест, а сама уже опять выговаривает:

— Тяф, тяф, тяф, тяф! Старикову дочку в злате, в серебре везут, а старухину-то женихи не берут.

Ох, старуха-то ухватом ее, ухватом и опять блин дает. А она опять:

— Тяф, тяф, тяф, тяф! Старикову дочку в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут.

Тут и ворота растворились. Ох, выскочила мачеха старика встречать, думает: тут ее косточки. А видит: корчага золота — тут сколько надо сил ее затаскивать-то. Рассыпают его на мешочки — оно же тяжелущее! — и втаскивают.

Ой, жадность взяла старуху, жадность. Ведь это же старикова дочка. Она же не даст золота. И старик не даст тоже. Живо вбежала в избу, ногами затопала, руками захопала:

— Собирайся, дочка! Увези ее, старик, да на то же месточко посади.

Снарядила ее, в тулуп завернула, в шаль. А старикова-то дочь в одном зипунишечке да в холщовом платочке была. И наказывает дочке:

— Ты уж смотри, доченька, там больше золота-то набери.

¹ Корчага — большой глиняный сосуд.

К сказке Т. П. Дуловой
«Царевна-лягушка»

Повез старик падчерицу с радостью. Дескать, одной-то грижи меньше. Но и потартал ее.

Везет, везет, везет. А она-то сзади едет да:

— Чо скоро? Чо скоро? Чо скоро?

— Скоро, скоро.

Привез в ледяную да холодную зимовьюшечку.

— Ну, слазь,— говорит.— Вот тут твое место.

— Нет, нет.

Но уж теперь ничо не сделаешь. Приказ есть приказ. Сидит злючая-презлючая. А продуктов-то у ней сколько: и хлеба, и муки, и крупы, и сахару и всего.

Но она сидит ест-ест. Не замерзает. Ладно.

Вот баба-то яга и приходит опять:

— А, девица! Истопи мне баню.

— Пошла к черту.

— А не истопишь, дак я тебя съем, а истопишь — корчагу золота дам.

Ну, давай, ленивка, топить баню. А время-то уже много прошло, хлеб-то вышел у ней — она со зла-то много ела. Топит баню. А в решете чо натаскаешь? Вода выбегает ведь. Бежит из-за куста зайчик, подкрадывается:

— Девица, девица, потри гинкой да глинкой.

А она:

— Подь ты, такой-сякой, хвостун косой!

Убежал зайчик. Ох, и таскала она воды, ох, и таскала,— и ничо не натаскала.

Пришла баба-яга в баню мыться, а она ее всю в саже выпачкала. Да и в бане холодно. Она не напарила ее. Баба-яга осердилася и говорит:

— Как ты мне сделала, так и я тебе сделаю.

Ушла да такого морозу напустила и давай ее тряски. Трясла, трясла и заморозила. Сидит кочень кочнем.

А старуха стряпает пироги. Считала все деньки, кричит:

— Запрягай, старик, пару лошадей.

Старик думает: ну, моя худенька корчагу золота привезла, а уж тут, наверное, две.

Поехал на паре и с колокольцами. Приехал, а она и дубаря дала.¹ Снял с себя старик зипунишко, набросил на нее и повез домой.

А баба дома и жарит, и парит, и блины печет. Все честь по чести.

А собачонка-то опять сидит под столом.

— Тяф, тяф, тяф, тяф! Старикову дочку женихи берут, а старухину мертвецом везут.

¹ Дубаря дать — умереть.

Ахнула старуха, бросила ей блинок. Она съела и опять:

— Старухиной-то дочки косточки в мешке везут, а старикову-то жёнихи берут.

Въезжает старик в ворота, побежала старуха навстречу, радостна.

— А вот тебе — кукурыжку¹ привез.

Ой, заревела, заругалась старуха, на старика кинулась драться, падчерицу ухватом дернула.

Вот как она ненависть-то до чего доводит. Вот! Погибла доченька-то её. Так нельзя жить. Надо дружно да мирно, да в согласьи.

¹ К у к у р ы ж к а — кочерыжка.

КОММЕНТАРИИ

Комментарии строятся по следующему принципу: отмечается номер публикуемых сюжетов по «Указателю сказочных сюжетов по системе Аарие» Н. П. Андреева и по указателю В. Я. Проппа в сборнике А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки» (т. III, ГИХЛ, М., 1957, стр. 454—502), выявляется диапазон бытования их в Сибири с учетом общефольклорных и сказочных сборников, начиная с «Записок Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества по этнографии» (1902 г.). Рукописные, газетные и журнальные материалы не отмечаются. Указывается время записи публикуемого текста, дается краткая его характеристика.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Аз.— М. К. Азадовский. Сказки Верхнеленского края. Иркутск, 1925.
Василенко— Сказки, пословицы, загадки. Сборник устного народного творчества Омской области. Редакция, подготовка текстов, составление В. А. Василенко. Омск, 1955.
Верхнел.— М. К. Азадовский. Верхнеленские сказки. Иркутск, 1938.
Вост. Сиб.— Русские сказки Восточной Сибири. Сборник А. Гуревича. Иркутск, 1939.
Живая ст.— Живая старина, XXI, в. II—IV, 1912.

Зеленин В.—Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Вятской губернии. Пг., 1915.

Зеленин П.—Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губернии. Пг., 1914.

Записки Кр.—Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества по этнографии, т. 1, в. 1. Красноярск, 1902; в. 2. Томск, 1906.

Избр.—М. К. Азадовский. Русская сказка. Избранные мастера, I—II. М., 1932.

Никифоров—Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. АН СССР. М.—Л., 1961.

Омск—Сказки Омской области. Записаны И. С. Коровкиным от А. С. Кожемякиной. Редактор Н. А. Каргаполов. Новосибирск, 1968.

Очерки Ирк.—Очерки русской и зарубежной литературы. Иркутск, 1968.

Померанцева—Русские народные сказки. Составитель и ответственный редактор Э. В. Померанцева. М., 1969.

Прибайк.—А. В. Гуревич и Л. Е. Элиасов. Старый фольклор Прибайкалья. Вст. статья и примеч. А. Гуревича. Улан-Удэ, 1939.

Ск. и пред.—Сказки и предания Магая. Записи Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ. 1968.

Ск. Красн.—М. В. Красноженова. Сказки Красноярского края. Л., 1937.

Ск. Магая—Сказки Магая (Е. И. Сорокикова). Записи Л. Элиасова и М. Азадовского. Под общ. ред. М. Азадовского, Л., 1940.

Ск. н. края.—М. В. Красноженова. Сказки нашего края. Красноярск, 1940.

Ск. Сиб.—Сказки из разных мест Сибири. Под ред. проф. М. К. Азадовского. Иркутск, 1928.

Соколовы—Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.

Смирнов—А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок архива Русского Географического общества, в. I—II. Записки Русского Географического общества по отделению этнографии, т. XLIV. Пг., 1917.

«Указатель» — «Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне». Н. П. Андреева. Л., 1929.

Указатель, дополн. Проппом.—А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. III, ГИХЛ. М., 1957, стр. 454—502.

Эрленвейн—А. А. Эрленвейн. Народные сказки, собранные сельскими учителями. М., 1863.

СКАЗКИ А. А. ДЕРЯГИНА

1. ПРО ДВУХ ЦАРЕВИЧЕЙ И СТАРУ ВЕДЬМУ

(«Указатель», №* 931 II)

В сказочном материале сюжет не част. Подобная сюжетная тема разрабатывается обычно двояко: одни варианты связаны с легендой об Евстафии Плакиде и несут религиозную морализирующую окраску (Соколовы, № 119; Никифоров, стр. 351, № 153; Зеленин П., стр. 269, № 1), другие лишены религиозного мотива (Записки Кр., т. I, в. 2, № 35; Зеленин В., № 29; Померанцева, стр. 64—70).

От Дерягина сказка записана дважды: в июне 1967 г. и в октябре 1968 г. Печатается по записи 1967 г. В этой же записи опубликована в Очерках Ирк., стр. 81—83. Дерягинская сказка свободна от религиозного мотива, а также отошла от лубочного стиля, к которому близки известные варианты. Во многом она утратила элементы традиционной поэтики.

Сказка характерна для творческого метода Дерягина, пытающегося осмыслить чудесные события через современность. Еще более ярко это стремление выражено в записи 1968 г., где сказочник присоединяет к традиционному сюжету бытовой анекдотический рассказ (см. предисловие, стр. 14).

Кроме дерягинского, вариантов этого сюжета на Лене зарегистрировать не удалось. В сказочных сборниках Сибири, за исключением Записок Кр., они также не зафиксированы.

2. ПРО ВАНЮ

(«Указатель», дополн. Проппом, №№ 530 А, 530* В)

Сюжет дан в «Указателе» под названием «Сивко-Бурко». Очень распространен в дореволюционном и современном сказочном репертуаре. На Лене записан от семи сказочников.

От Дерягина записывался дважды: в июне 1967 г. и в октябре 1968 г. Вариант, представленный в сборнике, первый (опубликован в Очерках Ирк., стр. 83—88).

Изложение сюжета Дерягиным, как и другими ленскими сказочниками, традиционно и почти полностью соответствует другим известным вариантам. Но, в отличие от них, в роли Ивана-дурака у Дерягина выступает не младший брат, а средний. В стиле сказки чувствуется влияние «Конька-Горбунка» Ершова и вместе с тем проявилась склонность самого сказочника к рифме. «Взял вилы и топор, сам отправился в дозор. Идет, блины улетаёт, на небе звезды считает. На могилу пришел, круг могилы обошел. Глухая полночь приходит, отец его из могилы выходит».

В сибирских сборниках (см.: Записки Кр., в. I, № 54, в. 2, № 23; Ск. Красн., № 23;

Прибайк., № 33) М. К. Азадовский отмечает этот сюжет (незаписанный) в репертуаре Винокуровой (Аз., стр. 136).

На вопрос о том, какая связь между наследованием сыновьями «невидимого капитала», под которым подразумевается чудесный конь, и «караулом» на могиле отца, сказочник ответить не мог. А между тем это чрезвычайно любопытная деталь, идущая от древнейшего обычая наших предков. В период разложения родового общества имущество семьи наследовал младший брат. Но он становился «законным» наследником лишь после совершения особого поминального обряда на могиле отца. Эта теснейшая связь между наследованием имущества после смерти отца и совершением в честь его определенного ритуала, как интересно показал М. Е. Мелетинский, нашла отражение в сказке (см. его кн. «Герой волшебной сказки. Происхождение обряда». М., 1958).

Не удивительно, что Дерягин не мог знать о таком давнем обычае. Удивительно и ценно то, что этот архаический обряд прошел через века и пусть в форме хотя бы такого смутного воспоминания, но все-таки запечатлелся в современной сказке.

Наследование же чудесного коня не младшим, а средним братом объясняется, по-видимому, стремлением сказочника к рифмованной фразе.

3. АНАСТАСИЯ — ЗОЛОТА КОСА

(«Указатель», дополн. Проппом, № 301)

Сюжет в Указателе назван «Три царства: медное, серебряное, золотое». Из всего множества вариантов, отмеченных «Указателем» Аарне-Андреева, а также дополненных В. Я. Проппом, самую близкую параллель, вплоть до совпадения деталей, находим у Афанасьева (№ 129) и приближенную у Соколовых (№ 153).

Сказка широко распространена в Сибири (см. Записки Кр., в. 1, № 33, в. 2, № 10, 31; Аз., № 7; Верхнел., № 7, 28; Ск. Сиб., № 14, 17, 18; Ск. Красн., № 18; Вост. Сиб., № 22; Василенко, № 9; Омск, стр. 84—92). Омский вариант необычен. В нем к сюжету 301 А присоединяется сюжет 513 А: Иван-царевич с братьями идет на поиски исчезнувшей матери, освобождает попутно двух царевен, но женится не на одной из освобожденных, а на Алене-Мудрене, которую его заставляет высватать для себя «человек с коготь, борода с локоть». Выполнить эту трудную задачу Ивану-царевичу помогают семь помощников: мастер петь, мастер пить, мастер из рыб рыбу выбирать, мастер из трав траву выбирать, мастер из звезд звезды выбирать, мастер холод прогонять, мастер от собак.

От Дерягина сказка записывалась дважды: в июне 1967 г. и в октябре 1968 г. Как правило, второй раз Дерягин рассказывает неохотно: «Я же уж тебе говорил про это. Почему в голову не брала?» — и вариант получается бледнее. Поэтому как и три предыдущие сказки, эта печатается в записи 1967 г. Она же опубликована в Очерках Ирк., стр. 91—95.

Рассказывая второй раз и в чем-то схематизируя сюжет, Дерягин в то же время обычно вводит в него новые подробности, детальнее разрабатывает мотивы поступков и стремится объяснять чудесные явления (см. предисловие, стр. 13). Во втором варианте сказочник сообщает имена царя — Бело Полярье и генерала, за которого выдали миллионершу: «Слыхала ты про генерала Репова? Знаменитый был. Вот за него и выдали миллионершу-то».

4. КАК СОЛДАТ БАРИНА ОБМАНУЛ

(«Указатель», № 1775; «Указатель», дополн. Проппом, № 1535*В)

В таком соединении эти два сюжета почти не встречаются. Из пятнадцати сказочников, от которых велись записи сказок на Лене, данная сюжетная тема разрабатывалась лишь Дерягиным. Сказка записывалась от него дважды. В июньской записи 1967 г. сюжет № 1535*В отсутствовал. Дерягин ввел его в вариант, рассказанный летом 1968 г. Оба варианта хранят архаический эпизод перекладывания вины на вещь (см. И. И. Толстой. Обряд и легенда афанских буфоний. — В кн.: И. И. Толстой. Статьи о фольклоре. М. — Л., 1966).

В сибирских сборниках см.: Ск. Сиб.- 9; Записки кр., в. 1; № 42; в. 2, № 7; Прибайк., № 40; Омск, № 14, 18.

5. ПЯТЬ КОПЕЕК

Бытовой анекдотический рассказ. Варианты неизвестны.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СКАЗКИ А. А. ДЕРЯГИНА,
ЗАПИСАННЫЕ В 1967—1968 гг.

1. Как солдат захотел царску личность посмотреть. («Указатель», дополн. Проппом, № 326* В.)

2. Хитрая женска. («Указатель», № 1730.)

3. Запасны ноги. («Указатель», № *1537 I, 1739.)

4. Как мужик трех попов перехитрил. («Указатель», дополн. Проппом, № 1539.)

5. Старуха-ворожея. («Указатель», дополн. Проппом, № 1641.)

6. Быча. («Указатель», № 1675.)

7. Семилетка. («Указатель», дополн. Проппом, № 875.)

8. Болтливая баба. («Указатель», дополн. Проппом, № 1381.)

9. Темный поп. («Указатель», № 1825 А, В, *Д.)

10. Кот — чистота, огонь — красота, изба — высота. («Указатель», дополн. Проппом, № 1940.)

Бытовые анекдоты

11. Как мужик попадью проучил.
12. Андрюшка — свинячий пастух.
13. Смех — горе.
14. Зуб.
15. Цыган — конокрад.
16. Мерси!
17. Шут Балакирев.

Авторские произведения А. А. Дерягина

18. Про Ленина.
19. Про Крупскую.
20. Про Хрущёва.
21. Про капиталиста из других держав.
22. Очки.
23. Прохвост.
24. Справедливый суд.

СКАЗКИ Д. А. КОНОШАНОВА

6. ЕРУСЛАН ЛАЗАРЕВИЧ

(«Указатель», дополн. Проппом, №* 650 II)

Сказка записана в июне 1969 г. Коношанов перенял ее от своего «прахдедушки». Среди известных вариантов наиболее близок к коношановскому вариант Сороковикова: оба сказочника начинают повествование с сюжета «победитель змея» (№ 300 А), довольно подробно передают лубочный текст. Оба варианта близки и по идейной устремленности: Сороковиков и Коношанов постоянно задерживают внимание слушателей на благородстве и справедливости своих героев. Ср.: «Я всегда уважал слабых и сирот, так что иногда бывают бессильные, а овладевают сильными» (Сороковиков). «Отец твой зря никого не обижал, отбивался сам от врагов да выручал других», — говорит волшебник об Еруслане Лазаревиче (Коношанов).

Текст Коношанова в стилистическом отношении во многом отходит от лубка. Он строг и более эпичен. Само действие сказки относится к киевским временам, в «княжество Володимирское».

Если учитывать сравнительно малую распространенность сказки в русском сказочном материале, то нужно признать, что в репертуаре сказочников Сибири она довольно популярна (Ск. Магая, № 10; Ск. и пред., № 10; Вост.-Сиб., № 21; Прибайк., № 22; Василенко, № 10).

7. БОБА КОРОЛЕВИЧ

(«Указатель», №* 707 I)

Сюжет пришел из лубочной литературы. В сказочных сборниках не част. В «Указателе» отмечено лишь три варианта (Соколовы, № 114; Зеленин П., № 18; Худяков, 1, № 36). В сборниках Сибири см.: Ск. Магая, № 11; Ск. и пред., № 11; Омск, стр. 27—37. Сибирские записи полнее и подробнее передают лубочный текст.

От Коношанова запись произведена в июне 1969 г. Его вариант также сохраняет имена и последовательность лубочного рассказа, хотя по стилю значительно от него отходит. (Ср. с «высоким стилем» варианта Магая). Во всех сибирских вариантах сказочники подчеркивают благородство и гуманизм героя: «Скажите королю Маркобруну, — говорит Боба Королевич оставленным в живых воинам, — пусть не собирает на меня войска и не губит зря народ» (Магай). Также и коношановский Боба просит Картауса не посылать на него «богатыришек», «не портить людей».

И Коношанов, и Кожемякина (Омск) не забывают служанку, выпустившую на волю богатыря: «...Боба Королевич ту девочку нашел, которая его из темницы выпустила... Он ее крепко наградил, человеком сделал» (Коношанов). «И девка-чернавка все живая. Он за родную мать почел ее» (Кожемякина).

Как многие современные сказочники, склонные все объяснять, Коношанов своеобразно толкует имя героя: «Фамилия Бобы была Королек. Вот тебе и Боба Королевич».

8. ВОРОН ВОРОНОВИЧ

(«Указатель», № 313 В, С)

В русском сказочном репертуаре распространенный сюжет. Представлен почти во всех сборниках Сибири: Записки Кр., т. I, в. I, № 43; Аз., № 6; Ск. Красн., № 19; Верхнел., № 6 (отчасти), № 22; Вост.-Сиб., № 11, Избр., № 36; Прибайк., № 29, 30, 31; Ск. Магая, № 4, Омск, стр. 19—26.

Запись варианта Коношанова сделана 1 июня 1969 г. Как и у некоторых других сибирских сказочников (Сороковикова, Аксаментова), у Коношанова чувствуется сибирский колорит: герой — охотник, действие происходит в тайге. Однако весь рассказ схематичен. Кое-что сказочник, по-видимому, забыл. Ворон, в которого целится охотник, оказывается и чародеем. Он в благодарность дает охотнику чудесный ящик, и он же требует того, «чего дома не знаешь». Вместо трех задач, чародей задает сыну охотника одну.

9. [ПОЙДИ ТУДА, НЕ ЗНАЮ КУДА, ПРИНЕСИ ТО,
НЕ ЗНАЮ ЧТО]

(«Указатель», дополн. Проппом, №№ 465 А, 518)

Обычно герой, пощадив на охоте утку или лебедушку, которая превращается в красавицу, женится на ней. Царь или купец, желая овладеть красавицей, дает мужу трудные задачи, посылает «туда, не знаю куда» и т. д.

Вариант, записанный от Коношанова в июне 1969 г., несколько необычен. Он соединяет два сюжета: 518 («Обманутые лешие») и 465 А («Пойди туда, не знаю куда»). Солдат отправляется на поиски красавицы для царя, не зная ее (по фотографии). Хитростью отнимает у трех мужиков чудесные предметы. Но в дальнейшем использует только ковер-самолет, другие диковинки даже не упоминаются. Привезенная солдатом красавица не хочет идти замуж за царя. «Тогда царь отправляет солдата «туда, не знаю куда», принести то, «не знаю что». Солдат с помощью красавицы выполняет задание, побеждает царя при посредстве чудесной трости и женится на красавице-принцессе.

В сибирских сборниках разработка этой сюжетной темы редка. Отдельные мотивы ее зарегистрированы в Записках Кр., т. I, в. I, № 1; Аз., № 10; Верхнел., № 10.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СКАЗКИ Д. А. КОНОШАНОВА,
ЗАПИСАННЫЕ В 1969—1970 гг.

1. Сивко-Бурко. («Указатель», дополн. Проппом, № 530 А.)
2. Страсть. («Указатель», дополн. Проппом, № 326 *В.)
3. С того света выходец. («Указатель», дополн. Проппом, № 1540.)
4. Царевна Несмеяна. («Указатель», дополн. Проппом, № 559.)
5. Чудеса. («Указатель», дополн. Проппом, № 571.)
6. Солдат в аду. («Указатель», № 804*.)

СКАЗКИ Р. Е. ШЕМЕТОВОЙ

10. МИТЯ

(«Указатель», дополн. Проппом, №№ 325, 671)

Вариант сюжета № 325, известный под названием «Хитрая наука», распространен и отмечается как первая публикация волшебной сказки в сб. 1772 г. «Вечера»¹. Сказка о «хитрой науке» часто соединяется с сюжетом «три языка» или

¹ Э. В. Померанцева. Судьбы русской сказки. М., 1965, стр. 44.

«язык птиц» (№ 671). В таком соединении представлен и публикуемый вариант. Запись его произведена от Шеметовой в июне 1967 г. Сказка, как и все другие рассказанные Шеметовой, перенята ею от Н. О. Винокуровой. Влияние Винокуровой чувствуется на всех деталях сюжетной схемы сказки. Шеметова сохраняет те же эпизоды (сжигание Мити в поленище дров, избавление его младшей дочерью колдуна, отравление ее царской дочерью), которые в других вариантах этого сюжета не встречаются, кроме Ск. Красн., № 26 — сжигание мальчика в поленище и Смирнова 72 — «лесовой» бросает мальчика в печь. Шеметовой близок и художественный метод Винокуровой: то же внимание к глубоким переживаниям, введение бытовых мотивировок поступков героев.

Варианты сюжета зафиксированы в сибирских сборниках: Аз., № 4; Верхнел., № 4, 25; Ск. Красн., № 26; Омск, стр. 54—57.

11. ПРОТУПЕЙ ПРАПОРЩИК

(«Указатель», № 301* С)

Вариант записан от Шеметовой в июне 1967 г. В сибирских сборниках аналогичные варианты представлены в сб. Аз., № 8; Верхнел., № 8, 23; Ск. Магая, № 7; Ск. и пред., № 7. В сб. Вост.-Сиб. названием «Протупей прапорщик» (№ 26) объединяются сюжеты № 306 и 566.

Шеметова разрабатывает сюжет близко к винокуровскому. Отличается только вступлением. У Винокуровой царскую дочь похищает «антиресный караль» и уходит на дно. Шеметова помнит это начало, но оно почему-то ей не нравится: «Я тебе не как у мамочки, по-другому скажу», — и начинает с мобилизации солдат в деревне.

Во вступлении уже отмечалось, что Шеметова, наследуя винокуровскую традицию, творчески перерабатывает ее. Так она более детально разрабатывает состояние душевных и физических страданий покинутого на острове Протупей Прапорщика. У Винокуровой: «Кароче сказать, идет двенадцатый день. Совсем он из сил выбился, ни пил, ни ел. «Боже упаси не пайду дальше, я решусь совсем». Лег себе на траву и одно уж дыхание ходит в ем. Что же двенадцатый день. Лежит себе, дышит» (Аз., стр. 57). У Шеметовой: «Вот идет он день, идет другой, идет третий — уже слабей и слабей стает. Подойдет, подойдет — упадет, подойдет, подойдет — упадет. Полежит немножко, ветром его обдует — силы наберет, опять немножко подойдет. Прошел еще немного — упал. «Но вот здесь моя и смерть, боле мне не встать», — думат. Тут погодка сделалась, тучки надошли, дождичек заporoшил — опять немного освежился. «Ну еще маленько подойду». Опять все силы собрал, опять подошел. Упал — ну больше никак, двигаться даже не может, — лежит. Лежит Протупей Прапорщик, только дыхание у него ходит — больше ничего».

В отличие от Винокуровой, к переживанию главных героев Шеметова подключает

реакцию на них и второстепенных (см. конец сказки: Капитан «осердился, не в себе такой...», лодман «брови нахмурил» и т. д.).

В этой сказке четко проявились особенности творческого метода Шеметовой.

12. ПАРФИЛУШКА

(«Указатель», дополн. Проппом, № 1539)

Записана от Шеметовой в июне 1967 г. Сказку Шеметова переняла от Винокуровой, сохранив в деталях сюжетную схему. Вариант очень распространен в Сибири: Записки Кр., в. I, № 42; Аз., № 22; Верхнел., № 20; Вост. Сиб., № 12, 37; Прибайк., № 43; Ск. Магая, № 14; Ск. н. кр., стр. 116; Василенко, № 14, 18; Омск, стр. 99—101.

На Лене аналогичный вариант записан от Дерягина. Сюжет его близок шеметовскому, лишь в конце Дерягин вводит анекдотичный непристойный эпизод.

13. ПЕСТРУШКА

(«Указатель», дополн. Проппом, № 510 В)

Сюжет известен под названием «Свиной чехол». Вариант его записан от Шеметовой в июне 1967 г. Переняла она сказку от Винокуровой, но в записях М. К. Азадовского этот сюжет не зарегистрирован. Художественно сюжет разработан слабо, воспроизводит традиционную схему. Известен лишь в двух сибирских сборниках: Записки Кр., в. 1, № 12 и Василенко, № 13.

14. СОРОК РАЗБОЙНИКОВ

(«Указатель», дополн. Проппом, №№ 955, 956 В)

Соединение двух сюжетов: «Жених — разбойник» (955) и «Девушка и разбойник» (956 В). Запись произведена в октябре 1968 г. Вариант этот также близок винокуровскому (Аз., № 20).

Эстетическое чутье Шеметовой исключительное: она никогда не теряет интересных художественных деталей, найденных Винокуровой (ср. старушка, «которую Машенька наблюдала... просит ее зайти в ее ветхлую келью» (Винокурова). «Дорогая красавица Маша, приостановитесь, зайдите ко мне в ветхлую, коптелую избушку... я вам тайные слова скажу» (Шеметова); убегая от погони разбойников, Маша залезла в «горелое, дупленатое дерево» (Винокурова). «Маша бежит, чуёт — догоняют ее. Вот дупленатый пенек, выгорелый. Она сюда».

Вместе с тем Р. Е. Шеметова не только сохраняет, но и усиливает «моральное

значение» (Верхнел., стр. 200) сказки, развивая мотивы благодарности, сердечной привязанности, дружелюбия.

Вариант представлен в следующих сибирских сб.: Записки Кр., в. 2, № 20; Аз., № 20; Верхнел., № 18; Ск. Сиб., № 20; Омск, стр. 104.

15. СЧАСТЬЕ

(«Указатель», дополн. Проппом, №№ 567, 735)

Сюжет «Чудесная птица» (№ 567) распространен в русских сказочных сборниках. Иногда встречается один, чаще контаминируется с сюжетом «Две доли» (№ 735); во многих вариантах к сюжету № 567 или к двум (567 и 735) присоединяется третий, известный под названием «Рога» (№ 566).

Вариант, записанный от Шеметовой в июне 1967 г., представляет собой соединение сюжетов «Две доли» (735) и «Чудесная птица» (567). В таком же сочетании представлен он и у Винокуровой (Аз., № 9) под названием «Утка с золотыми яйцами».

На тексте Шеметовой лежит несомненная печать винокуровского варианта. Однако типичный для Винокуровой эпизод приюта старушкой «заблудшего» и связанный с ним мотив благодарности у Шеметовой отсутствует. Концовка сказки также отходит от винокуровской и смыкается с традиционной: в большинстве известных вариантов мать несет наказание за попытку убить сыновей. Так и у Шеметовой: «сыновья мать с паном на плите скоробили» (ср. с Виноградовой: «...на горячую плиту, хахаля-то. Сказнили ево... А мамашу уж не смели шевелеть, нет правов мать казнить...»)

Вариант встречается в сб. Сибири: Аз., № 9; Верхнел., № 9; Ск. Сиб., № 2; Прибайк., № 27; Василенко, № 2, 4, 7.

16. КОЛДОВСКОЕ ЗЕРКАЛО

(«Указатель», дополн. Проппом, №№ 465 А, 329, 400 А)

Сочетание сюжетов, известных под названием «Красавица жена» (№ 465 А), «Муж ищет исчезнувшую жену» (№ 400 А), «Чудесное прятание» или «Елена Премудрая» (№ 329), встречается довольно часто. В сборниках Сибири все три сюжета соединены в следующих вариантах: Записки Кр., т. 1, в. 2, № 28; Аз., № 10; Верхнел., № 10; Ск. Красн., № 3. Соединение двух сюжетов 400 А и 329 зафиксировано в Ск. н. края, стр. 108; сюжета 329 — в Записках Кр., в. 2, № 28; Ск. Сиб., № 2; сюжет 400 А — в Записках Кр., в. 1, № 55, в. 2, № 15.

Запись данного варианта произведена от Шеметовой в июне 1967 г. Эту сказку она также переняла от Винокуровой (Аз., № 10 — под названием «Мудрая жена»). Изложение сюжета, а также сказочные образы и отдельные художественные моменты близки винокуровскому тексту, хотя изложение более экспрессивно и психологично (см. очерк «Сказки Р. Е. Шеметовой»).

17. НУЖДА

(«Указатель», дополн. Проппом, №* 735 I)

Сюжет известен под названием «Горе». Вариант записан от Шеметовой в июне 1967 г. Перенят ею от Винокуровой, однако записи его нет. Азадовский упоминает этот сюжет, как входящий в репертуар сказочницы, но не записанный им (см. Аз., Послесловие, стр. 136).

Кроме Шеметовой, «Нужду» рассказывали ее сын Иннокентий и внук Сережа. В сказочных сборниках Сибири вариант не зарегистрирован.

18. БЕСПУТЫЙ СЫН

(«Указатель», дополн. Проппом, № 1525 А)

Запись произведена в июне 1967 г. По словам Шеметовой, сказку слышала от Винокуровой, в сборниках Азадовского она не встречается. В других сибирских публикациях вариант не зарегистрирован, но в русском сказочном материале сюжет распространен. «Указатель» отмечает 38 его вариантов. Многие из них контактируются с сюжетом из серии сказок об одураченном черте или анекдотах о хитрых и ловких людях.

19. НИЩЕНКА

(«Указатель», дополн. Проппом, № 882 А)

Сюжет известен под названием «Спор о верности жены». Запись публикуемого варианта произведена в июне 1967 г. Эту сказку Шеметова также переняла от матери. Следуя винокуровской традиции, Р. Е. большое внимание уделяет внутренним переживаниям героев. При этом она сохраняет ту «мягкую деликатность» в описании проявления их чувств, которой, по замечанию Азадовского, овеваны сказки Н. О. (см. Верхнел... Предисловие, стр. XI). Например, эпизод, где сказочная героиня интересуется настроением (!) своего мужа. «В одно прекрасное время царь что-то загрустил. Машенька спрашивает: «Что вы так грустные стали? То ли я вам не нравлюсь, что вы меня из бедного положения взяли, то ли сами больные стали, что тако?»

Узнав, что царь мечтает путешествовать, Машенька предлагает ему ехать. «Так плыть-то не штука, вот как я вас-то оставлю,— отвечает муж и очень деликатно объясняет причину своей тревоги: — Таки вы молоды, так красивы, что бы у нас не случилось, мол». Или сцена объяснения царя с нищенкой: «Ваше царско величество, вы бы лучше над кем-нибудь посмеялись, а над нищенкой смеяться нечего». — «Я над вам,— говорит,— не смеюсь... Я вас так полюбил, вы мне на душу легли».

Вместе с тем Шеметова устраняет несогласованность, допущенную Винокуровой в эпизоде с кучером (см. примечание Азадовского к Верхнел., стр. 200). В отличие от Н. О. она поясняет причину, по которой царь сжигает землянку нищенки: «Для того, говорит, сжигаю я землянку, чтоб мое сердце не болело, что из землянки взял я себе жену».

Однако следует признать, что в целом вариант Шеметовой слабее винокуровского: сцена свадебного пира, эпизод свидания с офицером схематичны, пейзажные детали отсутствуют вовсе.

Сказка представлена в сибирских сборниках: Аз., № 19; Верхнел., № 17; Ск. Сиб., № 3 (начало сказки), № 13; Ск. Красн., № 7. В двух последних вариантах введен мотив расплаты верной жены с обидчиком.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СКАЗКИ Р. Е. ШЕМЕТОВОЙ, ЗАПИСАННЫЕ В 1967—1968 гг.

1. Марко Богатый. («Указатель», дополн. Проппом, № № 930, 461.)
2. Царевна-лягушка. («Указатель», дополн. Проппом, № 402.)
3. Ковер-самолет. («Указатель», дополн. Проппом, № 707.)
4. Климушка. («Указатель», дополн. Проппом, № 530 А, 530*В.)
5. Жена-оборотень. («Указатель», № *449 В.)
6. Крендельская туча. («Указатель», дополн. Проппом, № 1381.)
7. Страсть. («Указатель», дополн. Проппом, № 326 *В.)
8. О кладе. («Указатель», № 834.)
9. Буркало. (Аналогий в «Указателе» не дано.)
10. Зайкина шубка. (Сюжет «Капитанской дочки» Пушкина.)
11. Фрелина. («Указатель», № *992.)
12. Непросская ведьма. (Аналогий «Указатель» не дает.)

Сказки, записанные в феврале 1970 г.

13. Иван-царевич и Серый Волк, («Указатель», дополн. Проппом, № 550.)
14. Сын от цаловка. («Указатель», № 315 А.)

СКАЗКИ М. М. БОЛДАКОВОЙ

20. ЧЕРНЫЙ УЖ

Аналогий «Указатель» не дает. В сборниках Сибири не зафиксирован. Сходные варианты встречаются у Зеленина В., № 107, «Про раков» (Легенда о происхождении раков); в сб. Эрленвейна, № 3, «Об ужаке», в литовско-языческих очер-

ках Теобальда, Вильна, 1890, стр. 67—72. Упомянутые варианты носят легендарный характер. В интерпретации Болдаковой (июньская запись 1969 г.) повествование приобретает некоторые черты сказочной поэтики (три сестры, три ответа, наложение запрета, нарушение его и наказание, характерные эпитеты — «сине море», «легкая шляпочка»).

21. ЖЕНА-ОБОРОТЕНЬ

(«Указатель», №* 449 В)

Запись произведена в июне 1969 г. Сибирские варианты представлены в сб.: Записки Кр., в. 1, № 14; Аз., № 16; Верхнел., № 14. Подобный же сюжет записан от Р. Е. Шеметовой. Из всех упомянутых наиболее разработан вариант Винокуровой (Аз., № 16; Верхнел., № 14). Как отмечает Азадовский (Верхнел., стр. 198), ее сказка близка к восточному источнику из сб. «Тысячи и одной ночи», о чем говорят некоторые специфические детали и эпизоды, особенно в конце сказки (мальчик-носильщик, появление двух кривых, расправа с собаками).

Шеметова также полно разрабатывает эту сюжетную тему, но делит ее на две сказки: первая — полностью соответствует сюжету «Жены колдуньи» (№ *449 В), вторая — связана с темой Шахерезады (самостоятельная разработка конца сказки Винокуровой).

Вариант Болдаковой полностью соответствует сюжетной схеме «Указателя» № *449 В. Повествование характерно для художественного метода сказочницы: полное отсутствие традиционного канона, рассуждение по поводу излагаемых событий и объяснение их. Так, описывая злоключения мужа, превращенного в собаку, Болдакова постоянно подчеркивает особую трудность его положения — «ум-то у него человеческий!» «Забегал в один двор. Там на нижнем этаже сидит купец, паужинает (Купцы они всегда паужинают)... Бросил ему кусок сырого мяса. Но чо же он будет есть сырое мясо? Ум-то у него ведь человеческий... Купцу очень понравился этот кобель... Ну кому же такая собака не погланется — ум-то у него человеческий!»

22. ЧЕРВЯЧОК

Подробных вариантов в «Указателе» не зарегистрировано.

Кроме сказки А. С. Кожемякиной «Козлы» (Омск, стр. 66—69), аналогий сибирские сборники не дают.

По сюжету вариант Болдаковой, записанный в июне 1969 г., примыкает к серии сказок о чудесном супруге: старуха выкалывает из полена червячка, который оказывается заколдованным молодцом. Червячок женится на царской дочери. Она сжигает его «курлупку», за что он надевает на жену чугунное платье и исчезает. Жена находит мужа, отдает три заветных платья, чары рассеиваются.

В устах Болдаковой эта волшебная сказка, как, впрочем, и другие, рассказанные ею, во многом теряет черты традиционной поэтики: обрядность не соблюдается, зачин и концовка опускаются, из трех трудных задач Болдакова оставляет только одну (постройку хрустального моста), выполнение которой лишается элементов чудесного: «Одну условию я только ставлю,— говорит царь сватам: — чтоб от меня и до вас был хрустальный мост и по ту и другую сторону от него текли реки серебряны и балесник был бы и всяки ягоды росли». — «Все исправим,— сказали дед с бабой. — Только ты свадьбу делай скорей». По сказочной логике волшебной силой обладает «чеврячок», который выполняет трудные задачи, а не дед с бабой. Опускается Болдаковой и мотив колдовства в превращении молодца в «чевряка». Зато бытовые моменты приобретают первостепенное значение (указание царевны на основное достоинство «чевряка»: «работает во как!»; эпизоды изгнания второй женой первой и особенно финал сказки, четко отражающие быт и взаимоотношения древней приленской деревни).

23. СТАРУХА-ВОРОЖЕЯ

(«Указатель», дополн. Проппом, № 1641)

Сюжет очень распространен в сказочной традиции. В сибирском материале см. Записки Кр., в. 1, № 64; в. 2, № 17; Ск. Магая, № 22; Ск. н. кр., стр. 185; Вост. Сиб., № 14; Прибайк., № 44. На Лене аналогичные сюжеты записаны от Шеметовой (июнь 1967 г.), Дерягина (октябрь 1968 г.), Коношанова (июнь 1969 г.).

Во всех отмеченных вариантах отправным моментом воровства является бедность. У Шеметовой: «Жили сын со старухой, да уже так-то бедно». У Дерягина: «Жили старик со старухой и оstarели. Физически работать не могут — психическое положение» и т. д.

Текст Болдаковой отличается от перечисленных тем, что исходным пунктом воровства служит разлад в семье: «У старухи было два сына, да обои лени. Не дадут старухе кусок — голодовать должна». По всей вероятности, такая посылка отражает личный момент в судьбе сказочницы.

Любопытен конец сказки: «Вот что значит приговорка-то — в них вся правда. Так раньше многи кормились, приговоркам, — в них правда, а не в картах — в них я не верю».

Намек на вознаграждение за сказку общеизвестен («Вам сказка, а мне бубликов связка»). Здесь же выражен взгляд на сказительское мастерство как на средство пропитания. Эта точка зрения, в большей мере сибирская, действительно имела место и отражала историческое прошлое края, с его бродягами и поселенцами (см. предисловие к Верхнел., стр. XVII—XVIII).

Эту же мысль выражает и Дерягин, заканчивая аналогичную сказку словами: «Ранешно время сказкам многи жили. А на Киренге и сейчас: знаешь сказку — будешь одет, обут и нос в табаке».

24. КРАЮШКА

Подобных вариантов «Указатель» не отмечает. В сибирских сборниках они также не зарегистрированы.

Рассказ Болдаковой (июньская запись 1969 г.) представляет собой контаминацию двух сюжетов: первый приближается к сюжетной теме «Две доли» («Указатель», № 735), второй соответствует преданиям об оборотнях.

25. СЕМИЛЕТКА

(«Указатель», дополн. Проппом, № 875, частично № 921)

Текст записан в июне 1969 г. Основная схема — традиционна (подробнее см. очерк «Сказки М. М. Болдаковой»). Аналогичные варианты представлены в следующих сборниках Сибири: Записки Кр., в. 1, стр. 131; Ск. Сиб., № 4; Прибайк., № 39; Василенко, № 24; Омск, стр. 93—95.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СКАЗКИ М. М. БОЛДАКОВОЙ, ЗАПИСАННЫЕ В 1969 г.

1. Конек-горбунок. («Указатель», дополн. Проппом, № 531.)
2. О двенадцати братьях. («Указатель», № 451.)
3. Смелый. («Указатель», дополн. Проппом, № 326 *В.)
4. Нужда. («Указатель», дополн. Проппом, № *735 I.)
5. О кладе. («Указатель», № 834.)

СКАЗКИ Т. П. ДУЛОВОЙ

26. ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

(«Указатель», дополн. Проппом, №№ 402, 400 А, 302, *313 I)

«Указатель» дает 24 варианта. Из них сибирских: Записки Кр., в. 1, № 7. Прибайк., № 38; дополн.: сказка отмечается Азадовским в репертуаре Винокуровой (см. послесловие Аз., стр. 136); записана от Шеметовой (июнь 1967 г.).

Вариант Дуловой, по сравнению с опубликованными сибирскими, самый полный. Сюжет контаминированный: «Царевна-лягушка» (402), «Муж ищет исчезнувшую

жену» (400 А), «Кошечья смерть в яйце» (302), «Бегство от бабы-яги» (*313 I).

Сказка записана от Т. П. дважды: в июне 1969 г. и феврале 1970 г. Оба варианта, differing в деталях, характерны для художественного метода Дуловой сочетанием традиционной поэтики (троичность: три брата, три стрелы, три задания, три избушки «на курьих ножках, на бараньих рожках», три ночи обдумывает Иван-царевич похищение шкурки; общие места и традиционные формулы: «долго ли, коротко ли», «близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли», «избушка-избушечка, повернись к лесу задом, ко мне передом», с бытописательством: эпизоды изготовления холстов («ткнут, прядут, белят, толкут»), выдачи продуктов для пирога («столько-то муки, столько-то дрожжей, масла...»), сцена подготовки свадебного пира. Основываясь на традициях местного быта, Дулова переносит свадьбу в конец сказки (см. очерк «Сказки Т. П. Дуловой»). В записи 1970 г. имеется уточнение: «Но обычно свадьбу у нас полмесяца делали — все ведь приготовить надо: и пива наварить, и холстов наткать, и невесту обшить — делов много».

Основное внимание сказочница уделяет душевным движениям героев. Рассказ эмоционален, постоянно обращен к слушателям («А тут, знаете, сколько было всего? И пива, и вина, и закуски, рыбы, и мяса, и всячины...», «дак народу-то, знаете, сколько было?»). Тон повествования мягкий, ласковый («сношеньки», «старушечка», «смерточка»).

27. СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

(«Указатель», дополн. Проппом, № 709)

В «Указателе» сюжет назван «Волшебное зеркальце». Однако в вариантах сибирских сборников мотив чудесного зеркальца отсутствует (см. Записки Кр., в. 1, № 40, 46; Ск. Сиб., № 5; Ск. Красн., № 24). Вариант Ск. Красн. (№ 24) дополнен историей неузнанной героини в рабочих у своего отца. Подобный сюжет записан в феврале 1970 г. в Жигаловском районе Иркутской обл. Текст № 40 (Записки Кр.) осложнен эпизодами борьбы братьев с семиголовым змеем и оживления их Иваном-царевичем.

Изложение Дуловой (июньская запись 1969 г.) близко известной обработке Пушкина в «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях» (волшебное зеркальце, Чернавка, верный пес, ядовитое яблоко). В отличие от пушкинского и перечисленных сибирских вариантов в роли отравительницы выступает не мачеха, а невестка. Конец сказки смыкается с упомянутыми сибирскими и многими другими общерусскими источниками: гроб с телом «спящей красавицы» герой привозит в свой дом, хранит его в своей комнате, пока родные в его отсутствие не оживляют девушку (вынув булавку, либо сняв рубашку, кольцо и т. д.)

28. МОРОЗКО

(«Указатель», дополн. Проппом, № 480* В)

Сюжет примыкает к серии сказок «Мачеха и падчерица». В сказочном материале широко известен, но в сибирских сборниках не встречается.

Текст Дуловой, записанный в июне 1969 г., сохраняет традиционную сюжетную схему. Публикуемый вариант Т. П. часто рассказывала детям, что отразилось на характере изложения — в умилительно-наивном тоне повествования («худенькая была такая, да забитенькая, да грустненькая», «...не ела досыта хлеба — все ей корочку да корочку», «доживает Машенька уж последние дни, и золотцо-то ей не нужно... хлеба нету ни корочки. Крупки — только три крупинки» и т. д.), привнесении поучающей концовки (см. очерк «Сказки Т. П. Дуловой»).

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ СКАЗКА Т. П. ДУЛОВОЙ.

Про Сянку, Бурку и Вечного Каурку. («Указатель», дополн. Проппом, № 530 А.)

СОДЕРЖАНИЕ

Е. И. Шастинна. Новые варианты старых сюжетов

Сказки А. А. Дерягина

1. Про двух царевичей и стару ведьму

2. Про Ваню

3. Анастасия — Золота коса

4. Как солдат барина обманул

5. Пять копеек

Сказки Д. А. Коношанова

6. Еруслан Лазаревич

7. Боба Королевич

8. Ворон Воронович

9. Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что

Сказки Р. Е. Шеметовой

10. Митя

11. Протупей Прапорщик

12. Парфилушка

13. Пеструшка

14. Сорок разбойников

15. Счастье

16. Колдовское зеркало

17. Нужда

18. Беспутный сын

19. Нищенка	106
Сказки <i>М. М. Болдаковой</i>	111
20. Черный уж	114
21. Жена-оборотень	115
22. Чеврячок	118
23. Старуха-ворожея	121
24. Краюшка	122
25. Семилетка	124
Сказки <i>Т. П. Дуловой</i>	128
26. Царевна-лягушка	130
27. Спящая красавица	138
28. Морозко	142
Комментарии	147

Для всех, кто интересуется этнографией, фольклором и историей нашего края, Восточно-Сибирское книжное издательство выпустило следующие книги:

Шерхунаев Р. А.

СКАЗИТЕЛЬ ПЕОХОН ПЕТРОВ

Очерк о жизни и творчестве бурятского народного певца.

Шаракшинова Н. О.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС БУРЯТ

Своеобразно устное народное творчество бурят. Большой интерес представляет их героический эпос.

Работа Н. Шаракшиновой — глубокая характеристика этого жанра.

Мельхеев М. М.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Кудрявцев Ф. А., Вендрих Г. А.

ИРКУТСК. Исторический очерк.

Коллектив авторов.

ЗЕМЛЯ ИРКУТСКАЯ (К пятидесятилетию Октября).

О преобразованиях в Сибири, о ее величественном будущем, о ее людях рассказывает эта книга.

СИБИРЬ ГЛАЗАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСТЕЙ.

В книге помещены отзывы и заметки о Сибири иностранных путешественников, писателей, общественных деятелей, побывавших в нашем крае.

Многие страницы, посвященные вопросам истории, фольклора, культуры и литературоведения, найдете вы и в альманахе «Сибирь».

Книги и альманах можно приобрести в магазинах книготорга и киосках Союза печати.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА ШАСТИНА

СКАЗКИ ЛЕНСКИХ БЕРЕГОВ

Художник Г. Г. Леви

Редактор Н. И. Есипенко

Художественный редактор А. И. Аносов

Технический редактор А. В. Пономарева

Корректоры Н. Б. Колкина и В. В. Горновская

Сдано в набор 7 апреля 1971 г. Подписано в печать 19 августа 1971 г. Формат 70×84 ¹/₁₆. Бумага тип. № 1. Печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 12,09. Тираж 10 000. Заказ 2414. НЕ 07259.

Цена 68 коп.

Восточно-Сибирское книжное издательство, г. Иркутск, ул. Горького, 36.

Тип. «Вост.-Сиб. правды», 1-я Советская, 109.

68 коп.

